

Александр Пальчун

Театральные КОМЕДИИ

1
ТОМ

18+

Александр Петрович Пальчун

Театральные комедии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67592747

SelfPub; 2022

Аннотация

В первый том драматических произведений автора входят пять театральных комедий в двух действиях : «Андрюша, не летай!», «Фанерный гость», «Покойник долго не живет», «Нашествие племянников», «Меценат и немного полярник».

Содержание

АНДРЮША, НЕ ЛЕТАЙ!	4
ФАНЕРНЫЙ ГОСТЬ	87
ПОКОЙНИК ДОЛГО НЕ ЖИВЕТ	166
НАШЕСТВИЕ ПЛЕМЯННИКОВ	263
МЕЦЕНАТ И НЕМНОГО ПОЛЯРНИК	355

Александр Пальчун

Театральные комедии

АНДРЮША, НЕ ЛЕТАЙ!

(Комедия в двух действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АНДРЕЙ РАСКАТОВ – художник-неудачник

АННА – жена Андрея

ДАНИИЛ – сердечный друг Анны

БОРИС КАНАЕВ – мелкий воришка

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ – наркоделец

ЭЙЛЕР – владелец арт-галереи

ОКСАНА – соседка Раскатовых

ТРОФИМ – подозрительная личность

КАПИТАН – полицейский

1-й СТРОИТЕЛЬ

2-й СТРОИТЕЛЬ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира семейства художника Раскатова. Стены уве-

шаны яркими аляповатыми картинами. В комнате три двери: левая – ведет в спальню, средняя – на кухню, правая – входная. Также по центру есть еще одна, четвертая, дверь – балконная, соединенная с широким окном. Из мебели имеется диван, просторный двустворчатый шкаф, комод с выдвижными ящичками и телефоном, стоящим на нем. Есть журнальный стол. Неподдалеку от шкафа стоит кресло, рядом с ним висит зеркало. На стене – большой плоский телевизор. В кресле, развалившись в небрежной позе, в брюках и в майке, словно у себя дома, сидит ДАНИИЛ. АННА нервно ходит по комнате.

ДАНИИЛ. Анюта, присядь, нам все-таки надо решиться. Все не может так продолжаться.

АННА. Согласна, не может.

ДАНИИЛ. Мы должны ему все рассказать.

АННА. Но это убьет его!

ДАНИИЛ. Да ничего с ним не случится! Я ведь не умер, когда ты выскочила за него замуж! А мы любим друг друга со школы. Зачем ты это сделала?

АННА. Теперь сама не понимаю.

ДАНИИЛ. А не понимаешь, так разведись!

АННА. А этого он не поймет. Тем более сейчас, когда у него депрессия.

ДАНИИЛ. Тогда отправь его к психиатру – там умеют обращаться с подобной публикой.

АННА. Он отказывается, говорит, от таблеток пропадет вдохновение.

ДАНИИЛ. Вдохновение?! Чтобы рисовать такую мазню, нужно вдохновение?!

АННА. Он считает свои картины гениальными.

ДАНИИЛ. Пусть сначала доллары научится рисовать. Если гений, то где покупатели его безобразия?

АННА. Он утверждает, что гениев редко признают при жизни.

ДАНИИЛ. Так в чем дело?

АННА. Даниил, как ты можешь?! Андрей и так постоянно грозит покончить с собой.

ДАНИИЛ. Вот еще глупости! Слышал: великие художники живыми не бывают.

АННА. И его нигде не берут на работу.

ДАНИИЛ. Малярные работы повсюду требуются. Пусть запишется на биржу труда.

АННА. Он ходил, но его выставили из кабинета.

ДАНИИЛ. Явился туда со своими картинами?

АННА. Скорее всего. Возмутился, что на вакансию оформителя нужен диплом.

ДАНИИЛ. Дальше можешь не рассказывать. Я наперед знаю, что он там кричал.

АННА. Что?

ДАНИИЛ. А у Микеланджело был диплом?! И Рафаэль тоже рисовал без всяких корочек!

АННА. Рафаэль, по его мнению, не рисовал, а творил. А Ван Гог живописал...

ДАНИИЛ. ...Бритвой по уху. Мало того, что этот псих плохо слышал, он еще и цвета не различал.

АННА. Андрей вчера по телефону ругался с Владиславом Эйлером.

ДАНИИЛ. С владельцем арт-галереи?

АННА. Да, с ним. Эйлер обозвал Андрея недохудожником, а его картины – пятнистыми буднями. И теперь отказывается их выставлять.

ДАНИИЛ. Правильно и делает. Занимают место, никто не покупает, а Эйлеру – одни убытки.

АННА. За Эйлера не знаю. А вот нам – точно. Платим за квадратные метры на стене галереи. Чтобы избавиться от Андрея, он специально поднял цену.

ДАНИИЛ. А что Андрей?

АННА. Кричал, что он так видит.

ДАНИИЛ. Тогда пусть сходит к офтальмологу.

АННА. И что в нем живет художник.

ДАНИИЛ. Аптека рядом, там знают, чем выводить паразитов.

АННА. Он грозил покончить с собой. Кричал так, что соседка прибежала.

ДАНИИЛ. Оксана?

АННА. Да. У нее Джонни начинает выть, когда слышит Андрея.

ДАНИИЛ. Джонни?

АННА. Собака, спаниель.

ДАНИИЛ. Господи, спаси и убереги меня от такой жизни! Надо все обрубить одним махом. Сколько можно встречаться тайком? Давай расскажем ему, что мы давно любим друг друга, а затем ты переедешь ко мне.

АННА. А если он с собой что-то сделает?

ДАНИИЛ. Глупости. Если бы мужа убивались по таким мелочам, я бы давно обитал среди амазонок.

За дверью слышится гудение лифта.

АННА. Тихо... это он...

ДАНИИЛ. Но ты сказала, что он нескоро...

АННА. Это он сказал. И как ему после этого верить?!

ДАНИИЛ. Черт! А я звонил ему, что сейчас в командировке.

АННА. Прячься!

ДАНИИЛ. В спальне?

АННА. Нет, сюда. (*Указывает на шкаф.*) Я буду в спальне.

Анна убегает в спальню. Даниил прячется в шкаф. Входная дверь немного приоткрывается, сначала показывается мужская голова, затем осторожно входит грабитель БОРИС КАНАЕВ. Он кладет отмычки в карман, осматривает-

ся по сторонам. Увидев картины на стенах, от удивления присвистывает.

БОРИС. Ни фига себе! Это сколько надо выкурить, чтобы такое нарисовать! (Подходит к комоду, выдвигает ящички, не найдя ничего ценного, задвигает обратно. Подходит к шкафу, открывает дверцу (соседнюю с той, где прячется Даниил.) Вот это другое дело! Здесь я подправлю свой гардеробчик. (Снимает свой пиджак, кладет на спинку кресла, вынимает из шкафа пиджак на тремпеле, примеряет обновку, вертится у зеркала.) Как раз мой фасончик. В меру притален... мелкая полоска...

Слышится возня снаружи входных дверей. Борис в чужом пиджаке убегает на балкон. Входит хозяин квартиры АНДРЕЙ, замечает открытую дверь шкафа и пиджак на кресле.

АНДРЕЙ (подойдя к креслу). Надо же. Приготовил и забыл надеть. (Идет к балконной двери, чтобы затворить ее.)

За спиной Андрея слышится скрип. Из шкафа выглядывает Даниил. Андрей поворачивается на скрип, но Даниил успевает спрятаться обратно. На фоне окна видно, как грабитель Борис взбирается на перила, пытаясь перебраться на соседний балкон. Андрей замечает его, бросается на бал-

кон.

АНДРЕЙ (*громко*). Ты с ума сошел!

Борис от испуга обрывается вниз. Слышен его протяжный, затихающий крик.

АНДРЕЙ (*кричит*). Аня, Аня, у нас кто-то прыгнул с балкона!

АННА (*вбегая в комнату*). Андрей, что случилось?

АНДРЕЙ. Кто-то прыгнул с балкона!

Анна теряет сознание, полагая, что речь идет о Данииле.

АНДРЕЙ (*приводя в чувство Анну*). Аня, очнись! Что с тобой?!

АННА (*в полубессознательном состоянии*). Шестнадцатый этаж...

АНДРЕЙ. Да, немного высоковато... Аня, очнись. Ты его знаешь?

За спиной Андрея из шкафа выглядывает Даниил, подсказывая ответ, отрицательно вертит головой. Андрей не видит Даниила, в то время как Анна замечает его.

АННА (*увидев Даниила*). Господи, ты живой!

АНДРЕЙ (*принимая возглас на свой счет*). Я-то живой!

А вот ему крышка.

АННА. Ты о ком?

АНДРЕЙ. Тебе лучше знать о ком! О том, кто сиганул с балкона. Господи! С такой высоты!

АННА. Андрей, не выдумывай.

АНДРЕЙ (*указывая в сторону балкона*). Иди посмотри.

Анна выходит на балкон, смотрит вниз, возвращается в комнату.

АННА. Там собралась толпа. Сбегай узнай, что случилось.

АНДРЕЙ. Я и так знаю. Он увидел меня и прыгнул.

АННА. Кто?

АНДРЕЙ. Ты еще спрашиваешь?

АННА. Но я спала.

АНДРЕЙ. Среди бела дня? Ты десять лет не спала днем.

АННА. И вот, стоило прилечь...

За спиной Андрея дверь шкафа открывается, Даниил, подсказывая Анне, указывает в сторону стены, затем снова закрывает дверь.

АННА. Я поняла... Это, скорее всего... любовник Оксаны... хотел перебраться на наш балкон.

АНДРЕЙ. Оксаны?! У Оксаны любовник?!

АННА. А почему бы и нет? Но ты его испугал...

Дверь шкафа открывается. Даниил, подсказывая Анне, хватаяет себя за горло, затем закрывает дверь.

АННА. Ты убил его. Бедная Оксана!

АНДРЕЙ. Никого я не убивал. В любом случае, мы, кажется, влипли.

АННА. Подумают на меня.

АНДРЕЙ. Что на тебя?

АННА. Что он убежал от меня, вернее – от тебя.

АНДРЕЙ. От меня?

АННА. Ну не от меня же! И ты его толкнул с балкона.

АНДРЕЙ. Анна, клянусь, он сам прыгнул!

АННА. Не знаю, я не видела.

АНДРЕЙ. А я видел!

АННА. Вот и расскажешь в полиции. Надеюсь, там поверят, что от одного твоего взгляда мужики ныряют с балкона вниз головой.

АНДРЕЙ. Там не поверят.

АННА. В том-то и дело. Пойди, посмотри, кто это.

АНДРЕЙ. Я не люблю разглядывать покойников.

АННА. А что ты скажешь в полиции?

АНДРЕЙ. Не знаю. Меня даже озноб начал пробирать.

АННА (*подавая пиджак, оставленный Борисом*). Тогда

надень и сбегай вниз.

АНДРЕЙ (*надевая пиджак*). Запомни, я к нему не прикасался.

АННА. И ко мне никто не прикасался.

В полицейской форме входит КАПИТАН ЛАПОХВАТ.

КАПИТАН. Извините, у вас было открыто. (*Представляется.*) Капитан Лапохват. (*Анне.*) Вы хозяйка квартиры?

АННА. Да, меня зовут Анной.

КАПИТАН. Фамилия?

АННА. Раскатова.

КАПИТАН. Примите мои соболезнования.

АННА. Что случилось, капитан?

КАПИТАН. А вот это я хотел бы услышать от вас.

АНДРЕЙ. Я видел его. Он перебирался с соседнего балкона и оборвался.

КАПИТАН. Кто живет за стеной?

АННА. Ее зовут Оксана. Скорее всего, это ее любовник.

КАПИТАН. И вы так спокойны?

АННА. А что мне теперь, из-за чужих любовников самой с балкона прыгать?!

КАПИТАН. Да-а-а... Вы меня удивили. Представляю, как вы жили. Бедный супруг.

АННА. Какой супруг?

КАПИТАН. Ваш – Андрей Раскатов, полетевший с бал-

кона.

АННА (*удивленно смотрит на Андрея*). Андрей?

АНДРЕЙ. Он не мог прыгнуть.

КАПИТАН (*Андрею*). Я слышал вашу версию. Но думаю, все было иначе. И мы выясним, как все случилось.

АННА. Капитан, вы шутите?

КАПИТАН. Со смертью шутки плохи. (*Вынимает из кармана паспорт, протягивает его Анне.*) Вот его документы.

АННА (*смотрит паспорт*). Это его паспорт. (*Поворачивается к Андрею.*) Андрей...

КАПИТАН. Бедняга Андрей. (*Поворачивается к Андрею.*) Ваши документы, гражданин!

Андрей хлопает себя по карманам, нащупывает паспорт, протягивает его капитану.

КАПИТАН (*берет паспорт, читает*). Борис Канаев...

АНДРЕЙ (*удивленно*). Канаев?

КАПИТАН. Вы впервые слышите свою фамилию?

АНДРЕЙ. Там написано Канаев? (*Тянется к паспорту.*)

КАПИТАН (*отстраняет руку Андрея*). Я учился в школе и могу сложить несколько букв.

АНДРЕЙ (*сообразив, откуда появился паспорт, поворачивается к Анне*). Тогда он точно был в нашей квартире! И он вовсе не любовник Оксаны!

АННА. Тогда чей?! Ты подозреваешь меня в измене?..

КАПИТАН. ... Со своим мужем Андреем Раскатовым?

АНДРЕЙ. Да как он мог прыгнуть, если я здесь?!

КАПИТАН. Очень просто – с вашей помощью. Вот как!

(Протягивает паспорт Андрею.) Держите. Завтра утром явится в участок, спросите капитана Лапохвата. Нам, гражданин Канаев, предстоит долгий разговор. Вы все подробно изложите на бумаге. И не вздумайте бежать – мы знаем вашу фамилию и найдем на краю света. *(Анне.)* А вам еще раз мои соболезнования. До свидания. *(Уходит.)*

АНДРЕЙ. Чертовщина какая-то. Я ничего не понимаю.

АННА. Вот, стоило прилечь на пять минут, и ты умудрился убить человека!

АНДРЕЙ. А стоило мне отлучиться на десять минут, у тебя появился любовник. Я не удивлюсь, если в этом шкафу прячется еще один! *(Подходит к шкафу, открывает дверцу – соседнюю с той, за которой прячется Даниил.)*

АННА. Да ты сам его привел! *(Прислоняется ко второй двери шкафа спиной.)*

АНДРЕЙ. Твоего любовника?

АННА. Несчастную жертву. И подсунул ему свой паспорт! Захотел прославиться. *(Кривляется.)* Непризнанный гений Андрей Раскатов выбросился из окна.

АНДРЕЙ. Ты думаешь, это я устроил?!

АННА. А кто, если у тебя его паспорт? И капитан обо всем догадался.

АНДРЕЙ. Все было не так. Я объясню.

АННА. Объясни.

АНДРЕЙ (*чешет затылок*). Черт побери! Не могу.

АННА. Тут и шимпанзе понятно.

АНДРЕЙ. Какому шимпанзе?

АННА. Который изображен на этой картине. (*Указывает на одну из картин, висящую на стене.*)

АНДРЕЙ. Где ты видишь шимпанзе? Это восход солнца в осенних Альпах.

АННА. А это пятно?

АНДРЕЙ. Это стадо вымерших бизонов, вернее, их души в виде облака. Думаешь, чем неандертальцы питались сто тысяч лет назад в горах?

АННА. Чипсами и кока-колой! Потому и вымерли. Но тебе это не грозит – в тюрьмах хорошо кормят.

АНДРЕЙ. Боже! Ты и в самом деле думаешь, что я инсценировал свое убийство?

АННА. Не важно, что я думаю, важно, что об этом подумает судья.

АНДРЕЙ. Зачем бы я стал убивать себя?

АННА. А зачем писал Эйлеру, что покончишь с собой?

АНДРЕЙ. Чтобы не убирал мои картины.

АННА. Ты угрожал, что привяжешь к рукам полотна и на этих крыльях, спланируешь в вечность.

АНДРЕЙ. Это была метафора. Но он, балбес, ее не оценил. И что нам теперь делать?

Дверь шкафа за спиной Андрея открывается. Даниил жестом подсказывает Анне, что Андрея следует выпроводить.

АННА. Иди выпей кофе и хорошенько подумай, что тебе делать.

АНДРЕЙ. Я выпью двойной, или тройной... с имбирем.
(Уходит.)

АННА (бросается к шкафу). Скорей выходи.

ДАНИИЛ (выбираясь из укрытия). Ноги затекли... не могу разогнуть.

АННА (помогая выйти из шкафа). Сейчас расходятся.

ДАНИИЛ (у самого выхода). Стоп... А моя одежда?

АННА. Я принесу. (Убегает в спальню.)

Из кухни входит АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ. Где ты подевала имбирь? (Замечает полуодетого Даниила.)

Даниил изображает потрясение, крестится и отмахиваться от Андрея, как от привидения, пятится в сторону балкона. Андрей задерживает его у самой двери.

АНДРЕЙ. Стоять! Не хватало еще одного покойника.

ДАНИИЛ (в притворном страхе). Изыди, нечистая сила!

АНДРЕЙ. Даниил, ты что? Это я.

ДАНИИЛ. Ты лежишь внизу. (*Указывает в сторону балкона.*) Я только услышал – сразу прибежал.

АНДРЕЙ. Что услышал?

ДАНИИЛ. По телевизору... Непризнанный гений Андрей Раскатов выбросился из окна. Вот... прибежал... не успел как следует одеться.

АНДРЕЙ. Это недоразумение. Поверь мне – я живой. Видишь – я живой! (*Вертится, демонстрируя наличие жизни.*) Выбросился какой-то кретин. Не исключено, что это любовник Анны.

ДАНИИЛ. Если ты живой, то перестань бредить. Как может Анна – жена гениального художника, спутаться с никому неизвестным Борисом Канаевым?

АНДРЕЙ. С Борисом Канаевым?

ДАНИИЛ. Я сказал Борис Канаев?

АНДРЕЙ. Да, только что.

ДАНИИЛ. Я сказал, например с Борисом Канаевым.

АНДРЕЙ. Даниил, не хитри. Если тебе что-то известно – говори.

ДАНИИЛ. Я сказал первую пришедшую в голову фамилию.

АНДРЕЙ. Ты его знаешь?

ДАНИИЛ. Никогда не встречал.

АНДРЕЙ (*настойчиво*). Кто он?

ДАНИИЛ. Отвратительный тип. Хорошо, что убился.

АНДРЕЙ. Кто убился?

ДАНИИЛ. Ну... если ты живой, значит он.

АНДРЕЙ. А с чего ты взял, что убился именно Борис Канаев?

ДАНИИЛ (*хлопнув себя по лбу*). Точно!... Я ведь слышал... как я мог позабыть! Когда санитары несли его в машину, один сказал: похож на Бориса Канаева. Вот почему я вспомнил его фамилию. (*Крестится.*) Господи, спаси и помилуй грешную душу.

АНДРЕЙ. Чью душу?

ДАНИИЛ. Усопшего... Он, кстати, похож на тебя.

АНДРЕЙ. Совсем не похож. Смотри. (*Внимательно из кармана паспорт Канаева, протягивает Даниилу.*)

ДАНИИЛ (*смотрит в паспорт*). Действительно... И как полицейский не обратил внимания?

АНДРЕЙ. Какой полицейский?

ДАНИИЛ. Да что ты прицепился?! Что ни скажу – обязательно с подозрениями! Что я – на допросе? Лучше подумай, что завтра скажешь капитану.

АНДРЕЙ. Какому капитану?

ДАНИИЛ. Лапохвату!.. (*Сообразив, что брякнул лишнее.*) И не делай вид, будто не знаешь нашего участкового. Его каждая собака знает... Теперь и ты познакомишься, заодно – и с уголовным кодексом. Он тебе быстренько подберет нужную статью.

АНДРЕЙ. И меня осудят за убийство?

ДАНИИЛ. За преднамеренное и спланированное. Сначала подсунул свой паспорт, а затем толкнул с балкона. Никаких смягчающих обстоятельств.

Из спальни входит АННА с одеждой Даниила.

ДАНИИЛ (*указывая в сторону Анны*). Вот! Даже одежду умудрился подбросить.

АНДРЕЙ. Какую одежду?

ДАНИИЛ (*указывая в сторону Анны*). Какую, какую... усопшего... убиенного Бориса Канаева. (*Анне.*) Аня, ты где нашла одежду?

АННА. Чью?

ДАНИИЛ. Этого несчастного – безвременно почившего Канаева.

АННА. Ах, эту... За шкафом. Ума не приложу, как она там оказалась?

ДАНИИЛ (*указывая на Андрея*). У него расспроси. Я временно ей воспользуюсь – не бегать же по улице в майке. (*Берет одежду.*)

АННА. Конечно, это неприлично.

ДАНИИЛ. Думаю, покойник не обидится.

АНДРЕЙ. погоди, я должен проверить карманы. (*Проверяет карманы, из одного из них вынимает фотографию Анны, недоуменно смотрит на нее, затем поворачивается к Анне.*) Аня, у него была твой фотография!

ДАНИИЛ (*забирает фотографию, кладет ее обратно в карман*). Ну ты и ловкач! Даже фотографию подсунул.

АНДРЕЙ. У меня нет такой фотографии!

ДАНИИЛ. Разумеется! Ты не настолько дурак, чтобы подбрасывать фото из семейного альбома... Все предусмотрел. (*Хлопает себя по карманам.*) Чего доброго, еще пистолет подбросишь!

АНДРЕЙ. Да клянусь, и в мыслях не было никаких пистолетов!

ДАНИИЛ. Конечно... Проще столкнуть – и все. Но ты не волнуйся, я тебя не выдам. Я не из тех друзей, что предают.

АННА. А я не из тех жен, что осуждают супруга за случайное убийство.

ДАНИИЛ. Мы этого пиджака не видели, ничего о нем не знаем. Улику я унесу на себе. (*Надевает пиджак.*)

АНДРЕЙ. И уничтожь фотографию.

ДАНИИЛ. Ловко ты заметаешь следы. Но фото я сохраню – никому не придет в голову искать его у меня. Кстати о фотографии, ты не очень похож на покойника в паспорте. Как бы чего не вышло.

АНДРЕЙ. В смысле?

ДАНИИЛ. Если уж решил выдавать себя за Канаева, так делай это профессионально. Просто удивительно, что капитан не заметил разницы.

Андрей вынимает паспорт, Даниил выхватывает его, де-

монстрирует *Анне*.

ДАНИИЛ. Посмотри – он здесь с бородой. А где у Андрея борода? Здесь шевелюра, – а у Андрея жалкая растительность.

АНДРЕЙ. Я мог сфотографироваться раньше... заросшим.

ДАНИИЛ. Вот-вот... это немного теплее.

АНДРЕЙ. А перед этим два месяца не бриться.

ДАНИИЛ. Это еще лучше. Плохо только одно, завтра тебе на допрос, а к утру борода не вырастет.

АНДРЕЙ. Плевать я хотел на допрос! Он мне повестку не вручал.

ДАНИИЛ. А подписку о невыезде? У них это называется горящая путевка... на несколько лет.

АНДРЕЙ. И ее не вручал. И вообще, я никуда не собираюсь уезжать, я... просто убегу!

ДАНИИЛ. Убежишь... когда фамилия известна. Ладно... ладно... Мы с Анной не слышали о приглашении в участок. Впрочем, как я мог слышать, когда меня здесь не было? (*Андрею*.) Но тебе надо срочно приобрести сходство с этим малым...

АНДРЕЙ. Который в морге?

ДАНИИЛ. Который на фотографии. С тем, что в морге – у тебя не получится, разве что прыгнуть с шестнадцатого этажа. Андрей, мой тебе совет: становись полноценным Бори-

сом Канаевым и живи себе спокойной размеренной жизнью.

АНДРЕЙ. Жизнью Канаева? Любовника Оксаны?

АННА. Никто тебя не заставляет продолжать эту связь...

ДАНИИЛ. ...Особенно после того, что с тобой случилось.

АНДРЕЙ. Со мной?

ДАНИИЛ. Ну не со мной же! Я по чужим бабам не бегаю.

АНДРЕЙ. И я не бегаю.

ДАНИИЛ. Муж верен – пока не проверен. Оксана замужем?

АННА. Не замужем – ее Николай бросил.

ДАНИИЛ. Бедная женщина – лишилась и мужа, и любовника.

АНДРЕЙ. Но ведь я не погиб.

АННА. Андрей, не переигрывай!

ДАНИИЛ. Да. Ты играй, но знай меру. (*Анне.*) Аня, он как малый ребенок. Мы просто обязаны помочь ему превратиться в этого... Бориса...

АННА. В Бориса Канаева?

ДАНИИЛ. Правильно. Поэтому не называй его больше Андреем. (*Андрею, указывая на Анну.*) Теперь ты ей больше никто!

АНДРЕЙ. Как это никто?! Она моя жена, и я люблю Анюту.

ДАНИИЛ. По документам уже не любишь. Хотя... никто тебе не запрещает любить чужую жену, вернее... вдову.

АНДРЕЙ. Какую вдову?

ДАНИИЛ. Господи! У меня такое ощущение, что ты и правда ударился головой! Если Андрей Раскатов погиб, то его жена по-твоему кто?

Анна вытирает воображаемые слезы.

ДАНИИЛ. Вот видишь! А у тебя никакого сочувствия.

АНДРЕЙ. Я сочувствую и могу снова жениться на ней.

ДАНИИЛ. Конечно можешь... но не сразу. Сам понимаешь... траур и все такое прочее.

АННА. Сразу было бы некрасиво.

АНДРЕЙ. Ничего, я потерплю. Но только недолго... И где я буду жить?

ДАНИИЛ. Можешь поселиться у меня, а я буду приходить сюда... и потом сообщать, что здесь происходит.

АНДРЕЙ. Я и сам смогу приходить.

ДАНИИЛ (*Анне*). Видишь, его так и тянет на место преступления! (*Андрею*.) Приходи, кто тебе запрещает. Но сначала обзаведись бородой и приличной шевелюрой.

АНДРЕЙ. Это не проблема. У меня для природы много чего в мастерской припасено. Через пять минут не узнаете. (*Убегает.*)

АННА. Ну и дела!

ДАНИИЛ. Такого и не придумаешь. Ему надо помочь, иначе и в самом деле загремит за решетку.

АННА. Конечно поможем.

ДАНИИЛ. Обязательно будем помогать вдвоем... вместе... хотя он вряд ли оценить нашу помощь.

АННА. Тогда, как истинные благодетели, сохраним нашу помощь в тайне.

ДАНИИЛ. Так даже благородней. *(Целует Анну.)*

Звонит телефон, стоящий на комод. Даниил и Анна отпрыгивают друг от друга. Анна поднимает трубку.

АННА *(в трубку)*. Алло... Спасибо Владислав... Очень тронута... Никто не ожидал. Приедете? Уже на подъезде?... Да, да, конечно... будет удобно. *(Кладет трубку. Даниилу.)* Это Владислав Эйлер – владелец арт-салона.

ДАНИИЛ. Теперь посмотрим, как он выбросит работы только что умершего художника! Ты сама справишься?

АННА. В каком смысле?

ДАНИИЛ. С ролью вдовы.

АННА. Постараюсь. В мире тысячи вдов... достойно несущих свой крест.

ДАНИИЛ. Тогда я побежал. И присылай Андрея ко мне.

АННА. Бориса Канаева?

ДАНИИЛ. Тьфу ты! Конечно Бориса. Не хватало еще, чтобы ко мне нагрязнул покойник. До скорого. *(Целует Анну, убегает.)*

АННА. Андрей, Андрей, что ты натворил! Устроил нам веселую жизнь!

Из кухни неслышно входит преображенный до неузнаваемости АНДРЕЙ. Он в лохматом парике и с черной накладной бородой.

АННА (поворачиваясь к Андрею, вскрикивает от неожиданности). Ой!

АНДРЕЙ. Аня, ты меня не узнала?

АННА. Андрей... это ты?

АНДРЕЙ. Конечно я. Но теперь я немного и Борис Канаев.

АННА. Очень даже много. Ты меня испугал и стал совершенно другим.

АНДРЕЙ. Я и сам это ощутил. Посмотрел в зеркало и едва не упал от потрясения.

АННА. Осторожно. Не хватало еще раз убить Бориса Канаева. Хотя он тебе ничего плохого не сделал.

АНДРЕЙ. А твоя фотография в его пиджаке?

АННА. Это чья-то злая шутка. Кто мог обрадоваться твоему исчезновению?

АНДРЕЙ. Только Эйлер. Я, вероятно, надоел ему своими картинами.

АННА. Ты слишком плохо думаешь о людях. Эйлер только что по телефону выразил мне соболезнование, а сейчас явится это сделать лично.

АНДРЕЙ. Эйлер?! Приедет сюда?

АННА. Конечно.

АНДРЕЙ. Не хочу видеть эту мерзкую рожу!

АННА. Так не смотри. Но, кажется, он уже приехал.

За входной дверью слышатся звуки шагов. Андрей мечется, не зная, что делать.

АННА. Тебе лучше уйти.

Андрей убегает в спальню. В комнату входит владелец арт-салона ВЛАДИСЛАВ ЭЙЛЕР.

ЭЙЛЕР. Анна Владимировна, еще раз примите мои соболезнования. Я ожидал чего угодно, но только не этого.

АННА (*притворно*). Никто этого не ожидал.

ЭЙЛЕР. Горе-то какое!.. Как все невовремя, как несправедливо! Погиб могучий самобытный талант... на самом подъеме. Мир столько потерял с его уходом.

АННА. Да... все мы его потеряли.

ЭЙЛЕР. Но остались его картины. Он как предчувствовал, работал неистово, изо дня в день!

АННА. Сутками не выходил из мастерской.

ЭЙЛЕР. Великий был труженик – ему не в чем упрекнуть себя. Писал душой, а не маслом. И я с чистой совестью могу сказать, что причастен к становлению его таланта.

АННА (*удивленно*). Вы?

ЭЙЛЕР. А кто же? Ни одна другая галерея так широко не распахивала перед ним свои двери. Да что там широко... вообще никак не распахивали. А я его возвращивал... по-отечески. Иногда, конечно, немного журил... держал в тонусе, не позволял расслабляться. Вот он и рос на моих глазах. Беда-то какая!..

АННА. Вы считаете его картины интересными?

ЭЙЛЕР. Гениальными! Конечно, не все понимали их – он лет на сто опередил свое время. У него был великолепный вкус, необыкновенное чутье на возвышенное и прекрасное. Иначе как бы он среди тысяч женщин выбрал именно вас?

АННА. Да полно вам. *(С опаской косится в сторону спальни, где скрывается Андрей.)* Обыкновенная женщина. Тем более, когда невеста превращается в супругу, ее привлекательность для мужчины заметно угасает.

ЭЙЛЕР. Это единственный его недостаток. Он преступно мало дорожил вами. Я на его месте был бы по отношению к вам намного внимательней. Конечно, ваш бывший муж – гений, тут спору нет. Но где ваши портреты? Да будь у меня талант, я бы ежедневно изображал только вас... все ваши прелести.

АННА. Владислав, не надо об этом.

ЭЙЛЕР. Нет, надо! Я, конечно, понимаю, что говорю о своей любви к вам невовремя. Но хочу, чтобы вы знали – у вас есть друг, на которого вы всегда можете положиться... и сейчас, и через месяц... когда закончиться траур.

АННА. Но траур обычно длится не менее года?

ЭЙЛЕР. Что вы?! Это в прежние стародавние века. А сейчас время летит так быстро, что в один год уместается целая эпоха. Кстати, на картины Андрея уже нашлись покупатели. Разобрались... наконец-то. Теперь, учитывая все это (*указывает на стены*), вы – владелица огромного состояния.

АННА. У него есть работы и в мастерской.

ЭЙЛЕР. Тем более. Теперь и карандашные наброски пойдут как по маслу. Но вам необходим человек, который помог бы грамотно распорядиться всем этим. Мы с вами вдвоем станем очень состоятельны.

АННА. Вдвоем?

ЭЙЛЕР. Конечно вдвоем. Теперь, когда Андрея не стало, мне незачем скрывать свои чувства. (*Заметив, что Анна собирает его прервать.*) Нет-нет, сейчас ничего не отвечайте. Даже если вы любите меня не меньше, чем я вас, дождемся окончания траура... продолжим этот разговор через неделю.

Из спальни выходит преобразенный АНДРЕЙ в парике и с накладной бородой.

АННА (*Эйлеру*). Знакомьтесь, наш давний друг – Борис Канаев.

ЭЙЛЕР (*пожимая руку Андрею*). Давний поклонник и ценитель таланта Андрея Раскатова – Владислав Эйлер.

АННА. Господин Эйлер очень тепло отзывался о картинах Андрея.

АНДРЕЙ (*мрачно*). Я слышал... краем уха.

АННА (*перебивая Андрея*). Борис тоже очень высоко ценит его работы.

ЭЙЛЕР. В таком случае мы единомышленники и найдем общий язык по всем вопросам. (*Андрею.*) Борис, вы можете на меня положиться. Я позабочусь о вдове вашего друга. Она ни в чем не будет нуждаться. Я сделаю все возможное, чтобы скрасить горечь ее утраты.

АНДРЕЙ. Я тоже постараюсь.

ЭЙЛЕР. Нет-нет, пусть эта обязанность всецело лежит на мне. Иной раз участие со всех сторон может показаться назойливым. (*Вынимает из кармана пачку денег, протягивает Анне.*) Анна Владимировна, возьмите. Это за две картины, выставленные в моем салоне. Здесь сто тысяч.

АНДРЕЙ (*ошеломленно*). Сто тысяч?!

ЭЙЛЕР. Да-да, мой друг. И это только начало. Дай бог и вам, Борис, такого же успеха, как и вашему почившему другу. (*Анне.*) Анна, я постоянно буду на связи, звоните в любое время. И берегите работы Андрея, как бесценную память о нем... о талантливом человеке, умевшем притвориться бес-таланнным. (*Уходит.*)

АНДРЕЙ. Я слышал, что тебе предлагал этот мерзавец!

АННА. Андрей, тебя не поймешь. Сначала ты обижаешься на Эйлера, что он не ценит твоего дарования, а теперь,

когда он возносит тебя до небес, опять недоволен.

АНДРЕЙ. Он тебя возносит до небес! Думаешь, я ничего не понимаю?

АННА. С его стороны это обычная вежливость.

АНДРЕЙ. Обычная?! По-твоему, сто тысяч – это обычно?

АННА. Андрей, успокойся. Борису Канаеву не обязательно быть неврастеником. Тем более в тот момент, когда у нас появились деньги, и твое имя приобрело известность.

АНДРЕЙ. Какое имя?

АННА. Прежнее – Андрей Раскатов – гений Андрей Раскатов! *(Обнимает мужа.)* Видишь, мой дорогой, как все хорошо обернулось. Ты не только избежал тюрьмы, но и разбогател.

АНДРЕЙ. Зачем мне деньги, если у меня отняли имя, а теперь отнимают и жену.

АННА. Андрей, не преувеличивай. Стоило прицепить темную бороду, ты все начал воспринимать в мрачных тонах.

АНДРЕЙ. А что здесь веселенького? Я не знаю, кто этот Борис Канаев, чем он ранее занимался? И, кроме того, я вижу, как теряю тебя. Что мне теперь, подобно любовнику, пробираться к тебе по ночам?

АННА. Что за глупости! С хорошим любовником можно встречаться и днем. *(Целует Андрея, отплеывается.)* Господи, пакля с твоей бороды лезет в рот.

Слышится дверной звонок.

АННА (*недовольно*). Что за люди! В доме покойник, а они трезвонят!

Анна открывает дверь. Входит соседка ОКСАНА.

ОКСАНА. Анна! (*В рыданиях бросается на грудь Анне.*)

АННА. Оксана, успокойся. Слезами горю не поможешь.

ОКСАНА. Я знаю. Но ничего не могу с собой поделатъ.

Как же он так неосторожно!

АННА (*указывая на Андрея*). Это Борис – друг Андрея. (*Андрею.*) Это Оксана – наша соседка, живет через стенку.

ОКСАНА. Проклятые балконы! Нам ведь предлагали их застеклить. Тогда бы ничего не случилось!

АНДРЕЙ. И он бы остался жив.

ОКСАНА. Конечно. Он был таким чутким и внимательным...

АННА (*Оксане*). Мне так жаль твоего дружка.

ОКСАНА (*удивленно*). Какого дружка?

АННА. Оксана, сейчас не время таиться, мы тебя понимаем. Это настолько ужасно – он никогда не позвонит, не придет. Впрочем, сам виноват, мог бы ходить через дверь – ты с Николаем давно развелась.

ОКСАНА. Ты о ком?

АННА. О твоём друге, упавшем с балкона.

ОКСАНА. Анна, как ты можешь?! Упрекать погибшего!

Да! Я виновата перед тобой – у нас с Андреем когда-то случилась небольшая интрижка. Но это было давно.

АННА (*удивленно*). С Андреем?

ОКСАНА. Да, с ним! Ты сама направила его чинить водку.

АННА. В прошлом году?

ОКСАНА. Конечно. Мы оказались в полной темноте. Как я могла в таких условиях остаться неблагодарной?

АННА (*поворачиваясь к Андрею*). Борис, что ты на это скажешь?

АНДРЕЙ. Там было короткое замыкание – ее можно понять.

АННА. А его?

ОКСАНА. Анна, прекрати! Зачем осуждать навеки ушедшего от нас человека, оступившегося только однажды?

АНДРЕЙ. Перила на балконе такие узкие.

ОКСАНА. Я не о перилах. И еще неизвестно, почему он так поступил!

АННА. В темноте, во время ремонта?

ОКСАНА. Нет! Что его заставило прыгнуть с балкона? Но я тебя не упрекаю, хотя, скорее всего, это из-за тебя. Вернее, из-за твоего дружка. А ты меня обвиняешь! Хотя мы обе сегодня несчастны и, как никогда, должны быть вместе... во имя его светлой памяти. (*Женщины обнимаются и рыдают.*)

АНДРЕЙ. Прекратите, он там (*указывает в потолок*) все

видит. Обычно покойникам это не нравится. Он мне так и говорил, Борис, если меня вдруг не станет, не вздумайте плакать обо мне.

ОКСАНА. Значит, он готовился к смерти и умер сознательно! *(Еще горше заливается слезами.)*

АННА *(Андрею)*. Борис, успокой Оксану – это все из-за тебя.

ОКСАНА. Нет, этот не виноват. Тот, который приходил к тебе, выглядел иначе.

АННА *(рассерженно)*. А те, кто приходили к тебе, вообще красавцы – один с пеньковой бородой, а второго гримируют в мертвецкой! *(Уходит.)*

АНДРЕЙ *(убегая за Анной)*. Аня, Аня, все было вовсе не так!

ОКСАНА. Откуда тебе знать, как между нами было? А как могло быть, окрой я ему свое сердце? *(Заливается слезами.)*

За стеной слышится собачий вой.

ОКСАНА. Бедный Джонни, даже ты не можешь перенести нашу утрату.

Входит капитан ЛАПОХВАТ, видит рыдающую Оксану, стоящую к нему спиной, принимает ее за Анну.

КАПИТАН. Гражданочка, успокойтесь. Я нашел винов-

ного в его смерти.

ОКСАНА (*поворачиваясь к капитану*). Это его жена!

КАПИТАН (*сообразив, что обознался*). Извините, я обознался. Вы кто?

ОКСАНА. Их соседка. И я знаю, почему он погиб. Это все из-за них!

КАПИТАН. Из-за кого?

ОКСАНА. Из-за нее и ее любовника! Он покончил с собой.

КАПИТАН. Вы ошибаетесь. Убийца Борис Канаев. А этот тип не станет дожидаться, пока кто-то прыгнет с балкона. Он троих столкнет и глазом не моргнет.

Входит АНДРЕЙ – в парике и с бородой.

АНДРЕЙ (*удивленно*). Капитан Лапохват?

КАПИТАН. Да. И как я обещал вдове – преступник установлен.

АНДРЕЙ. Неужели?

КАПИТАН. И, похоже, он еще недавно спокойно разгуливал в этом доме.

ОКСАНА. Можете не сомневаться.

КАПИТАН (*Андрею*). Где он?

АНДРЕЙ. Вы о ком?

КАПИТАН. О Борисе Канаеве, недавно стоявшем вот на этом месте. Он показывал мне паспорт. Это опасный реци-

дивист, трижды бежавший из заключения. На нем больше убийств, чем волос на вашей кудрявой голове.

АНДРЕЙ. На Борисе Канаеве?

КАПИТАН. Да. Он главарь банды, торгующей наркотиками. Где он?

АНДРЕЙ. Он... он куда-то вышел.

КАПИТАН. Черт меня побери! Так и знал! И почему я не схватил его сразу, ведь он был в моих руках!

ОКСАНА. Если вы говорите о любовнике нашей безутешной вдовы, то он еще придет.

КАПИТАН. Вы его видели?

ОКСАНА *(с сарказмом)*. Насмотрелась.

КАПИТАН. Если появится, немедленно сообщите. И вы тоже, молодой человек. Это в ваших интересах – иначе может поплатиться жизнью. Он ни перед чем не остановится. Вот моя визитка. *(Протягивает Андрею визитку.)*

АНДРЕЙ *(принимая визитку)*. У меня уже одна есть.

КАПИТАН *(удивленно)*. Есть?

АНДРЕЙ *(сообразив, что ляпнул лишнее)*. Вдова Раскатова передала. Мы обязательно сообщим... и, если сможем, сами задержим.

КАПИТАН. Ни в коем случае – он вооружен. И предупредите вдову...

ОКСАНА. ...С каким дружкой она связалась.

АНДРЕЙ. Мы вдвоем предупредим.

КАПИТАН. Жду вашего звонка. *(Уходит.)*

АНДРЕЙ. Оксана, вы видели любовника Анны?

ОКСАНА. И не раз. Он выходил курить на балкон.

АНДРЕЙ. И как он выглядит?

ОКСАНА. На вас совсем не похож.

АНДРЕЙ (*вынимает паспорт, показывает фото, но при этом закрывает фамилию пальцем*). Это он?

ОКСАНА. Уберите руку.

АНДРЕЙ. Нет-нет, у меня смешная фамилия, я не хочу, чтобы вы смеялись.

ОКСАНА. Нет, это не он.

АНДРЕЙ. Не он? Боже! Значит у нее их несколько!

Входит АННА.

АННА. Я слышала голос капитана.

ОКСАНА. Это для тебя был голос свыше. Твой дружок оказался бандитом!

АНДРЕЙ. Анна... капитан сказал, что Борис Канаев... да-да, тот самый... фьють... (*делает жест, означающий нырок с балкона*), мафиози, главарь банды и торговец наркотиками.

АННА (*в ужасе*). А его паспорт теперь находится у...

АНДРЕЙ (*перебивая*). ...Находится в чем-то кармане. По паспорту его и определили. У них там, в полиции, электронная база преступников...

АННА. ...Гуляющих на свободе?..

ОКСАНА (*в сторону Анны*). ...Под видом твоих друзей.

АННА. Ты бы лучше смотрела за своими! И научи их держать равновесие на перилах! (*Андрею.*) Капитан тебя видел?

ОКСАНА. Видел. Но нынешний твой дружок не похож на прежнего.

АННА. Какого прежнего?

ОКСАНА. Которого ищет полиция. И капитан его найдет, можешь не сомневаться. Посмотрим, что ты тогда запоешь!

(*Уходит.*)

АННА. Она окончательно свихнулась.

АНДРЕЙ. Похоже на то. Зачем-то придумала интрижку со мной.

АННА. А мне приписала несколько любовников. Причем один из них – торговец наркотиками. Удивительно, как быстро у людей ломается психика.

АНДРЕЙ. Моя тоже на пределе. Я оказался с чужой внешностью и подложным паспортом, принадлежащим мафиози!..

АННА. И тебя обвиняют в убийстве Андрея Раскатова.

АНДРЕЙ. При этом я живой.

АННА. Но по документам – ты мертвый.

АНДРЕЙ. Лучше бы я убил его!

АННА. Кого?

АНДРЕЙ. Этого бандита – Бориса Канаева.

АННА. А разве не ты убил?

АНДРЕЙ. Да он сам свалился! Сколько можно говорить?!

АННА. Хорошо. Только не надо расстраиваться. Ты сде-

лал доброе дело – на одного бандита меньше.

АНДРЕЙ *(с надеждой в голосе)*. И ты... не жалеешь о нем?

АННА. Да как я могу жалеть неизвестного мне бандита?

АНДРЕЙ. Ты его не знала?

АННА. И знать не хочу!

АНДРЕЙ. А как же я?

АННА. А тебя очень хочу.

АНДРЕЙ. Но теперь я – Борис Канаев, знаменитый режиссер.

АННА. Значит, у нас начинается новая жизнь. Иди сюда, мой неисправимый бандитик. *(Обнимает и целует Андрея.)*

Входит ОКСАНА.

ОКСАНА. Я вспомнила, в чем он был одет... *(Замечает целующихся, застывает на месте.)* Быстро же ты позабыла Андрея. *(Уходит, громко хлопнув дверью.)*

АНДРЕЙ. Кто это был?

АННА. Наверно сквозняк.

АНДРЕЙ. Я начинаю всего опасаться.

Входит ДАНИИЛ.

ДАНИИЛ *(оглядываясь на дверь)*. Встретил какую-то су-

масшешую. Дико посмотрела на меня, а потом выдала: «Птичка улетела – место прогорело!» (*Протягивает Андрею руку для знакомства.*) Даниил.

АНДРЕЙ (*пожимая руку*). Даниил... ты меня не узнал?

ДАНИИЛ. Черт побери! Андрей?! Во что ты нарядился?

АНДРЕЙ. Ты же сам сказал, нужен парик и борода.

ДАНИИЛ. погоди, дай немного привыкну. никогда не думал увидеть тебя таким чучелом.

АНДРЕЙ. Я сам, когда посмотрел в зеркало, едва не упал. Настоящий мафиози.

ДАНИИЛ. Все нормально. Это я от неожиданности. стало быть, теперь тебя при людях следует называть Борисом Канаевым?

АНДРЕЙ. Ни в коем случае!

АННА (*объясняя ситуацию*). Борис Канаев – который погиб – оказался опасным рецидивистом. Его ищет полиция. Об этом сказал капитан Лапохват.

ДАНИИЛ (*потрясенный, Андрею*). А ты?..

АННА. Он присвоил себе не только имя криминального авторитета, но и его прошлое.

АНДРЕЙ. По вашему совету! (*Демонстрирует паспорт.*) Вот, смотрите! Спасибо, подсказали!

ДАНИИЛ. Эта новость похожа на хреновость! Откуда мы знали, что он уголовник?! И, к слову, ты совсем не похож на него.

АННА. Вот и хорошо, что не похож. Иначе бы капитан

арестовал его.

ДАНИИЛ. Кого?

АННА. Андрея. Он видел его без парика с паспортом Ка-наева.

АНДРЕЙ. Теперь хоть с дому съезжай.

ДАНИИЛ. Я давно тебе об этом говорю. Поживи некото-рое время у меня.

АНДРЕЙ. Не хочу – у тебя одна комната.

ДАНИИЛ. А тебе обязательно скрываться от правосудия в апартаментах?

АНДРЕЙ. А почему бы и нет? Теперь я могу себе позво-лить.

ДАНИИЛ. С такой бородой?

АНДРЕЙ. С гонорарами... за мои полотна.

АННА. Эйлер за две картины Андрея заплатил сто тысяч.

ДАНИИЛ (*удивленно*). Сто тысяч?! Убиться и не жить!

АНДРЕЙ. Вот как раз теперь не убиваться, а жить припе-ваючи.

АННА. Эйлер и на эти картины положил глаз. (*Указыва-ет на стены.*)

АНДРЕЙ (*поправляя*). На это собрание полотен. Вот эта фиолетовая аура (*указывает на картину*) должна пойти не менее чем за полмиллиона.

ДАНИИЛ. За эту фиолетовую муть ты надеешься полу-чить полмиллиона?!

АНДРЕЙ. А то и больше. Зря я что ли падал с балкона.

АННА. Андрей, что ты говоришь?! Никуда ты не падал.

АНДРЕЙ. Не только с балкона, но и в нравственную бездну – превратился в мафиози, бежавшего из тюрьмы и погубившего массу народа. Так что мне прикончить Андрея ничего не стоит.

ДАНИИЛ. Какого Андрея?

АНДРЕЙ. Андрея Раскатова, то есть – себя.

АННА. Но ты не можешь оставаться бандитом, объявленным в розыск!

АНДРЕЙ. Почему не могу? Этот малый лет двадцать бежал от правосудия. А я чем хуже? Тем более что Борис Канаев, скорее всего, не вылезал из кабаков и публичных домов, а я буду спокойно работать.

ДАНИИЛ. Где работать?

АНДРЕЙ. На дому – у себя в мастерской, где же еще! Было бы глупо бездельничать, если работы Андрея Раскатова настолько поднялись в цене.

ДАНИИЛ. Ты будешь рисовать от его имени?

АНДРЕЙ. От своего – от прежнего своего. Надо же восполнять убывающую коллекцию. Прямо сейчас и приступлю. Я всегда только в работе находил успокоение. (*Уходит.*)

ДАНИИЛ. Андрей играет с огнем, ему опасно оставаться здесь.

АННА. Тебе тоже рискованно появляться у нас.

ДАНИИЛ. Конечно, если теперь Андрей будет безвылазно околачиваться тут.

АННА. Опасно по другой причине. Соседка Оксана...

ДАНИИЛ (*вертит пальцем у виска*). Эта?

АННА. Да, эта. Она считает, что Канаева убил именно ты.

ДАНИИЛ. Я?!

АННА. Она как-то видела тебя с сигаретой на балконе и решила, что ты его толкнул.

ДАНИИЛ. Надеюсь, она не сказала об этом Андрею?

АННА. Сказала не только Андрею, но и капитану. Но хорошо, что не смогла описать твою внешность.

ДАНИИЛ. Но теперь-то она меня рассмотрела...

АННА. И может побежать в полицию.

ДАНИИЛ. Господи! Неужели и мне придется обзаводиться бородой?

АННА. Хватит с меня бородатых! Их неудобно целовать. Не надо никаких бород, ты никого не убивал, документы у тебя в порядке. И потом, ты не можешь оставить меня наедине с уголовником.

ДАНИИЛ. С Андреем? Я думаю, он и муху не способен обидеть.

АННА. А Борис Канаев, под чьим именем он скрывается? Актеры иной раз еще не так перевоплощаются!

ДАНИИЛ. Нет, Андрей не шизофреник. Он вообразил себя гениальным художником. Вторую роль – уголовника – ему не потянуть.

АННА. Дай-то бог. Но первую он играет превосходно. Иначе бы Эйлер на выложил за картины сто тысяч. А вот,

кажется, и сам Эйлер.

Входит ЭЙЛЕР.

ЭЙЛЕР. Я вернулся, поскольку думаю, что вам сейчас постоянно требуется моя помощь.

АННА. Конечно, Владислав. Знакомьтесь, Даниил – большой поклонник таланта Андрея. У них идеально совпадали вкусы.

ДАНИИЛ. Меня всегда потрясал цвет и особенно формы в его лучших работах.

АННА. Даниил собирал все, к чему прикасалась рука Андрея.

ЭЙЛЕР (*заинтересованно*). У вас есть его работы?

ДАНИИЛ. Несколько десятков.

ЭЙЛЕР. Невероятно.

ДАНИИЛ. Не верите?

ЭЙЛЕР. Что вы? Конечно верю. И удивляюсь, насколько дружеские отношения искажают художественный вкус!

ДАНИИЛ. Да-а-а, во вкусе Андрею не откажешь.

ЭЙЛЕР. Я говорю о вашем вкусе. Ваше расположение к Андрею распространилось и на его работы. Но если говорить честно – разумеется, это сказано невовремя и не к месту – художник он был посредственный, и полотна его ничего не стоят. Не более двух пятаков – закрыть ему глаза

ДАНИИЛ. Вы так полагаете?

ЭЙЛЕР. Уверен. Очевидное и неприятное. Их без ущерба можно выбросить или заново загрузить.

ДАНИИЛ. Ну, знаете!.. Это вы хватили. Андрей – гений!

ЭЙЛЕР. Гений тот, кто продает этот мусор. В экзотических странах слоны с кисточкой малюют такие шедевры. Раньше он рисовал как трехлетний ребенок, но потом начал утрачивать навыки.

ДАНИИЛ. Извините, это уж слишком! Я не собираюсь выслушивать подобные глупости. (*Уходит.*)

АННА. Владислав, но вы недавно говорили совсем другое.

ЭЙЛЕР (*прикладывая палец к губам*). Т-с-с... Я и сейчас говорю. Но нельзя, чтобы работы Андрея оставались в руках дилетантов. Нам с вами обязательно надо вернуть их обратно, желательно, как можно дешевле. Иначе он продаст их кому-то, и они начнут гулять по миру, сбивая цену. Стричь купоны с искусства – вот настоящее искусство!

АННА. Владислав, вы все время говорите нам.

ЭЙЛЕР. А как же иначе! Я не мыслю своей жизни без вас. Вы думаете почему я выставял картины Андрея?

АННА. Почему?

ЭЙЛЕР. В надежде, что вы станете чаще приходиться в мой салон. Но он предпочитал надоедать сам. Я уже отчаялся увидеть вас, а тут неожиданно – удача.

АННА. Удача?

ЭЙЛЕР. В смысле, большое несчастье – нелепая смерть

великого художника. Так что нам следует как можно быстрее выудить полотна у его друга-лопуха.

АННА. Я сделаю все возможное.

ЭЙЛЕР. А я для вас – все невозможное! Вы не представляете, какой ажиотаж поднялся вокруг работ вашего покойного супруга и моего давнего друга. Меня донимают звонками. Но я держу паузу – нынешний уровень цен – только подножье огромной вершины.

Входит АНДРЕЙ в парике.

АНДРЕЙ. Анна Владимировна, звонили четыре примера насчет вашего супруга – предлагали свои услуги. Я никогда не думал, что приводить в порядок покойников столь прибыльное занятие.

ЭЙЛЕР. Тогда почему вы не посоветовали своему покойному другу заняться примерным бизнесом. Для художника это лучший из вариантов. Во-первых, не нужны холсты, во-вторых, меньше уходит красок, поскольку основа значительно меньше (*очерчивает пальцем свое лицо*). Опять же, гарантированы постоянные заказы. Андрей понапрасну изводил столько материалов, а в итоге – его картины ничего не стоят.

АНДРЕЙ (*потрясенный*). Как ничего?

АННА. Борис, господин Эйлер знает что говорит.

ЭЙЛЕР. Я в этом бизнесе двадцать лет.

АНДРЕЙ (*поворачиваясь к картинам*). И эти фиолетовые

флюиды южного сияния, по-вашему, тоже дешевка? (*Любуется картинами.*)

ЭЙЛЕР (*за спиной Андрея жестами демонстрирует восторг и восхищение, но говорит противоположное*). Три копейки! Еще придется тратиться на белила, чтобы замазать фиолетовые потеки. А на гримеров не скупитесь – Андрей не виновен, что при рождении был обойден талантом.

АНДРЕЙ. А извержение Этны вам тоже не нравится? (*Подходит к следующей бессмысленно пестрой картине.*)

Эйлер за спиной Андрея жестами инструктирует Анну, изображая процесс выкручиванья мокрого белья, сдавливания горла, скрещивает руки. Андрей поворачивается к нему.

ЭЙЛЕР (*оставив гримасы*). Этна немного лучше. Пойдет копеек за двадцать. Но извините, мне надо бежать. К двенадцати прибудет японская делегация, они обещали опустошить мой салон. (*Уходит.*)

АНДРЕЙ. Анна, но этот мерзавец недавно восторгался моими картинами?

АННА. Он и сейчас без ума от них. Просто отпугивает конкурента.

АНДРЕЙ. Какого конкурента?

АННА. Тебя. Кого же еще! Вдруг ты захочешь приобрести какую-то картину.

АНДРЕЙ. Я? У себя? Он что, ненормальный?

АННА. А как можно оставаться нормальным, общаясь с авангардистами, кубистами, экспрессионистами?..

АНДРЕЙ (*возмущенно*). Ну знаешь... если ничего не понимаешь...

АННА. ...То лучше общаться с авантюристами.

АНДРЕЙ. Со мной?

АННА. Конечно. Авантюризм – самое перспективное направление в живописи.

АНДРЕЙ. А в театре?

АННА. А в театре – комизм. Иной раз на трагедиях в новой постановке обхохочешься.

АНДРЕЙ. Эйлер меня просто убил. Но, надо отдать ему должное, играл он превосходно.

АННА. Великолепно. (*Повторяет недавние ужимки Эйлера.*)

АНДРЕЙ (*удивленно смотрит на Анну*). Аня, я начинаю опасаться за твое здоровье. Поверь, мы выкрутимся.

Входит ТРОФИМ – подозрительная личность.

ТРОФИМ (*восторженно, с порога*). Борис! Господи, на кого ты похож!

АНДРЕЙ (*недоуменно*). Извините?..

ТРОФИМ. Не признал?! Ну и дела! (*Анне.*) Красавица, это мужской разговор, пойми нас правильно.

АННА. Не понимаю. Но мешать вам не стану. (*Уходит.*)

ТРОФИМ. Борис, не узнаешь? Ты совсем офигел?! Пере-сылка четырнадцать дробь восемь ... два года назад... Ну? Вспомнил? Трофим – твой сосед по шконке!..

АНДРЕЙ (*изображая возвращение памяти*). А-а-а, Трофим...

ТРОФИМ. Наконец-то! Признал друга. Ну ты и вырядился! (*Дергает Андрея за бороду. Борода оттягивается на резинке, затем шлепает обратно.*)

АНДРЕЙ. Приходится... Ты ведь знаешь, за мной охотят-ся.

ТРОФИМ. Как не знать. Вся братва знает, и надеется, что общак в надежных руках.

АНДРЕЙ. Общак?!

ТРОФИМ. Ладно, ладно. Я ничего не говорил. Можешь делать вид, что и ты не в курсе. Общительным общак не доверят. Если попадешься легавым, действуй в том же духе. Иди в глухую несознанку. Мы тебя ценим. А это твоя краля? (*Кивает в сторону ушедшей Анны.*)

АНДРЕЙ. Э-э-э... да.

ТРОФИМ. Клевая баба. Но осторожней с ней, не прокол-лись.

АНДРЕЙ. За кого ты меня принимаешь?

ТРОФИМ. Это я так, для подстраховки. Сам понимаешь, бабла тебе доверено немало – тут не до шуток. А еще четыре мокрухи, три побега. За наркоту я молчу. Между нами, у меня за плечами три ходки, двенадцать лет, но такого груза

я бы не потянул. Так братве и передам: железный Боря держится молодцом! Хаза что надо. *(Кивает на стены с картинами.)*

АНДРЕЙ. Канаю под художника. А меня-то как нашел?

ТРОФИМ. Есть осведомители. *(Тычет пальцем в свое плечо, намекая на погоны, затем приставляет палец к губам.)*

АНДРЕЙ. А-а-а... понятно.

ТРОФИМ. Держись, все будет абгемахт. Я убедился в тебе. Координаты братве сообщу. Скоро с грузом подвалит человек – ты его знаешь. Все! Держи краба. *(Протягивает руку.)*

Мужчины пожимают руки друг другу. Трофим дружески хлопает Андрея по спине.

ТРОФИМ. Давай! Так держать! Встретишь гонца как положено. *(Уходит.)*

Андрей обреченно рушится в кресло. Входит АННА.

АННА. Андрей, что с тобой?! Что это за тип?

АНДРЕЙ. Все! Мне кранты!

АННА. Андрюша, где ты набрался таких слов?

АНДРЕЙ. На пересылках, Анюта, на пересылках. Все намного хуже, чем мы думали. Этот тип...

АННА. Который ушел?

АНДРЕЙ. Нет, который улетел с балкона... Он видная шишка в уголовном мире.

АННА. Капитан Лапохват тоже так считает.

АНДРЕЙ. Но капитан не знает, что Канаев – хранитель воровского общака! Теперь я отвечаю за несколько миллионов, которые в любое время могут понадобиться.

АННА. Нам?

АНДРЕЙ. Бандитам.

АННА. Но у тебя их нет!

АНДРЕЙ. Конечно нет! Но эта публика не станет разбираться, и я быстро полечу...

АННА. Куда... полетишь?

АНДРЕЙ. С балкона... следом за этим мафиози.

АННА. Андрюша, ты меня пугаешь.

АНДРЕЙ. Я теперь не Андрюша, а Канаев! Но мне все меньше нравится эта фамилия. Я хочу снова стать Андреем Раскатовым.

АННА. Не выдумывай! Тебя сразу осудят за убийство Канаева, и ты превратишься в рядового уголовника. А сейчас ты – известная личность, хранитель воровских денег. Кроме того, твои картины начали продаваться. Кому они будут нужны, если выяснится, что ты жив-здоров? А покойники, чтобы ты знал, кормят не только оркестрантов и владельцев арт-галерей, но еще и свои семьи.

АНДРЕЙ. Но мне не нравится популярность такой ценой.

АННА. Мне тоже. А если мы тебя еще раз уьем?..

АНДРЕЙ. Аня!

АННА. ...Понарошку. Ведь иной раз случается, что умирают не только порядочные люди, но и бандиты.

АНДРЕЙ. Мне снова превратиться в покойника?

АННА. Было бы неплохо.

АНДРЕЙ. Да я и так уже мертвый от страха! И на все готов! Могу хоть сейчас своим ходом отправиться на кладбище!

Входит ДАНИИЛ с газетой в руках.

ДАНИИЛ *(с порога)*. Невероятно! Вы не поверите, что творится!

АНДРЕЙ *(мрачно)*. Что там еще случилось?

ДАНИИЛ. Андрей, тебе ни в коем случае нельзя воскресать. За твои картины сейчас предлагают не меньше, чем за Гогена.

АНДРЕЙ. Гогена или Ван Гога?

ДАНИИЛ. Гогена. До Ван Гога ты ушами не дорос. Все газеты захлеб пишут о твоей безвременной кончине. А критики дружно каются, что прозевали твой великий талант.

АНДРЕЙ. Да эти статьи заказывает Эйлер!

ДАНИИЛ. Не важно. Главное, что публика верит. Нет, как хочешь, а воскресать ты не должен.

АННА. Андрей и не собирается так глупить. Напротив,

он хочет умереть еще раз.

ДАНИИЛ. ???

АНДРЕЙ. А как же иначе?! Мне что, до конца своих дней оставаться бандитом? Этому надо положить конец.

АННА. На Андрее висят бандитские миллионы – он хранитель воровского общака.

ДАНИИЛ (*удивленно*). Андрей?

АНДРЕЙ. Борис Канаев, которого ищет полиция, и адрес которого знает мафия.

ДАНИИЛ. Тебя отыскивали твои дружки?

АНДРЕЙ. У них это быстро. Это тебе не казенные сыщики.

ДАНИИЛ. Молодцы да и только! Тогда тебе лучше самому явиться в полицию с повинной.

АНДРЕЙ. Чтобы меня за общак пришили в первом же СИЗО?!

ДАНИИЛ. Погоди. И что тогда делать?

АНДРЕЙ. Лучше уж самому покончить с собой.

ДАНИИЛ. Ты с ума спятил!

АННА. Он хочет умереть несерьезно.

АНДРЕЙ. Понарошку. Пусть этот бандит загнется еще раз.

ДАНИИЛ. Борис Канаев?

АНДРЕЙ. Он самый.

ДАНИИЛ. А ты останешься живым?

АНДРЕЙ. Конечно.

ДАНИИЛ. Без документов?

АНДРЕЙ. Первое время поживу беспаспортным бродягой. У наших предков не было никаких бумажек – жили и работали там, где хотели. Ни тебе пограничных столбов, ни таможенной службы.

АННА. Прекрати... завел свою песню. В прежние времена повсюду процветало рабство!..

АНДРЕЙ. ...Без ипотеки и трудовых книжек. Хотел бы я пожить в таком рабстве.

АННА. Вот и поживешь без документов и паспорта.

ДАНИИЛ. Паспорта после погребения возвращают.

АННА. Но там ставят штамп: умер такого-то числа и в таком-то году.

ДАНИИЛ. Штамп, кажется, не на первой странице. Да и кому какое дело, живой человек, или мертвый? Иной так живет, что от покойника не отличишь. И добра людям не сделал, и ничего после себя не оставил. Что жил – что не жил! А после тебя вон сколько полотен осталось! *(Указывает на стены с картинами.)*

АНДРЕЙ. Значит, ты не против?

ДАНИИЛ. Я – нет. Я еще хочу пожить.

АНДРЕЙ. Чтобы я умер еще раз?

ДАНИИЛ. Да умирай хоть ежедневно! Лишь бы это не сказалось на твоей психике.

АННА. И на доходах от картин.

АНДРЕЙ. Тогда сейчас и приступаю.

АННА. К чему?

АНДРЕЙ. К переходу в мир иной. У меня в мастерской лежит фанерный гроб. (*Анне.*) Помнишь, я работал над «Воскрешением Лазаря»?

АННА. Конечно, помню. Но потом ты переименовал ее в «Утренние слезы Тибета»

АНДРЕЙ. Это Эйлер настоял – сказал, так легче продать.

АННА. Но она до сих пор висит.

ДАНИИЛ. Ничего подобного – уже продана. Эйлер цену не говорит, но журналисты пронюхали, что покупатель выложил за нее полмиллиона.

АННА. Даниил, перестань – Андрей не захочет умирать.

АНДРЕЙ. Я и сейчас не хочу – просто полежу немного в цветочках.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Обстановка прежняя. Единственное изменение – появился бутафорский гроб, в котором лежит АНДРЕЙ в своем естественном – без парика и бороды – виде. Он до пояса укрыт ажурной простыней, к которой пышным ворухом припилены цветы. Руки «покойника» лежат поверх цветов. АННА поправляет цветочное покрывало. ДАНИИЛ со стороны оценивает достоверность картины, затем открывает балконную дверь.

АННА. Андрей, ты бы поел что-то.

АНДРЕЙ. Пока не хочется. Лучше подайте пульт – иначе умру от скуки.

ДАНИИЛ (*подавая пульт*). На, держи, но будь примерным покойником. Юмор не смотри – вдруг тебя разберет смех в самое неподходящее время.

АНДРЕЙ. Мне сейчас не до смеха.

ДАНИИЛ. И не забывай, какого покойника ты изображаешь.

АНДРЕЙ. Ранимого художника, не вынесшего черствости жестокого мира.

ДАНИИЛ. Правильно. Но это когда придут родственники и знакомые. А когда заявятся твои дружки-бандиты?

АНДРЕЙ. Я все помню. Борода и парик у меня, я их сразу надеваю. Только заранее предупреждайте, кто желает проститься со мной.

ДАНИИЛ. Господи! Ты все позабыл! Видео с камеры у дверей подключено к телевизору – тебе трижды объяснили! Сам смотри и соображай, кем тебе быть.

АНДРЕЙ (*огрызаясь*). Вот окажешься в гробу, посмотрю, как ты начнешь соображать! (*Включает телевизор с помощью пульта. На экране появляется голова неизвестного человека, скрытая под бинтами.*) Черт меня побери! Я не знаю кто это?

АННА (*глядя на экран*). Я тоже.

ДАНИИЛ. Анна, иди лучше на кухню. Мы сейчас выясним. (*Андрею.*) Укройся.

АНДРЕЙ. Все! Раскатов умер – родился покойник.

Андрей выключает телевизор, натягивает цветочное одеяло до подбородка. Анна издали крестит Андрея, уходит на кухню. На костылях входит весь забинтованный и загипсованный недавно упавший с балкона БОРИС КАНАЕВ. Увидев гроб, он застывает на месте.

БОРИС. Я, кажется, невовремя.

ДАНИИЛ. Заходите, заходите... такое несчастье...

БОРИС (*снимая картуз с головы, под которым открывается полностью забинтованная болванка головы*). На его месте мог оказаться я.

ДАНИИЛ. Кто вы? И что с вами случилось?

БОРИС. Упал вот с этого балкона. (*Указывает на балкон.*)

ДАНИИЛ (*удивленно*). Вы?! Упали отсюда?.. Но вы... вы разбились насмерть!

БОРИС. Ничего подобного. Сломал всего четыре ребра, ногу и погнул облицовку. (*Рисует пальцем окружность у своего лица.*)

ДАНИИЛ. Невероятно! Шестнадцатый этаж!

БОРИС. И не в таких переделках бывали. Опять же – дерево помогло.

ДАНИИЛ. Чудеса. Никогда бы не поверил.

БОРИС. Всяко бывает. А это кто? (*Кивает в сторону гро-*

ба.)

ДАНИИЛ. Несчастный хозяин этой квартиры.

БОРИС. Квартирка точно заговоренная. Зашел здоровым – вышел калека.

ДАНИИЛ. Кто вышел?

БОРИС. Я. Вон туда! (*Указывает на балкон.*)

ДАНИИЛ. Извините, а зачем вас понесло на балкон?

БОРИС. Нечистый попутал. Поступил заказ отремонтировать проводку... ошибся квартиркой...

ДАНИИЛ. Так вы электрик?

БОРИС. Был... Какой из меня теперь электрик?!

ДАНИИЛ. А с балкона зачем сигали?

БОРИС. Хозяина черти принесли. Я подумал, примет за грабителя. А какому электрику понравится стать уголовником?

ДАНИИЛ. Ах, вот оно как... (*Расхаживает по комнате.*) Знаете что? Вы бы хоть при покойнике меньше ввали. Скажите честно, как мужчина мужчине: удирали от мужа любовницы и сорвались с балкона?

БОРИС (*удивленно*). Вы так думаете?

ДАНИИЛ. Уверен.

БОРИС (*радуясь, что представилась возможность выкрутиться из неловкого положения*). Ничего от тебя не скроешь.

ДАНИИЛ. У Оксане был?

БОРИС (*после короткой паузы*). У какой Оксаны? А... ну

да... у нее.

ДАНИИЛ. А сюда зачем пришел?

БОРИС. Документики я здесь оставил... паспорт.

ДАНИИЛ. На имя Бориса Канаева?

БОРИС. Точно! Так он у тебя?

ДАНИИЛ (*указывая на Андрея*). Скорее всего, у него.

БОРИС. У покойника?

ДАНИИЛ. Когда наряжали, мне показалось, что в кармане пиджака лежит чужой паспорт.

Борис на костылях подходит к гробу.

БОРИС. Вот так номер! Пиджачишко-то мой.

ДАНИИЛ. И что дальше?

БОРИС. Я мигом... он и не заметит.

ДАНИИЛ. Бери. Теперь он ему не нужен.

Борис отодвигает цветочное покрывало, запускает руку в карман пиджака, вынимает паспорт.

БОРИС (*смотрит в паспорт*). Так и есть. Мой! (*Перекладывает паспорт в свой пиджак, снова лезет в карман Андрею.*)

Андрей хватает Бориса за руку, поднимается в положение «сидя». Борис без сознания с грохотом рушится на пол. На шум из кухни вбегает АННА.

АНДРЕЙ. Вот он!.. Попался... любитель полетов...

ДАНИИЛ. И незамужних женщин.

АНДРЕЙ (*указывая на Бориса*). Это он падал вместо ме-

ня.

АННА. Борис Канаев?

ДАНИИЛ. Пришел за своим паспортом.

АННА. Так отдайте... и пусть идет себе... на здоровье.

ДАНИИЛ. Да как он пойдет, если без сознания?

АНДРЕЙ. Симулирует. С шестнадцатого этажа летал – ходит, а тут колодой притворился.

ДАНИИЛ. Ты его напугал своим воскрешением.

АНДРЕЙ. А пусть не лазит по карманам... специалист!
(*Выбирается из гроба*).

ДАНИИЛ. От тебя даже от мертвого одни неприятности.
Если покойник – то лежи спокойно!

АНДРЕЙ. И наблюдать, как тебя грабят?

ДАНИИЛ. Да у нас повсюду живых грабят – и никто не дергается! Включи лучше камеру. И что с ним теперь делать?
(*Указывает на Бориса.*)

АНДРЕЙ (*пультом включает телевизор*). Положить в гроб вместо меня.

АННА. Я не хочу тебя видеть в гробу в таком виде.

ДАНИИЛ. И родственникам не понравиться.

На экране телевизора появляется Оксана, стоящая у

входных дверей в квартиру.

ДАНИИЛ. Быстрее! Прячем его в шкаф.

Андрей и Даниил волокут и заталкивают Бориса в шкаф. Забрасывают туда и костыли.

ДАНИИЛ (Андрею). А ты – на прежнее место.

Андрей ныряет в гроб. Даниил выключает телевизор, поправляет одеяло. Со скорбным видом входит ОКСАНА. Она в траурном наряде. Увидев гроб, подходит к Андрею, начинает причитать.

ОКСАНА. Андрюша!.. Что же ты наделал?! Как же мы без тебя?.. Жить бы тебе только и жить... *(Не в силах совладать с горем, в рыданиях бросается на ворох цветов.)*

АННА *(оттаскивая Оксану от «покойника»)*. Оксана, успокойся. Его уже не вернешь.

ОКСАНА. Он как живой. Бедный, несчастный Андрюша! *(Даниилу.)* И ты!.. Ты опять пришел?! Видишь, что натворил?!

АННА. Оксана, это не он.

ОКСАНА. А кто? Андрей никогда бы не прыгнул с балкона без причины. *(Вытирает слезы, подходит к «покойнику».)* Андрюша, если твоя душа еще здесь, подскажи, из-за

чего ты так поступил? Я услышу тебя.

Андрей неожиданно отбрасывает покрывало, поднимается в гробу.

АНДРЕЙ. Нет! Никаких сил не хватит выносить такие сцены!

Оксана падает в обмороке.

ДАНИИЛ. (Андрею). Ты с ума спятил! Как ты себя ведешь?!

АННА. Он специально. (Наклоняется над Оксаной, пытается привести ее в чувство.)

ДАНИИЛ. Хочет избавиться от свидетеля своей разнужданной жизни. Аня, кладем ее на диван.

Андрей пытается помочь Даниилу и Анне переправить Оксану на диван.

АННА (Андрею). Не мешай, ты свое дело уже сделал!

Оксану укладывают на диван.

ДАНИИЛ (Андрею). Ложись на место и не вздумай еще раз выкинуть такой номер. (Силком сопровождает Андрея к

гробу.)

АНДРЕЙ. Но она видела меня живым!

ДАНИИЛ. Велика радость... Когда оклемается, скажем, что ей приснилось. Я ей скажу, а не ты! Понятно?! (*Возмущенно.*) Бестолочь! Ничего доверить нельзя!

АНДРЕЙ (*забираясь в гроб*). Окропите ее холодной водой.

АННА. Молчи! Тебя самого надо из ведра окатить.

ДАНИИЛ. Включи телевизор.

Андрей включает телевизор. На экране появляется Настоящий Канаев – глава мафии. Это крепкий бородатый мужчина в темных очках.

АНДРЕЙ (*указывая на экран*). А это кто?

ДАНИИЛ. Откуда мне знать твоих дружбанов? На всякий случай прицепи бороду. (*Грозит Андрею кулаком.*)

Андрей роется под подушкой, вытаскивает парик и бороду, прилаживает их на себя, машет Анне и Даниилу до свидания. Входит НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Он молча тяжелым взглядом изучает обстановку.

АННА (*склоняясь над Оксаной*). Оксана... просыпаемся...

ОКСАНА (*открывая глаза*). Я его видела...

АННА. Лежи, лежи... не двигайся. Это очень опасно.

ОКСАНА. Он со мной говорил...

АННА. Ничего страшного, иногда бывает. Мне он тоже вчера приснился...

ОКСАНА. Как поднимался из гроба?

АННА. А мне – как ложился в него.

ОКСАНА. Я еще раз хочу увидеть этот сон.

ДАНИИЛ (*с недовольством*). Еще насмотришься. Пусть только все это закончится. (*Объясняя ситуацию Настоящему Канаеву.*) Вот, потеряла сознание...

Настоящий Канаев, не реагируя на слова Даниила, молча подходит к гробу, долго изучает «покойника». Затем криво усмехается, сдвигает покрывало, одной рукой хватая Андрея за лацканы, поднимает в сидячее положение.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. У меня, козляра, этот номер не пройдет!

ОКСАНА (*сев на диван, указывает на «покойника»*). У Андрея... выросла борода. (*Снова теряет сознание*).

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Я его сейчас побрею. (*Встряхивает Андрея, отрывает ему бороду, бросает ее на пол. Угрожающе.*) Попалась, крыса!

АНДРЕЙ. Это не я!

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. И я буду не я, если не поселю тебя навеки в этом ящике! Где мои документы?!

АНДРЕЙ. Какие документы? Я ничего не знаю.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Думал, притворился жмуриком и концы в воду?!

ДАНИИЛ (*Настоящему Канаеву*). Кто вы такой? Что вы себе позволяете?!

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ (*Даниилу*). Молчать! Иначе двоих упакую!

АННА. Да что ж это такое! Я вызову полицию!

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ (*вынимая пистолет*). И она обнаружит в этом ящике троих. (*Андрею.*) Ты знал, в чей карман залез?

АНДРЕЙ. Нет, не знал.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. А когда паспорт вытащил, в него смотрел?

АНДРЕЙ. В паспорт смотрел.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. И что увидел? Фамилия Канаев тебе что-нибудь говорит?

АНДРЕЙ. Вы... вы руководитель группы джентльменов... торгующих... очень ходким товаром.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Говори яснее!

АНДРЕЙ. Многие клеветают на вас... якобы вы продаете... запрещенные препараты.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. И после этого ты смеешь скрываться под моим именем?

ДАНИИЛ. Хорошее имя. Ничего плохого сказать не можем.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. А полиция? (*Андрею*). Ты что,

не боишься угодить за решетку с такой фамилией?

ДАНИИЛ. Он очень смелый товарищ.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ (*указывая на Данила*). Кто это?

АНДРЕЙ. Мой друг.

АННА. Лучший друг нашей семьи.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ (*Указывая на Анну*). А она?

ДАНИИЛ. А она лучшая его жена.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. А эта... на диване?

ДАНИИЛ. Лучшая соседка.

ОКСАНА (*в полубреду*). Андрею очень идет борода.

АНДРЕЙ (*порывается к Оксане*). Оксана, тебе лучше?

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ (*перехватывая Андрея*). Шевелюра тебе тоже не подходит. (*Срывает парик, бросает на пол.*)

Оксана приходит в себя, видит Андрея.

ОКСАНА. Андрюша... ты воскрес?

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Чтобы умереть заново, если не отдаст мои документы!

АНДРЕЙ. Они у него. (*Указывает в сторону шкафа, рядом с которым в этот момент стоит Данил.*)

Настоящий Канаев, неправильно истолковав жест, подходит к Данилу, молча протягивает руку, во второй его

руке пистолет.

ДАНИИЛ (*поднимая руки*). Ваш паспорт у него.

Настоящий Канаев поворачивается к Андрею.

АНДРЕЙ. У того, который в шкафу.

Настоящий Канаев подходит к шкафу, открывает дверь. Из шкафа, гремя костылями, выпадает загипсованный и забинтованный Борис.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Это что за мумия?!

АНДРЕЙ. Когда мы узнали, что он выкрал ваш паспорт... то выбросили с балкона.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Паспорт?

АНДРЕЙ. Нет, этого жулика!

ДАНИИЛ. А он, гад... оказался живучим.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ (*опуская пистолет, с уважением*). Крутые пацаны. И где моя ксива?

Даниил грубо ставит Бориса на ноги, вынимает из его кармана паспорт, отдает его Настоящему Канаеву.

ДАНИИЛ. Вот... Мы давно хотели вернуть, но не знали, где вас искать.

Настоящий Канаев прячет паспорт в карман. В это время со стороны телевизора слышатся звуки, на экране появляется Капитан.

АНДРЕЙ (указывая на экран). Это капитан Лапохват. Мафия бессмертна! Но я умер окончательно! (Падает на подушку, натягивает до подбородка цветочное покрывало.)

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Невовремя ментяру принесло. БОРИС. Меня здесь тоже нет. (Идет на прежнее место – в шкаф.)

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Очередь соблюдай, урод! (Отодвигает Бориса, забирается в шкаф.)

Даниил открывает вторую дверцу шкафа, заталкивает туда Бориса с костылями, следом забрасывает парик и бороду Андрея, закрывает дверь. Входит КАПИТАН, замечает гроб.

КАПИТАН (удивленно). Уже привезли? Быстро они.

АННА (изображая горе). Доставили...

ОКСАНА. ...С черной бородой.

ДАНИИЛ (Капитану). Не обращайтесь внимание. Это соседка... Еще не совсем пришла в себя от потрясения.

КАПИТАН. Та самая?

ДАНИИЛ. Да. Тяжело переносит потерю своего дружка.

АННА. Совсем не стесняется.

ОКСАНА. Это ты не стесняешься... при живом Андрее!

АННА. Оксана, его душа все видит и слышит. Нечего болтать глупости!

ДАНИИЛ (*крестится*). Да упокоится его дух.

КАПИТАН (*осеняя себя крестным знаменем, подходит к «покойнику», рука его застывает на месте. Удивленно*).

Что это?

ДАНИИЛ. Где?

КАПИТАН. В гробу?

ДАНИИЛ. Оступившийся человек...

АННА. ...На скользких перилах.

КАПИТАН. Это же Борис Канаев! Я видел его... и его документы!

ДАНИИЛ (*подходит к гробу, якобы с удивлением рассматривает «покойника»*). Канаев?

КАПИТАН. Конечно! У меня зрительная память лучше фотоаппарата.

ДАНИИЛ (*поворачиваясь к Анне*). А ты говорила это Андрей?

АННА. Мне он двадцать лет представлялся Андреем...

ДАНИИЛ. ...Известным художником и ее мужем.

КАПИТАН (*поворачиваясь к Оксане*). А вам, гражданочка, он кем назывался?

ДАНИИЛ (*подсказывая Оксане*). Соседом.

ОКСАНА. Это Андрюша.

ДАНИИЛ. Ее неосторожный дружок.

КАПИТАН. Но ведь с балкона оборвался не он?!

ДАНИИЛ. Мы не фиксируем, кто летает с балконов. Нам

которого привезли...

АННА. ...Того и оплакиваем. (*Вытирает воображаемые слезы.*)

ОКСАНА. С балкона падал другой.

АННА. У тебя еще один был?

ОКСАНА. У меня никого не было! А у тебя – проходной двор! Отсюда входят (*указывает на входную дверь*), туда выходят (*указывает на балкон*).

АННА. Эта красавица бредит... потому что переспала с ним...

ДАНИИЛ. С Борисом, который назывался Андреем.

КАПИТАН. Погодите! (*Подходит к Оксане.*) Вы утверждаете, что падал не он?

АННА. Он, именно он! И очень низко!

ОКСАНА. Не ниже тебя! (*Капитану.*) С балкона прыгал другой.

АННА (*Оксане, ехидно*). По-твоему, здесь прыгают вниз, взявшись за руки?

Даниил за спиной Капитана грозит Оксане кулаком.

ОКСАНА. Не мешало бы и этого туда отправить. (*Указы-*

вает на Данила.)

Капитан поворачивается к Данилу, который чешет поднятой рукой затылок.

КАПИТАН (*Оксане, указывая на Данила*). Вы его имеете в виду?

ОКСАНА. И его, и того, который в шкафу.

АННА. Она привыкла у себя любовников по шкафам складировать.

ОКСАНА. По твоим шкафам!

КАПИТАН. В этом? (*Подходит к шкафу, открывает дверцу.*)

Из шкафа на костылях выходит Борис. На нем парик и борода на резинке, ранее принадлежавшие Андрею. Борис, постукивая костылями, довольно энергично направляется в сторону входной двери.

БОРИС (*Анне*). Анята, я пойду. Не хочу ставить тебя в неловкое положение.

КАПИТАН. Стоять! (*Борис застывает на месте.*) Что это за тип?

ОКСАНА. Я ведь говорила, у нее проходной двор.

АННА (*Борису*). Иди-иди, мой хороший. У этих развратниц одни глупости на уме.

БОРИС (*оправдываясь*). Хоть бы подумали, какой из меня развратник.

ОКСАНА. А раньше?! Без гипса?

БОРИС. А-а-а, что теперь вспоминать. (*Делает несколько шагов к двери.*)

КАПИТАН. Стоять! (*Борис замирает. Капитан подходит к нему, и так и этак заглядывает в узкое забинтованное окошко на голове Бориса.*)

ОКСАНА. Снимите бороду – сразу узнаете.

Капитан тянет, а потом отпускает бороду на резинке. Борода со шлепком возвращается на место.

ОКСАНА. И сорвите парик.

Борис самостоятельно снимает с себя бороду и парик, бросает их на пол.

БОРИС (*Капитану, с вызовом*). Ну что, узнал?

КАПИТАН (*видя совершенно гладкую забинтованную болванку головы*). Нет, не узнал.

БОРИС. Тогда я пошел.

КАПИТАН. Куда?

БОРИС. На перевязку. У меня номерок на полтретьего.

ДАНИИЛ (*Капитану*). Он совершенно посторонний в этом доме человек.

ОКСАНА. Видите – выпроваживает, не нравятся конкуренты! Их двоих надо арестовать!

Андрей за спиной Капитана поднимается в гробу, грозит Оксане кулаком. Оксана в обмороке падает на диван. Андрей ложится на прежнее место.

АННА (*Капитану, указывая на Оксану*). Бог наказал сплетницу. (*Подходит к Борису, говорит с притворной лаской.*) Иди, иди, дорогой. Ты сегодня не в форме – у нас ничего не получится.

КАПИТАН. Так это и в самом деле ваш любовник?

Андрей за спиной Капитана утвердительно кивает головой.

АННА. Вам, капитан, я могу признаться... пока эта дура ничего не слышит. (*Кивает в сторону Оксаны.*) Мой друг, когда узнал о постигшем нас горе, так торопился к нам, что попал под машину...

ДАНИИЛ. ...И, несмотря на это, нашел в себе силы прийти и выразить соболезнование.

КАПИТАН. В шкафу?

ДАНИИЛ. Там на костылях легче держать равновесие.

КАПИТАН. А борода с париком?

АННА (*кивая в сторону Оксаны*). Чтобы эта не узнала.

(Борису.) Иди, иди, мой дорогой. Видишь, как все нехорошо получилось.

БОРИС. До встречи, родная. (Уходит.)

КАПИТАН (подходит к Андрею, недоуменно). Удивительно! Полиция всей страны ищет знаменитого Бориса Канаева, а он лежит у вас в гробу.

ДАНИИЛ. Хитрый черт! Нашел способ ускользнуть от правосудия.

ОКСАНА (приходя в себя, слабым голосом). Но ты не ускользнешь...

КАПИТАН (Оксане). Гражданочка, вам лучше?

Андрей за спиной Капитана садится в гробу, подсказывает Оксане ответ – отрицательно вертит головой.

ОКСАНА. Немного... Но галлюцинации не проходят.

ДАНИИЛ (Оксане). Оксана, не волнуйся, ты поправишься. Тот, который привиделся тебе в гипсе и на костылях, уже испарился.

ОКСАНА. А второй?

КАПИТАН. Какой второй?

ОКСАНА. Который в шкафу. Они там вдвоем хранились.

ДАНИИЛ. Оксана, ты опять бредишь. Смотри, здесь никого нет. (Подходит к шкафу, открывает дверцу за которой недавно скрывался Борис.)

ОКСАНА. В другом отделе.

ДАНИИЛ. И там никого нет. (*Подходит к Оксане с намерением успокоить ее.*)

КАПИТАН (*помогая Даниилу успокаивать Оксану*). Тут тоже совершенно пусто. (*Подходит к шкафу, открывает вторую дверь.*) Вот видишь...

Стоящий в шкафу в полный рост Настоящий Канаев бьет Капитана рукояткой пистолета по голове. Капитан рушится на пол.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ (*Даниилу*). Спасибо, дружище! (*Оксане.*) А вас, красавица, я благодарить не стану.

ОКСАНА. Благодарю свою полюбовницу. Слетелись тут, как пчелы на мед.

АНДРЕЙ (*выбираясь из гроба*). Оксана, прекрати! Это совсем не тот случай.

ОКСАНА. Андрюша! Ты живой?! Или мне только снится?

ДАНИИЛ. Да что ему будет? Всего шестнадцатый этаж. Что мы – в небоскребах обитаем?

АНДРЕЙ (*Настоящему Канаеву*). Что вы наделали?! Вы убили полицейского! Лучше бы я и в самом деле умер!

ДАНИИЛ. Конечно лучше. Тем более что сейчас должен прийти Эйлер.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Кто это?

АНДРЕЙ. О-о-о, это тип, который спит и видит меня в гробу.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Он хочет грохнуть тебя?

ДАНИИЛ. И забрать его жену.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ (*Андрею*). У тебя есть жена?

ДАНИИЛ (*указывая на Анну*). Вот она – вдова.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Но он живой!

ДАНИИЛ. А по документам – мертвый.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Круто! Мне бы так устроиться.

Тогда можно куролесить как угодно.

Капитан стонет на полу.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Можно, например, сбросить ментяру с балкона. (*Указывает на Капитана.*) И после этого какие с мертвого, взятки?!

ДАНИИЛ. А толку? Вот этот падал (*указывает на Андрея*), и хоть бы хны!

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. И этот падал?

На экране телевизора появляется голова владельца арт-салона Эйлера.

ДАНИИЛ (*Андрею*). Быстро ныряй в свою конуру! (*Указывает на гроб.*)

ОКСАНА. Сам туда ныряй!

АНДРЕЙ. Сколько можно?! Мне разонравилась эта задумка.

ДАНИИЛ. А деньги тебе тоже разонравились?

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Какие деньги?

АНДРЕЙ. Большие. Но в гроб все равно не полезу. (*Поднимает с пола бороду и парик, надевает на себя.*) Меня еще не привезли из морга. Хотите, кладите туда капитана.

ДАНИИЛ. Мы его не поднимем.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Но в шкаф затолкать сумеем.

Настоящий Канаев и Даниил заталкивают Капитана в шкаф. Андрей поднимает гроб, прислоняет его вертикально к стене. Входит ЭЙЛЕР с чемоданчиком-дипломатом в руках, на пороге снимает шляпу.

АННА. Владислав, спасибо, что не забываете нас.

ЭЙЛЕР. Именно так и обязаны поступать настоящие друзья. И я пришел не с пустыми руками. И венок заказал.

АННА. Спасибо. Мы тоже готовимся.

ЭЙЛЕР (*оценивая гроб*). Неплохо, приличненько... Эта расцветка ему бы понравилась.

ДАНИИЛ. Можно было и поярче, но в ритуалке других не было.

ЭЙЛЕР. Ничего, ничего... мы отдадим ему должное памятником. Цветовую гамму подберем соответственно его картинам.

ДАНИИЛ. Пятнистую?

ЭЙЛЕР. Разумеется. Кстати, о картинах... Все это (*ука-*

зывает на стены) я забираю.

АНДРЕЙ *(удивленно)*. Как забираете?

ЭЙЛЕР. Вернее, покупаю.

ДАНИИЛ. И за сколько, если не секрет?

Эйлер вопросительно смотрит на Анну.

АННА. У меня от друзей секретов нет.

ЭЙЛЕР. За два миллиона. *(Кладет дипломат на журнальный столик, расстегивает его. Чемоданчик доверху набит пачками денег.)*

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ *(удивленно)*. Два миллиона?! За эту мазню?

АНДРЕЙ *(уязвленный)*. Именно за эту. *(Эйлеру.)* Мы согласны. *(Анне.)* Ты не возражаешь?

АННА. Конечно. Владислав очень великодушен.

ЭЙЛЕР. О прочих работах, оставшихся в мастерской, поговорим потом.

АНДРЕЙ. А я из дома могу принести еще несколько полотен, которые он подарил мне.

ДАНИИЛ. Мастер не ценил творенья своих рук.

АННА. Он щедро одаривал друзей.

ЭЙЛЕР *(Оксане)*. А у вас, сударыня, его работ не осталось?

ОКСАНА. Только одна.... Но я не собираюсь с ней расставаться.

ЭЙЛЕР. Это пейзаж?

ОКСАНА. Нет. Мой портрет.

ЭЙЛЕР. В розовом?

ОКСАНА. Нет.

ЭЙЛЕР. В голубом?

ОКСАНА. Нет. Ни в каком. Я лежу на диване...

АНДРЕЙ. Что вы прицепились к девушке. Видите, она стесняется.

ОКСАНА. Мне нечего стесняться. Ты сам говорил – у меня божественная фигура.

АННА. Он так говорил?

ОКСАНА. Когда был без бороды.

АНДРЕЙ. Оставьте сплетни о покойнике! Думаете, ему приятно это слышать... на том свете?

АННА. А его вдове на этом?

ЭЙЛЕР. Анна, я всегда смогу защитить вас от оскорблений.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Я тоже не позволю издеваться над женщиной. (*Эйлеру.*) И давно вы торгуете картинами?

ЭЙЛЕР. Сколько себя помню.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. И они, по-вашему, стоят два миллиона? (*Указывает на картины.*)

ЭЙЛЕР. По мнению моих клиентов, дороже.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Черт побери! Я, кажется, всю жизнь торговал не тем товаром.

ЭЙЛЕР. Не знаю, чем вы торговали, но покупатель за свои

деньги всегда мечтает получить удовольствие.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Это вы верно заметили, можно даже сказать – блаженное забытьё.

ЭЙЛЕР. И тут на помощь приходит искусство.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Фармакология тоже не отстаёт. Но я готов согласиться – ваш бизнес намного прибыльней.

ЭЙЛЕР. Не скажите. Не случись этого несчастья, я мог бы прогореть.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Все равно ваш бизнес надежней. Если погибается какой-то ненормальный – у вас обязательно прибыль. А если ошибается мой потребитель (*изображает укол в руку*), я теряю клиента.

ЭЙЛЕР. Вы по профессии врач?

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. В некотором роде. Помогаю избавляться от страданий.

ОКСАНА. Тогда избавьте меня от головной боли.

ДАНИИЛ. С этой задачей справится и чашечка кофе. (*Ане.*) Где у нас кофе?

АНДРЕЙ (*удивленно*). У нас?

АННА. Не цепляйся к словам. (*Даниилу*). Пойдем, покажу. (*Даниил и Анна берут Оксану под руки, уводят на кухню.*)

ЭЙЛЕР (*Настоящему Канаеву*). А вы?

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Нет-нет, спасибо, я предпочитаю напитки покрепче. Пока хозяйки нет, я хотел бы сделать вам выгодное предложение – я готов серьезно вложиться в

ваш бизнес.

ЭЙЛЕР. В каком объеме?

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Десять миллионов.

ЭЙЛЕР *(удивленно)*. Десять миллионов?!

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Наличными. Кроме того, у меня готовый бизнес-план.

ЭЙЛЕР. С удовольствием познакомлюсь. *(Смотрит в сторону Андрея.)*

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Нет-нет, пусть он останется – может пригодиться.

ЭЙЛЕР. Я весь внимание.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Насколько я понимаю, у вас есть клиенты, готовые выкладывать за это безобразие миллионы? *(Указывает на картины.)*

ЭЙЛЕР. Разумеется. Иначе я бы не стал рисковать.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Я предлагаю вам после смерти малахольного хозяина этого дома поставить производство цветного мусора на поток.

ЭЙЛЕР. Я тоже об этом подумывал. Но самое ценное в картинах – подпись автора.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Да подписать может кто угодно! Например – он. *(Указывает на Андрея.)*

ЭЙЛЕР. А рисовать кто будет?

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. В крайнем случае я могу расплескать несколько цветных баночек. А он размажет. *(Снова указывает на Андрея.)* Вы не представляете, насколько у

этого прохвоста ловкие руки! Ему вытянуть кошелек – что пылинку смахнуть! А уж подпись – за минуту штампонет!

АНДРЕЙ. Запросто. Я видел, как это делается.

ЭЙЛЕР. А он умеет держать язык за зубами?

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Если что-либо вякнет, полетит с балкона. (*Указывает на балкон.*)

За стеной слышится вой спаниеля.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Вот видите, собака чует покойника.

ЭЙЛЕР. Его, кстати, скоро привезут.

Дверь шкафа неожиданно открывается. Оттуда с пи-столетом в руках выходит Капитан Лапохват.

КАПИТАН. Собака слышала вас! Одно движение – и вы на том свете! Руки вверх!

Эйлер и Настоящий Канаев поднимают руки.

КАПИТАН (*Андрею*). А тебе особое приглашение?

АНДРЕЙ (*поднимая руки*). Капитан, это недоразумение.

ЭЙЛЕР. Вы нас неправильно поняли.

КАПИТАН. Это вы ничего не поняли! (*Указывает на бо-родатого Андрея.*) Он отправил на тот свет хозяина этой

квартиры.

ЭЙЛЕР (*удивленно кивает на Андрея*). Этот?

КАПИТАН. А то какой же! Чтобы завладеть его картинами! И вы думаете, он захочет делиться с покойниками?

ЭЙЛЕР. С какими покойниками?

КАПИТАН. С вами – с двумя будущими покойниками. Он спровадил на тот свет больше народу, чем умерший Раскатов изгадил полотен!

ЭЙЛЕР. Капитан, тогда арестуйте его.

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Ну зачем так сразу. (*Капитану.*) Капитан, этот парень очень хорошо умеет ставить подписи... мы бы могли с вами договориться...

За стеной опять слышится вой собаки.

АНДРЕЙ. Извините, мне надо покормить собаку.

Андрей бросается на балкон, запрыгивает на перила, чтобы перебраться в соседнюю квартиру. Капитан стреляет. Андрей падает вниз. Слышится его затихающий крик. На звук выстрела вбегают ОКСАНА, ДАНИИЛ и АННА.

КАПИТАН. Ну теперь ему точно крышка. (*Дует на ствол пистолета, прячет оружие в кобуру.*)

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ. Вы убили человека.

ДАНИИЛ. Какого?

ЭЙЛЕР. Я не знаю, как его зовут... который с бородкой.
ДАНИИЛ. Вы убили Андрея Раскатова!

Оксана в обмороке падает на диван.

АННА. Мне плохо... *(Теряет сознание, падает на Оксану.)*

ДАНИИЛ *(капитану)*. Вы убили троих!

КАПИТАН *(оправдываясь)*. Это был наркоделец Борис Канаев! Я видел его документы. Надо зафиксировать и вызвать скорую *(Уходит.)*

НАСТОЯЩИЙ КАНАЕВ *(крестится, говорит с елеем в голосе)*. Господи, упокой его бесприютную душу. Я готов поклясться, что это был именно он. *(Незаметно для Капитана вынимает из пиджака паспорт, прячет его в носок.)*

КАПИТАН. Надо зафиксировать и вызвать скорую *(Уходит.)*

АННА *(слабым голосом)*. Бедный Андрей...

ДАНИИЛ *(Анне)*. Аня, не волнуйся. В свое время все там будем.

АННА. Он все-таки умер...

ДАНИИЛ. ...Как и задумал.

АННА. Нам будет его очень не хватать.

ДАНИИЛ. И мы будем вспоминать его долгие, долгие годы... вдвоем...

ЭЙЛЕР. А на его могиле установим необыкновенно яркий

памятник...

ДАНИИЛ. ...Поскольку душа у него светилась подобно радуге.

Входная дверь отворяется. Входят ДВА СТРОИТЕЛЯ в касках и в забрызганных раствором спецовках. Они вводят АНДРЕЯ, держа его под руки. Андрей без бороды и парика.

1-Й СТРОИТЕЛЬ. Это ваш товарищ?

Немая сцена.

ОКСАНА (*бросается к Андрею*). Андрюша, ты живой!

2-Й СТРОИТЕЛЬ. Упал на сетку. Мы тут швы заделываем... а он сверху... Хоть бы смотрел, куда летит!

ЭЙЛЕР. Андрей, ты ожил?!

АНДРЕЙ. Самую малость...

ЭЙЛЕР (*возмущенно*). Нет! Так не пойдет! Ты окончательно вздумал меня разорить?! (*Строителям.*) Черт бы вас побрал с вашей сеткой!

1-Й СТРОИТЕЛЬ. Наше дело – техника безопасности! (*Направляется к выходу.*)

2-Й СТРОИТЕЛЬ. А ваше – поменьше пьянствовать! И не сигать на людей! И вот... у него выпало. (*Вынимает из кармана спецовки бороду и парик, засовывает их в карман Андрею.*)

Строители уходят.

ЭЙЛЕР (*опустошенно*). Все! Мой бизнес погиб!

АНДРЕЙ. Ничего подобного. (*Вынимает из кармана бороду, надевает ее.*) Подпись я всегда поставлю смогу. Никто лучше меня не подделает мои картины!

ОКСАНА. Андрюша, родной, тебе так идет борода! Но дай слово больше не прыгать с балкона! (*Обнимает и целует Андрея.*)

АНДРЕЙ. Не буду – мне не понравилось.

ОКСАНА. Мы наш с тобой балкон обязательно застеклим.

ДАНИИЛ. И мы с Анной застеклим.

(Занавес)

ФАНЕРНЫЙ ГОСТЬ

(Комедия)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АНДРЕЙ – предприниматель

АННА – жена Андрея

АЛЬБИНА – мать Анны

ДАНИИЛ – дуг Андрея, врач

ПОЛИНА – квартирантка

ВЕРОНИКА – журналист

НАУМ – глава социальной службы

КАПИТАН – полицейский

ИНКАССАТОР

Квартира Андрея Петровича Круменя – владельца небольшого магазина игрушек. Три двери: левая ведет в спальню, правая – на кухню и другие комнаты, центральная – вход с улицы. Минимально необходимая обстановка: диван, два кресла, большой шкаф, на стене телевизор. В комнате широкие высокие двери.

АННА вкатывает своего мужа АНДРЕЯ в комнату в инвалидном кресле-каталке. Ноги Андрея укрыты пледом.

АННА. Андрюша, ты у окошка посидишь, или включить телевизор?

АНДРЕЙ. У окошка, Анята. Послушаю, как птички поют.

АННА. Послушай, дорогой, послушай. Я форточку прикрою, чтобы не продуло.

АНДРЕЙ. Да, прикрой немного. Пусть поют, но негромко.

АННА. Я отлучусь на часок – к маме съезжу. Она хочет купить шведскую стенку.

АНДРЕЙ. Мебель?

АННА. Нет. Спортивную лестницу до потолка.

АНДРЕЙ. Рановато она вздумала карабкаться наверх.

АННА. Андрюша, прекрати.

АНДРЕЙ. Ей что, беговой дорожки мало?

АННА. Маме не хватает нагрузки на другие мышцы.

АНДРЕЙ. Я бы сказал, чего ей не хватает.

АННА. Не надо. Я наперед знаю, что ты скажешь, и как ты любишь мою маму.

АНДРЕЙ. Да ради бога! Пусть хоть по потолку бегает. Я что – против? Теперь мое дело – сидеть у окна.

АННА. Все. Не грусти. Я ненадолго. (*Уходит.*)

Андрей подъезжает к окну, смотрит вниз. Удостоверившись, что жена вышла из подъезда, резко отбрасывает плед, выпрыгивает из каталки, делает наклоны влево-вправо, несколько раз энергично приседает, ходит по комнате,

разминая ноги.

АНДРЕЙ. Не понимаю, как артисты изображают калек. Если настоящий талант, поневоле с персонажем сроднишься и сам инвалидом станешь. Потом никакая физкультура не спасет!

За входной дверью слышатся неясные звуки. Андрей хватает плед, прыгает в каталку, принимает скорбный вид. Входит ДАНИИЛ.

АНДРЕЙ. А-а-а, это ты... *(Выбирается из кресла.)* Стучаться надо. Привет! *(Протягивает руку для рукопожатия.)*

ДАНИИЛ. Привет! *(Пожимает руку.)* Закрывать надо.

АНДРЕЙ. Не помешает. *(Закрывает дверь на защелку.)*

ДАНИИЛ. А где Аня?

АНДРЕЙ. К теще поехала... кино смотреть.

ДАНИИЛ. Кино?

АНДРЕЙ. Альбина собирается по стенам лазить. Надумала купить лестницу-тренажер.

ДАНИИЛ. Правильно надумала – это я посоветовал.

АНДРЕЙ *(недовольно)*. А мне снова платить? Мы еще за беговую дорожку не рассчитались.

ДАНИИЛ. Не приbedняйся, считаешься. Как только зарегистрируешься, избирком выделит триста миллионов.

АНДРЕЙ. Думаешь, выделяют?

ДАНИИЛ. Куда они денутся – по закону положено. Если, конечно, не обнаружат фальшивые подписи.

АНДРЕЙ. Что ты! У меня все идеально. Наладил контакты с обществом инвалидов. Они прямо ухватились за идею. Наконец-то в парламенте появится их представитель – будет отстаивать интересы калечного населения.

ДАНИИЛ. Сколько можно говорить – интересы людей с ограниченными возможностями.

АНДРЕЙ. Все не могу привыкнуть.

ДАНИИЛ. Привыкай... если такое затеял.

АНДРЕЙ. А что оставалось?! Наблюдать, как волокут на скамью подсудимых?

ДАНИИЛ. Не надо было лихачить.

АНДРЕЙ. А они что, не лихачили? Если мигалки, так правила побоку?! Они на желтый выехали.

ДАНИИЛ. А ты – на красный. И они – по главной.

АНДРЕЙ. Конечно! С мигалками всегда главная.

ДАНИИЛ. У них из-за тебя пропало несколько миллионов. И два инкассатора пострадали.

АНДРЕЙ. Зато пешеходам повезло – денег высыпалось... как на поляне грибов.

ДАНИИЛ. Вот тебя и засолят за эти грибы... лет на шесть. Еще и выплатишь все, что грибники унесли. Так что не вздумай выздоравливать – получишь по полной.

АНДРЕЙ. А я и не думаю. Мне так даже лучше – вокруг

сострадают. И появилось время поразмышлять о своей жизни.

ДАНИИЛ. Поразмышляй. Это и прохвостам полезно.

АНДРЕЙ. Даниил, не обижай инвалида. Я тут немного посидел и кое-что придумал...

ДАНИИЛ. Думай не думай, а возмещать заставят.

АНДРЕЙ. Это если бы я и дальше оставался мелким торговцем игрушками.

ДАНИИЛ. А теперь ты крупный... крупный правонарушитель.

АНДРЕЙ. Конечно крупный – учредитель новой, столь необходимой для общества партии. А у депутатов, чтобы ты знал неприкосновенность, тем более у депутата-инвалида.

ДАНИИЛ. Какой ты инвалид? Ты симулянт!

АНДРЕЙ. Ну и что?! В парламенте полно симулянтов! Ты Егора знаешь?

ДАНИИЛ. У которого рекламное агентство?

АНДРЕЙ. Да. Ты не представляешь, сколько он бездельников из грязи в князи вывел? Половина депутатов – его клиенты.

ДАНИИЛ. Это хорошо, что у тебя там друзья.

АНДРЕЙ. Друзья... Он обижался – как только в парламент попадают, его сразу забывают.

ДАНИИЛ. Надеюсь, со мной такого не случится?

АНДРЕЙ. Да мы и тебя изберем.

ДАНИИЛ. Спасибо, я не калечный.

АНДРЕЙ. Зато профессиональный врач. Выдвинем от партии народных целителей.

ДАНИИЛ. А разве есть такая?

АНДРЕЙ. Не знаю. Если нет – учредим. Ты дипломированный медик.

ДАНИИЛ. Вот именно – медик, а не знахарь.

АНДРЕЙ. Не велика разница. Все вы калечите население. Не зря в народе говорят: избегай докторов – и будешь здоров!..

ДАНИИЛ. ...Как симулянт в инвалидном кресле.

АНДРЕЙ. Ничего. Немного посижу в инвалидном, потом пересяду в депутатское, а потом пойду на поправку.

ДАНИИЛ. На другой день?

АНДРЕЙ. Можно и на другой. Вам, докторам, это, конечно, всегда не нравилось – клиентуру теряете. Но случается и такое. Бывало, наложат руки, скажут несчастному: встань и иди – и человек пошел.

ДАНИИЛ. Да выздоравливай хоть сейчас! Только не вздумай инвалидность оформлять.

АНДРЕЙ. А что, не дадут?

ДАНИИЛ. Дадут. Так дадут, что за симуляцию будешь где-нибудь в каменоломнях киркой махать... пару созывов.

АНДРЕЙ. Даниил, я не симулирую. Я прислушиваюсь к подсказкам судьбы. Это она меня подтолкнула на удачную стезю. Столько лет понапрасну ухлопал! А теперь – ни забот, ни хлопот. А какие идеи в голову приходят! Не попади в ава-

рию, никогда бы такого не придумал...

ДАНИИЛ. ...Пробраться в парламент в инвалидной коляске.

АНДРЕЙ. Даниил, я хочу купить электрическую. От этой мозоли на руках. *(Демонстрирует ладони.)*

ДАНИИЛ. Нормальные мозоли. Руки трудового симулянта. Белоручкам в парламенте не место. Забудь про электрическую.

АНДРЕЙ. Но на ней очень удобно.

ДАНИИЛ. Ты еще трицикл купи и гоняй по городу... с мигалкой. Потерпи, получишь персональный автомобиль с водителем. У меня племянш Никита недавно права получил.

АНДРЕЙ. И не уговаривай. Видел я, как твой Никита на одном мотоциклетном колесе носится. Точно инвалидом делает.

ДАНИИЛ. Как знаешь, я не настаиваю.

АНДРЕЙ. Помощником возьму, референтом, только не водителем. Дольше с твоим Никитой проживем.

Слышится дверной звонок. Андрей забирается в кресло.

АНДРЕЙ. Открой. Это, скорее всего, журналистка.

ДАНИИЛ. Журналистка?

АНДРЕЙ. А как ты думал известность получают?! Иди открой.

Даниил открывает дверь. Робко входит молодая девушка – журналист ВЕРОНИКА. Одета она скромно, выглядит неброско.

ВЕРОНИКА. Здравствуйте... Я Вероника... из газеты. У меня назначена встреча.

АНДРЕЙ. А-а-а, Вероника. Проходите, проходите. Вероника, знакомьтесь, это Даниил – мой товарищ и друг детства. И что немаловажно – эскулап от бога. Все остальные лекари по сравнению с ним – санитары безрукие!

ДАНИИЛ. Андрей, перестань.

АНДРЕЙ. Видите – скромничает. Краснеет, когда его хвалят. *(Даниилу.)* А это Вероника – журналист. Специализируется на избирательном праве и общественно-политической жизни. *(Веронике.)* Присаживайтесь. *(Даниилу.)* Вероника заинтересовалась моим случаем и моей партией...

ДАНИИЛ. ...Которая еще только на бумаге.

АНДРЕЙ. Велика беда начало. Дело времени. Таких как я – страждущих – не менее двадцати процентов.

ВЕРОНИКА. Я включу диктофон.

АНДРЕЙ. Да, конечно.

ДАНИИЛ. Андрей... Андрей Петрович, откуда ты взял двадцать процентов?

АНДРЕЙ. Да если хорошо вникнуть, у нас вся нация больная. Разве черствость и невниманье к проблемам ближнего, не болезнь?

ВЕРОНИКА. Еще и какая.

АНДРЕЙ (*Веронике*). Вы видели пандусы у моего подъезда?

ВЕРОНИКА (*вспоминает*). Не припомню.

АНДРЕЙ (*указывая на Даниила*). И он не припомнит. Потому что их нет, и потому, что ему все равно, как его товарищ выбирается на улицу.

ДАНИИЛ. На лифте мой товарищ выбирается. А дальше его выносят... как восточного владыку.

АНДРЕЙ. А я не хочу быть владыкой! И никого не хочу эксплуатировать. Хочу быть рядовым, законопослушным гражданином. И нас таких – порядочных и честных инвалидов – тысячи.

ВЕРОНИКА. Но только вы догадались создать партию. Каким образом к вам пришла эта идея?

АНДРЕЙ. Не знаю. Скорее всего – через недвижимые ноги.

ДАНИИЛ. Главное, чтобы по пути к голове она не попала в другое место.

ВЕРОНИКА. Что вы! Создание подобной партии давно назрело – это истинный показатель гуманизации общества. Наш редактор, узнав об инициативе, сразу обозначил ее приоритетной.

ДАНИИЛ. С вашим редактором все в порядке?

ВЕРОНИКА. В каком смысле?

ДАНИИЛ. В смысле... полноценный... без увечий?

ВЕРОНИКА. С виду вроде ничего. Но если поработать с

ним, многие начинают сомневаться.

АНДРЕЙ. Попивает?

ВЕРОНИКА. А вы откуда знаете?

АНДРЕЙ. И не прочь приударить?

ВЕРОНИКА. Ну конечно.

АНДРЕЙ. Тогда нормальный. А то ведь знаете, по нынешним временам у нас другие слабости входу.

ДАНИИЛ. Андрей, только не начинай! Может быть, ты и феминизм осуждаешь?

АНДРЕЙ *(не зная, что ответить)*. Феминизм... *(Смотрит в сторону Вероники, пытаясь угадать реакцию.)* Тут все не так однозначно...

ВЕРОНИКА. Я и сама феминисток не очень уважаю. Многие пиарятся, лишь бы выскочить за толстые кошельки.

АНДРЕЙ. Вот и я говорю. Феминизм – прогрессивное движение... нужное, но не везде и не всегда... и только не у нас.

ВЕРОНИКА *(удивленно)*. Почему это не у нас? Мы что, хуже всех?

АНДРЕЙ. Вы? Хуже? Кто вам такое сказал? В жизни не видел девушки красивее!

Даниил за спиной Вероники в отчаянии хватается за голову, давая понять: Все! Началось! Старая песня!

ВЕРОНИКА. Спасибо.

АНДРЕЙ. В этом можете не сомневаться. И Даниил не даст соврать.

Вероника поворачивается к Даниилу, который прерывает ужимки и с готовностью кивает.

АНДРЕЙ. Вероника, я предлагаю вам немного пожить у нас. Два дня добираться из столицы, чтобы потом уютиться в казенной гостинице?

ВЕРОНИКА. Нет-нет, это неудобно...

АНДРЕЙ. А с нашей стороны непорядочно... отправлять дорогих гостей на постоялый двор.

ДАНИИЛ. В крайнем случае – у меня квартира свободная.

АНДРЕЙ (*возмущенно, Даниилу*). Вот когда к тебе... безногому, приедут гости... тогда и отфутболивай. Придумал... к нему.

С сумками, набитыми провизией, входит ПОЛИНА – квартирантка, по совместительству – домработница.

ПОЛИНА. Здравствуйте.

ДАНИИЛ. Здравствуй, Поля.

АНДРЕЙ. Полина, это Вероника – будет готовить материал обо мне для центральной прессы. (*Веронике.*) А это Полина – снимает у нас комнату и помогает нам с Анной по

хозяйству. Полина, размести Веронику в комнате, что я показывал.

ПОЛИНА. Рядом с вашей?

АНДРЕЙ. Конечно. Можно подумать, что у бедного инвалида квартира из десяти комнат!

ПОЛИНА. Хорошо. (*Веронике.*) Пойдемте, покажу.

Полина и Вероника уходят.

ДАНИИЛ (*оглядываясь в сторону ушедших*). Что ты придумал?

АНДРЕЙ. Что я придумал?

ДАНИИЛ. Оставь свои прежние замашки. Теперь ты инвалид, а она страшенькая, как утренние новости.

АНДРЕЙ. Ты ничего не понимаешь в новостях.

ДАНИИЛ. А вот она быстро разберется в тебе! А как разберется – устроит такую рекламу, что выскочишь из кресла и, опозоренный, будешь бегать, пока полиция не поймает.

АНДРЕЙ. И в девушках ты ничего не понимаешь. Это милое, юное, наивное существо. Если такими восхищаться, они расцветают прямо на глазах. А распустившиеся розы еще никого не позорили.

ДАНИИЛ. Ты плохо знаешь журналистов. Они за сенсацию готовы что угодно отдать.

АНДРЕЙ. А отдаться?

ДАНИИЛ (*язвительно*). Безногому инвалиду?

АНДРЕЙ. Даниил – человеку с ограниченными возможностями. Да! Я и в самом деле ограничен и не свободен в своих действиях. Во-первых, по дому целыми днями шляется жена, а во-вторых, Полина...

ДАНИИЛ (*удивленно*). И Полина?

АНДРЕЙ. А по-твоему, я что – бестелесный? Если бы, например, в твоём доме, обитала такая девушка, как Полина, ты бы изображал импотента?

ДАНИИЛ. Ты хочешь сказать?..

АНДРЕЙ. А что здесь такого?

ДАНИИЛ. Господи! И она тоже думает, что тебя хватила кондрашка... с ногами?

АНДРЕЙ. Полина все знает. (*Тяжело вздыхает.*) В один из моментов я потерял голову и перестал себя контролировать. И она обо всем догадалась.

ДАНИИЛ. Анна... тоже знает?

АНДРЕЙ (*возмущаясь наивностью друга*). Анна – моя жена! С чего это я стану терять голову со своей женой?

ДАНИИЛ. Но тогда зачем тебе еще одна – журналистка?

АНДРЕЙ. Женщин много не бывает. Природой их количество не регламентировано. И по секрету тебе скажу, с ними дело иметь намного приятней, чем с мужиками.

ДАНИИЛ. Спору нет. Но когда они живут отдельно... друг от друга.

АНДРЕЙ. А я в безвыходной ситуации – не могу же я гонять городу в инвалидной коляске.

Входит АННА.

АННА. Привет, Даниил. Там внизу рабочие приехали – собираются пандус устанавливать.

ДАНИИЛ (*Андрею*). Вот теперь будешь гонять... в смысле, ездить.

АННА. Куда ему ездить? Разве что к моей маме. Она внизу со строителями договаривается, чтобы ей шведскую стенку поставили.

АНДРЕЙ. Во-во! Именно шведскую. Всей бригадой. У них это запросто.

АННА. У шведов?

АНДРЕЙ. У строителей! Им только позволь.

АННА. Что ты хочешь сказать?

АНДРЕЙ. Потом плитку предложат поменять, капитальный ремонт затеют... и так – на несколько лет.

АННА. И пусть ремонтируют. У мамы давно уже пора все обновить.

АНДРЕЙ. Глупости! Все у нее нормально. Даниил, хоть ты вразуми ее – я не могу! Лучше поеду, кофе выпью. (*Катится в сторону правой двери.*)

ДАНИИЛ. Я тоже не откажусь от кофе.

Входит АЛЬБИНА Егоровна – мать Анны. Даниил не замечает ее, пытается поддержать товарища.

ДАНИИЛ. Аня, Андрей в данном случае прав – у твоей матушки все идеально. Достаточно раз увидеть – глаз не оторвешь. На что ни посмотри – абсолютная гармония. Все на своем месте, как и положено – ни убавить, ни прибавить! Я бы многое отдал, чтобы иметь в своей квартире такое совершенство! (*Уходит следом за Андреем.*)

АЛЬБИНА. Как вовремя я заглянула! И ты, Аня, молчишь. Не приходи, так бы и не узнала, какое впечатление произвожу на Даниила.

АННА. Мама, ты неправильно поняла.

АЛЬБИНА. Доченька, не надо! Я понимаю, мужские слова нельзя принимать за чистую монету, но все равно – на пустом месте такое не говорят. И не спорь! Он не намного моложе меня.

АННА. На двадцать лет.

АЛЬБИНА. Ну и что? С каких это пор молодость – преграда между людьми? Ты лучше со своим ровесником разберись.

АННА. Мама, все так неожиданно – Андрей был здоров и вдруг... на пустом месте. Даниил говорит, все из-за позвончика.

АЛЬБИНА. Если Даниил говорит, то так оно и есть. Но мы его поднимем на ноги.

АННА. Мы?

АЛЬБИНА. Мы с Даниилом. Ты думаешь, я для кого

шведскую стенку ставлю? Нужна вытяжка позвоночника – устранять защемление. Будем приезжать ко мне и устранять... под врачебным присмотром.

АННА. Под каким врачебным?

АЛЬБИНА. Да что ты как нарочно! Даниил, по-твоему, не врач?

АННА. Но он не захочет к тебе ехать.

АЛЬБИНА. Даниил?

АННА. Андрей.

АЛЬБИНА. Тогда пусть до конца своих дней сидит в коляске... на твоей шее. А Даниил, я уверена, захочет. Или, скажешь, в моем доме ему не нравится?

АННА. В доме-то как раз ему нравится.

АЛЬБИНА. Тогда не морочь мне голову – я знаю что говорю. И Андрея твоего поднимем – хочет он того, или не хочет.

АННА. Мама, может грех такое говорить, но когда все это случилось, мне стало намного спокойней.

АЛЬБИНА. Понимаю.

АННА. Он раньше в своем магазине с игрушками постоянно среди молодых мам вертелся. Теперь из всех женщин пусть знает только с одной журналисткой.

АЛЬБИНА. С какой еще журналисткой?

АННА. Со страшенькой. Я когда с ней по скайпу договаривалась – сразу согласилась, от этой вреда не будет.

Входит ВЕРОНИКА.

АННА (*с притворным восторгом*). А вот и наша красавица, о которой мы говорили. Вероника, вы уже приехали?

ВЕРОНИКА. Только что. Здравствуйте.

АННА. А это моя мама – Альбина Егоровна.

ВЕРОНИКА. Очень приятно.

АЛЬБИНА. Вот вы какая! А мне вас Анна так нахваливала, так нахваливала – и оказалась права.

ВЕРОНИКА. Да полно вам. И Андрей Петрович хвалил.

АННА (*тревожно*). И Андрей хвалил?

ВЕРОНИКА. И пожить у вас предложил – в гостиницу не отпускает.

Анна и Альбина переглядываются.

АННА. Правильно и сделал... хотя я номер забронировала.

ВЕРОНИКА. Андрей Петрович уже позвонил – отказался от брони. Сказал, что если я уеду, вы обидитесь.

АННА. Так и сказал?

ВЕРОНИКА. При Данииле. А Даниил предложил остаться у него.

АЛЬБИНА. С какой это стати? Интервью – у Андрея, а жить у Даниила? Правильно Андрей и решил, и вы правильно сделали, что согласились. Немного приободрите его

– ведь бедняжка теперь постоянно в четырех стенах. Каково цветущему мужчине оказаться в таком положении?

АННА. Мама, какой он цветущий?

АЛЬБИНА. А какой же? Они с Даниилом ровесники. По-твоему, и Даниил не цветущий?

АННА. При чем здесь Даниил – мы говорим об Андрее.

ВЕРОНИКА. Ваш супруг тоже интересный мужчина.

АННА. Вот, накликала на свою голову. (*Уходит.*)

ВЕРОНИКА. Что это с ней?

АЛЬБИНА. Тяжело переносит болезнь Андрея. Вы уж, милочка, постарайтесь его приободрить... эмоционально. А там где эмоции – там и все остальное. Душа и тело в человеке неотделимы.

ВЕРОНИКА. Конечно. Обязательно сделаю все, что смогу. Я как увидела Андрея Петровича в инвалидном кресле, так меня словно кипятком изнутри обдало. Где справедливость? Одни ходят, бегают, танцуют... а ему только в окошко смотреть. Но он не из тех, что сдаются без боя – такое дело затеял!

АЛЬБИНА. Какое дело?

ВЕРОНИКА. Новую партию.

АЛЬБИНА. Партию? Для себя?

ВЕРОНИКА. Политическую – партию инвалидов. Извините, партию людей с ограниченными возможностями. Другие всю жизнь страдают и не догадываются. А он сразу придумал.

АЛЬБИНА. Это он может – у него с детства шило в одном месте торчит. Ох, и намучилась Анна.

ВЕРОНИКА. Вот и хорошо, что шило, зато всегда весело.

АЛЬБИНА. Очень весело, особенно, если шило спереди. Но это пусть сами разбираются. А вот инвалидную партию он напрасно затеял.

ВЕРОНИКА. Почему это напрасно?

АЛЬБИНА. Не будет ему голосов – никто не считает себя инвалидом. У нас на районе когда-то партию пенсионеров создавали. Я списки посмотрела – там всего одна женщина. И ту, как потом выяснилось, перед смертью без ее ведома вписали. Так она как узнала, такой скандал устроила, что еще восемь лет прожила.

ВЕРОНИКА. Вы думаете, у Андрея Петровича не получится?

АЛЬБИНА. Уверена. Если бы он был здоров и в шутку такую партию затеял – тогда другое дело. Если что-то несерьезно делать, то оно всегда складывается. А с умной рожей всегда глупость выходит. Ты в телевизор посмотри, если серьезный – значит дурак.

ВЕРОНИКА. Альбина Егоровна, я, кажется, знаю, как нам помочь Андрею Петровичу.

АЛЬБИНА. И как это?

Входит ДАНИИЛ, впереди себя катит кресло с АНДРЕЕМ.

ВЕРОНИКА. Пойдемте, расскажу. (*Направляется к двери.*)

АНДРЕЙ. Куда же вы?

АЛЬБИНА. Это мы о своем, о женском. (*Альбина и Вероника уходят.*)

АНДРЕЙ. Ты видел, как у нее блеснули глаза?

ДАНИИЛ. У кого?

АНДРЕЙ. У Вероники. Согласись, она с какой-то изюминкой.

ДАНИИЛ. Альбина?

АНДРЕЙ. Вероника. Прелестное, наивное существо! Я думал, теперь таких уже не выпускают.

ДАНИИЛ. И вот, выпустили! В самый неподходящий момент. Хотел бы я посмотреть, как ты собираешься ее охмурять?

АНДРЕЙ. Думаешь, если сижу в этом кресле, так ни на что не способен?

Входит НАУМ Пантелеевич – глава социальной службы района.

НАУМ. А вот это верная позиция! Я своим подопечным так и говорю: даже если чем-то обделен – пусть даже головой – упорствуй, не давай себе поблажки. Добрый день!

АНДРЕЙ. Добрый...

НАУМ (*представляется*). Наум Пантелеевич – глава социальной службы вашего района. Пандус мы вам уже начали возводить.

АНДРЕЙ. Да, нам сообщили.

НАУМ. Только узнали про ваш случай – сразу же приступили. У нас это мигом. Человек только надумает жаловаться – а уже не на что! В других районах в лучшем случае к последнему выносу успевают. Так что вы там, в парламенте, не забывайте о нас. Не давайте им спуску!

ДАНИИЛ. Вы думаете, он пройдет, Наум?..

НАУМ. ...Пантелеевич. Обязательно! Наши, как узнали, сразу все воспрянули. Четверо от такой новости на ноги поднялись. А у каждого из них родственники, дети, родители... Как же при такой поддержке не пройти – целая армия. Только зарегистрироваться надо.

АНДРЕЙ. Да. Готовим пакет документов в избирком.

НАУМ. У нас зарегистрироваться надо! Избирком никуда не денется.

АНДРЕЙ. У вас?

НАУМ. А как же. Документы предоставить... заключение комиссии и все прочее. Понимаю, бюрократия, но без этого никак – по закону положено.

АНДРЕЙ. Наум Пантелеевич... сами видите, в каком я состоянии. Не очень-то сподручно по врачам раскатывать.

НАУМ. Не проблема. Я на дом комиссию организую. Они вас мигом обстукают, осмотрят... Моргнуть не успеете –

вердикт готов.

АНДРЕЙ. Ни в коем случае!

НАУМ. Хорошо. Тогда организуем транспорт – отвезем на ВТЭК.

АНДРЕЙ. Наум Пантелеевич, видите ли, между нами, как бы это сказать... я не совсем, чтобы совсем уж... неимущий. Кое-какие накопления имеются.

НАУМ. Это хорошо, что не бедствуете.

АНДРЕЙ. И мне, при моем здоровье, этих накоплений до конца жизни хватит.

НАУМ. Да вы еще сто лет проживете!

ДАНИИЛ. Он только с виду здоров, а внутри, уж поверьте, с червоточинкой.

АНДРЕЙ. ...В смысле – недолго протяну. Так что мне официальная инвалидность не очень-то и нужна.

НАУМ. Погодите! Как это не нужна?! Вам она, может быть, и не нужна, а мне – обязательно.

АНДРЕЙ. Вы тоже болеете?

НАУМ. Я пандус для вас возвожу! Здоровому человеку! В то время как в моем районе иные годами ждут! Да после этого меня мои подопечные самого инвалидом сделают!

ДАНИИЛ. Хорошо. Он подумает.

НАУМ. Подумайте – это дело серьезной. Такими вещами не шутят. Я забегу через недельку. (*Уходит.*)

ДАНИИЛ. Ну и что скажешь?

АНДРЕЙ. В парламенте?

ДАНИИЛ. Своему новому избирателю... когда он придет за документами.

АНДРЕЙ. Ничего не скажу. Ты скажешь, что меня нет дома...

ДАНИИЛ. ...Побежал на утреннюю пробежку?

АНДРЕЙ. Поехал, благодаря новому пандусу. Погоди... я знаю, как унять его рвение.

ДАНИИЛ. Пообещать ему место в списках?

АНДРЕЙ. И это можно. Но главное...

Входят АЛЬБИНА и ВЕРОНИКА.

АНДРЕЙ (*продолжая*). ...Каждый человек должен получать по заслугам.

ДАНИИЛ. За свои прегрешения?

АНДРЕЙ. За его рвение. А Наум Пантелеевич – в первую очередь.

АЛЬБИНА. Это который?

АНДРЕЙ. Есть у нас на районе один золотой человек.

ДАНИИЛ. Глава социальной службы.

АЛЬБИНА. Какой съезд тебе устанавливает?

АНДРЕЙ. Да. Таким людям памятники надо ставить.

АЛЬБИНА. И как можно раньше – известный взяточник! Ему рабочие половину зарплаты отдают. И все это знают.

АНДРЕЙ. Да вы что?! А я хотел ему через газету благодарность объявить.

АЛЬБИНА. Вот пусть Вероника и объявит – напишет фельетон. Мы и про тебя напишем.

АНДРЕЙ. Фельетон?

АЛЬБИНА. Такую статью, что тебе и не снилось!

ДАНИИЛ. Да ему иногда такое снится, что утром – хоть сразу за решетку!

АНДРЕЙ. А ты в мои сны не заглядывай. Главное, что обо всем этом думает Вероника?

ВЕРОНИКА. Я думаю, что вам не очень-то интересно быть инвалидом.

АНДРЕЙ. Да уж мало интересного.

АЛЬБИНА. И читателя твоя история может не впечатлить.

ДАНИИЛ. Конечно – инвалидов повсюду полно.

ВЕРОНИКА (*Андрею*). Вы кто по профессии?

ДАНИИЛ. Игрушечные машинки в своем магазине продает.

АНДРЕЙ. Какие машинки?! Роботов в основном... занимаюсь внедрением робототехники.

ВЕРОНИКА. А вот это уже лучше. А еще лучше, если бы вы занимались экзоскелетами... для облегчения жизни инвалидов. Сейчас эта тема модная. Человеку должны помогать наука и электричество.

АНДРЕЙ (*Даниилу*). Я ведь тебе говорил – надо купить электрическую.

ВЕРОНИКА. Если бы вы занимались такой техникой –

три-четыре статьи о вас гарантировано. А если бы и сами ходили в шлангах и железе, подобно роботу!..

ДАНИИЛ. ...В парламенте?

АНДРЕЙ. Вероника, вы гений! Гениальная реклама!

ВЕРОНИКА. Какая реклама? В этом случае вы бы смогли передвигаться.

АНДРЕЙ. Правильно! И тогда на черта мне этот пандус! С экзоскелетом я не инвалид. Напротив – человек с железным здоровьем! Так и напишите: Андрей Крумень экспериментирует... и мечтает подняться с помощью современной науки...

ДАНИИЛ. ...Как можно выше.

АНДРЕЙ. ...На ноги. И своим примером надеется и других людей поднять. И обязательно упомяните, что я не считаю себя инвалидом...

ДАНИИЛ. ...С ограниченными возможностями.

АНДРЕЙ. Напротив – получаю неограниченные возможности. И обойдусь своими силами.

ДАНИИЛ. Эта мысль и правительству понравится. Могут и грант выделить.

АЛЬБИНА. У лежачего бедняги отнимут – а тебя наградят.

АНДРЕЙ (*строго*). Альбина Егоровна, за кого мы меня принимаете? Я сам найду финансирование. Сегодня крупный капитал повсюду ищет выгодные стартапы, вкладывает средства в железные ноги и руки...

АЛЬБИНА. Во-во! У Наума руки как железная лопата – все гребет под себя. Только вкладывай.

АНДРЕЙ. Оставьте Наума Пантелеевича. Он мне пандус без всяких заявлений строит, и я буду свиньей, не отблагодарив его.

Входит АННА.

АНДРЕЙ. Аня, я скоро поднимусь на ноги.

АННА. Уже что-то зашевелилось?

ДАНИИЛ. Мысли у него шевелятся.

АНДРЕЙ. Благодаря Веронике.

АННА (*недовольно*). Еще одна помощница. Мне и Полина говорит, что готова в лепешку разбиться, чтобы тебя поднять. А вдвоем, да с двух сторон... так и жена не нужна! (*Уходит.*)

ВЕРОНИКА (*недоуменно*). Она что – ревнует? У меня и в мыслях ничего такого не было.

АНДРЕЙ. И у меня не было... что она такое может подумать. Альбина Егоровна, объясните ей, что она неправильно все понимает. Точнее – ничего не понимает. Мы про экзоскелет говорили, про то, что снаружи, а не внутри человека.

АЛЬБИНА. Я в железках не разбираюсь. Может, только с Даниилом и смогу объяснить. Даниил, вы поможете?

ДАНИИЛ. Конечно.

АЛЬБИНА. Сначала мне надо узнать об этих скелетах: как их надевают, с чем носят, чтобы я не выглядела душой перед дочерью. И очень ли они полнят человека?

ДАНИИЛ. Нисколько. Я все объясню. *(Даниил и Альбина уходят.)*

ВЕРОНИКА. Андрей Петрович, они любят друг друга?

АНДРЕЙ. Кто?

ВЕРОНИКА. Альбина Егоровна и Даниил?

АНДРЕЙ *(удивленно)*. Даниил?

ВЕРОНИКА. За Даниила не уверена, а вот Альбина Егоровна – можете не сомневаться. Только повернется к нему, глаза сразу загораются.

АНДРЕЙ. Странно. А мои хоть немного светятся?

ВЕРОНИКА. Они постоянно сияют. Я и не думала, что человек в вашем положении может быть таким жизнерадостным.

АНДРЕЙ. Они недавно у меня загорелись.

ВЕРОНИКА. Заметили, что идете на поправку?

АНДРЕЙ. Нет, я вас заметил.

ВЕРОНИКА. Андрей Петрович, не шутите.

АНДРЕЙ. Вероника, это случилось неожиданно...

ВЕРОНИКА. Я знаю. Эти инкассаторы выскочили на желтый.

АНДРЕЙ. И во мне загорелся небесный... стоило вам войти.

ВЕРОНИКА. Андрей Петрович...

АНДРЕЙ. Вы не думайте, что я инвалид... что я долго собираюсь быть инвалидом. Я уверен, что поднимусь. И знаете, вы меня не знаете... не все знаете.

ВЕРОНИКА. Но знаю, что у вас хватит сил побороть любое препятствие.

АНДРЕЙ. Рядом с такой девушкой я и горы могу свернуть! Хотите сейчас поднимусь на ноги?

ВЕРОНИКА. Что вы! Сидите, сидите... Я верю. Но все так неожиданно.

АНДРЕЙ. Я и сам не ожидал. И долго не мог понять, зачем Всевышний направил инкассаторов в мою сторону. Только теперь догадался – для встречи с вами.

ВЕРОНИКА. Мне после ваших слов надо прийти в себя.

АНДРЕЙ. Приходите. И в себя, и ко мне... если я вам не очень противен в таком виде.

ВЕРОНИКА. Что вы! Вы мне очень симпатичны.

АНДРЕЙ. Вам я, может быть, и симпатичен, а себе противен. Вы верите, что прохвост неожиданно может оказаться честным человеком?

ВЕРОНИКА. Вы о ком?

АНДРЕЙ. Я вообще... не конкретно.

ВЕРОНИКА. Знаете, Андрей Петрович, я думаю, что не существует отдельно жуликов и отдельно порядочных людей. Между ними не существует границы. Цыганка, например, исхитряется, чтобы прокормить своих голодных детей, обманывает во время гадания. С одной стороны она врет без

зазрения совести, и в то же время вселяет в человека надежду. И о детях беспокоится. Как тут ее разделить?

АНДРЕЙ. Правильно! Не надо делить цыганок. Я в своей прежней... робототехнике и делил, и умножал, и вот – получил в итоге. Если вы обо мне все узнаете, то будете меня презирать.

ВЕРОНИКА. Не буду. Вы потом все расскажете, когда мы лучше узнаем друг друга.

АНДРЕЙ. Обязательно узнаем. И чем раньше, тем лучше. Я никогда не предполагал, что так приятно откровенничать.

Входит ПОЛИНА.

ПОЛИНА. А мне напротив – противно. Я не актриса – вести двойную жизнь.

АНДРЕЙ. Полина, что с вами?

ПОЛИНА. А с вами?

ВЕРОНИКА. Андрею Петровичу очень тяжело.

ПОЛИНА. А мне, думаете, легко?

АНДРЕЙ. Хорошо. Полина, мы сократим ваши обязанности.

ПОЛИНА. Да уж, пожалуйста, сократите! И самые трудные – тоже.

АНДРЕЙ. Заботу обо мне поручим кому-то другому.

ПОЛИНА. Вот именно! У вас есть жена, а вы... а вы... устроили тут инвалидный шабаш! *(В слезах уходит.)*

ВЕРОНИКА (*возмущенно*). Как она может говорить подобное?! Человеку, прикованному к постели?!

АНДРЕЙ. Для девушки это тяжелое зрелище.

ВЕРОНИКА. Но только не для меня. Вы должны это знать.

АНДРЕЙ. Господи! Да я снова согласен угодить под инкассаторский фургон, лишь бы еще раз услышать такие слова!..

Входит ДАНИИЛ.

ДАНИИЛ. И я... и я...

АНДРЕЙ. И ты хочешь под фургон?

ДАНИИЛ. И я... такое услышал!

АНДРЕЙ. Нет, я не вынесу! Что там еще случилось?

ДАНИИЛ. Альбина Егоровна... рыдает.

ВЕРОНИКА. Рыдает? Я побегу успокою. (*Убегает.*)

АНДРЕЙ. Что ты натворил?

ДАНИИЛ. Ничего. Я только молчал.

АНДРЕЙ. Это на тебя похоже – ты и молчанием способен вывести человека из себя.

ДАНИИЛ. Нет, я конечно не против... женщина приятная. Но она неожиданно вообразила, что я влюблен в нее.

АНДРЕЙ. В мою тещу?

ДАНИИЛ. Почему сразу в тещу? Все женщины кому-то кем-то доводятся. Зачем оскорблять?

АНДРЕЙ. По-твоему, быть моей тещей, оскорбление?

ДАНИИЛ. Ты пытаешься ее унижить, во всяком случае – подчеркнуть ее возраст. Лучше на себя посмотри! Она выглядит моложе тебя!

АНДРЕЙ. Тут я согласен. А тебе так вообще фору даст. Бегает, как газель, а по стенкам лазит, как обезьяна.

ДАНИИЛ. Сам ты обезьяна – бабуин на надувных колесах. И других хочешь надуть!

АНДРЕЙ. Тише ты! Не кричи. И чего она разревелась?

ДАНИИЛ. Для меня ее предложение оказалось настолько неожиданным, что я неадекватно отреагировал.

АНДРЕЙ. Как неадекватно?

ДАНИИЛ. Я молчал.

АНДРЕЙ. И все?

ДАНИИЛ. А то ты не знаешь, как надо отвечать, когда тебе объясняются в любви?!

АНДРЕЙ. Раньше знал, да теперь позабыл.

ДАНИИЛ. Может напомнить, хотя бы по Полину?

АНДРЕЙ. Про Полину не надо – мы только что с ней разругались.

ДАНИИЛ. Ты отказал ей в квартире.

АНДРЕЙ. Она мне отказала... в квартире... И где бы то ни было.

ДАНИИЛ. Почему?

АНДРЕЙ. Потому – что порядочная девушка. Думаешь, ей приятно постоянно кривить душой?

ДАНИИЛ. Не знаю. Тебе это больше известно.

АНДРЕЙ. Может и больше. Но я, во всяком случае, не довожу женщин до слез! Что собираешься делать?

ДАНИИЛ. Не знаю. Никогда не предполагал, что Альбина настолько чувствительна.

АНДРЕЙ. Альбина Егоровна?

ДАНИИЛ. Какая она тебе Егоровна?! Тоже мне Петрович нашелся! Лучше подумай, как ей было слушать мое тупое молчание?

АНДРЕЙ. Мне осталось только о вас думать.

ДАНИИЛ. А ты представь, войди в ее положение. Предположим, некий Петрович...

АНДРЕЙ. Какой Петрович?

ДАНИИЛ. Престарелый! Да-да, престарелый Андрей Петрович, этакий потрепанный донжуан, признается в любви молоденькой девушке, скажем Веронике...

АНДРЕЙ. Мне и предполагать нечего. Я только что именно это и сделал.

ДАНИИЛ. ...А она насупилась и молчит. Погоди, что ты сказал?

АНДРЕЙ. То, что она, в отличие от тебя, не молчала.

ДАНИИЛ. Ты хочешь сказать?..

АНДРЕЙ. ...Что у нее сердце отзывчивей, чем у тебя — истукана.

ДАНИИЛ. Господи! Ты и Веронике заморочил голову?!

АНДРЕЙ. Это она мне заморочила... вернее, опутала, как

только вошла. Я сразу понял, что угодил в ее сети.

ДАНИИЛ. И я, кажется, тоже... угодил... И что нам теперь делать?

АНДРЕЙ. За вас не знаю. Можете с Альбиной по стенкам лазить. А мне самое время начать праведную жизнь...

Входит АННА.

АННА. ...За спиной жены. Вот это праведник! Праведник из праведников! Думаешь, я не догадываюсь, почему Полина рыдает?

АНДРЕЙ. Вам рыдать, как с горы катиться. Какую-нибудь сережку утеряла.

АННА. Этого Сережку иначе зовут! Думаешь, если инвалид, так тебе все дозволено?!

АНДРЕЙ. Хватит упрекать меня недугами! Я не из тех, кто собирается отдыхать вечно. Вот встану и пойду!..

АННА. ...Из этого дома. Был бы здоровый – давно бы выставила! Ночевал бы в своем магазинчике среди пластмассовых роботов! *(В гневе уходит.)*

АНДРЕЙ. Она с ума сошла.

ДАНИИЛ. Напротив, рассуждает очень здраво. Какой же не понравится любвеобильный гуляка-инвалид?

АНДРЕЙ. Тогда я больше не инвалид! *(Выпрыгивает из коляски.)* Я совершенно здоров!

ДАНИИЛ *(заталкивая Андрея в коляску)*. Нет, ты бо-

лен... болен на всю голову, если не понял, что она сказала. Как только поднимешься на ноги, она тебя... в шею!

АНДРЕЙ. Ну и что?

ДАНИИЛ. Еще и расскажет повсюду, как ты притворялся.

АНДРЕЙ. Она не знает.

ДАНИИЛ. Полина ее просветит.

АНДРЕЙ. Ты думаешь?

ДАНИИЛ. Обманутая женщина еще не так тебе отомстит.

АНДРЕЙ. Господи! И что мне делать?

ДАНИИЛ. Перестань обзываться... сын мой. Не надо резких движений – у тебя поврежден спинной мозг. За головной я уже молчу.

АНДРЕЙ. И молчи.

ДАНИИЛ. Посидишь в кресле еще немного. Или хочешь, чтобы журналистка узнала о твоих фокусах?

АНДРЕЙ. Вероника? Ни в коем случае.

ДАНИИЛ. Обанкротишься по всем статьям. Вместо парламента попадешь в фельетон, а потом – в тюрьму!

АНДРЕЙ. Даниил, мне плохо... (*Хватается за сердце.*)

Входит АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА. Андрюша, что с тобой? Тебе плохо?

ДАНИИЛ. Обычное дело. Кому из инвалидов хорошо? Завидует здоровым. Узнал о вашей шведской стенке.

АЛЬБИНА. Тогда я откажусь.

ДАНИИЛ. Нет-нет, не надо. Лучше я буду привозить его к вам и начнем реабилитацию.

АЛЬБИНА. В любое время. И вы, Даниил, не стесняйтесь – приходите в любое время, и днем и ночью.

ДАНИИЛ. И в самом деле. Почему бы не попробовать? Иной раз физкультура творит настоящие чудеса.

АЛЬБИНА. Андрюша, попробуй шведскую стенку – она поможет.

АНДРЕЙ. Да мне сейчас хоть на эту царапайся! (*Указывает на стену.*)

ДАНИИЛ. На эту не надо. Лучше пойдем прогуляемся.

АНДРЕЙ. Я сам.

ДАНИИЛ. Куда ты сам?

АНДРЕЙ. В городской парк – там легче думается. Тем более сейчас – когда появился пандус. (*Уезжает на каталке.*)

АЛЬБИНА (*сострaдaтельно вослед Андрею*). Как неожиданно случилось... Бедняжка.

ДАНИИЛ. Он поднимется.

АЛЬБИНА. Да-то бог.

ДАНИИЛ. Я верю в него. А себе после ваших слов поверить не могу.

АЛЬБИНА. Даниил, забудем.

ДАНИИЛ. Как это забудем? Вы что, шутили?

АЛЬБИНА. Даниил, не притворяйтесь.

ДАНИИЛ. Да как вы можете?! Я вас понимаю – вы должны презирать меня. Я давно неравнодушен к вам и все не

мог насмелиться... а когда вы обратились ко мне, я... проглотил язык. Но это была не трусость. Я не мог поверить своему счастью.

АЛЬБИНА. Правда?

ДАНИИЛ. Я словно спал. Я был как будто под гипнозом.

АЛЬБИНА. Ты молчал как истукан.

ДАНИИЛ. Это называется каталепсией... когда один человек попадает под чары другого.

АЛЬБИНА. Даниил...

ДАНИИЛ. Вы сами видели. Но теперь я проснулся. И все прежние чувства во мне еще более обострились...

АЛЬБИНА. Мальчик мой, до чего же ты робкий. Никогда не думала, что на свете еще сохранились такие несмелые.

ДАНИИЛ. Но я стану другим.

АЛЬБИНА. Каким другим?

ДАНИИЛ. А вот таким! *(Обнимает и целует Альбину.)*

Входит АННА и КАПИТАН полиции. Увидев целующихся, они застывают на месте.

АННА. Мама!..

Неловкая сцена. Даниил и Альбина отстраняются друг от друга.

АННА. Мама, это капитан Лапохват... Никодим Ивано-

вич. Он из полиции.

АЛЬБИНА. Вот! Стоит поцеловаться – она сразу бежит в полицию. Стучаться надо!

АННА. Мама, я у себя дома.

АЛЬБИНА. Тогда и мы пойдем ко мне. Строители отказались устанавливать шведскую стенку.

ДАНИИЛ. Да это элементарно. Я за полчаса справлюсь. До свидания.

Даниил и Альбина уходят. Даниил при этом раскланивается до самой двери.

КАПИТАН (*после их ухода*). Кто это?

АННА. Моя мама и ее... бойфренд – товарищ моего мужа.

КАПИТАН. И давно они знают друг друга?

АЛЬБИНА. Только что познакомились.

КАПИТАН. Я говорю о вашем муже и этом...

АННА. Сколько себя помнят – дружат со школы, если не раньше. Знают друг о друге все и, похоже, побольше моего.

КАПИТАН. Это хорошо.

АННА. Что ж тут хорошего, если я узнаю о маминых женихах последняя?

КАПИТАН. Но кое-что узнаете первой. Только дайте слово ничего не говорить вашему супругу.

АННА. Андрею?

КАПИТАН. И его дружку, как вы сказали?..

АННА. Даниилу?

КАПИТАН. Да, ему. Не может быть, чтобы они знали друг друга с детства, и второй был не в курсе.

АННА. В курсе чего?

КАПИТАН. Ваш супруг очень отчаянный юноша.

АННА. Теперь-то он далеко не юноша.

КАПИТАН. Не всякий бы на такое осмелился.

АННА. Дал взятку на постройку пандуса? Это на него похоже.

КАПИТАН. Да он и без взятки на свои деньги может построить пандусы по всему городу!.. И не обеднеет!

АННА. Никодим Иванович, не шутите? Мы кругом в долгах, а теперь после аварии...

КАПИТАН. Думает, всех обхитрил. Деньги, что разлетелись во время аварии из инкассаторской машины, были фальшивыми!

АННА. Которые растащили зеваки?

КАПИТАН. Растащили, да не все.

АННА. Фальшивые? Стало быть... их и возвращать не надо?

КАПИТАН. Надо! Настоящие вернуть надо! Восемьдесят миллионов. Инкассаторы сбежали из травматологии. Устроили с вашим мужем спектакль, и думают все шито-крыто?!

АННА. Боже!

КАПИТАН. За такие постановки лет по двенадцать дают.

А если деньги не вернут, то и все двадцать.

АННА. Мне плохо.

КАПИТАН. Вы тут ни при чем – это сразу понятно. Главное, не вздумайте его предупреждать. Скажите, что я приходил по поводу нецелевого расходования бюджетных средств.

АННА. На постройку пандуса?

КАПИТАН. Да. Заодно и этого взяточника из соцслужбы прижучим.

АННА. Наума Пантелеевича?

КАПИТАН. Всех, кто попадется.

АННА. И Андрея?

КАПИТАН. Да его первого надо!.. Если догадался поставить под удар такую обворожительную женщину. Наверное, из ворованных денег и рубля не выделил?

АННА. Ни копейки.

КАПИТАН. И кто он после этого? Располагая таким богатством...

АННА. Восемьдесят миллионов!..

КАПИТАН. Я о вас говорю. Тихо! Кто-то идет.

На коляске въезжает АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ. Добрый день.

АННА. Андрюша, это капитан полиции – Никодим Иванович.

КАПИТАН (*представляется*). Капитан Лапохват.

АННА. Он по поводу... по поводу твоей аварии.

АНДРЕЙ. Да я уже сто раз все объяснял! И писал, и под-
писывал – уже наизусть выучил.

КАПИТАН. Наизусть – это хорошо. В суде любят, когда
без запинки. Следствие скоро закончим, сразу и передадим.
Одно непонятно – насчет скорости. И вы, и инкассаторы, со-
гласно показаниям, ехали не более двадцати километров в
час. А машины – вдребезги! Даже мешки с деньгами разле-
телись. Как такое может быть?

АНДРЕЙ. Это я двадцать, а они – сто двадцать. А мешки,
как мне показалось, они сами выкидывали.

КАПИТАН. Так-так.. в этом месте, пожалуйста, попо-
дробней. В прошлых показаниях такого не было. Итак, вы
их протаранили...

АНДРЕЙ. Они меня протаранили! А деньги летели из
дверей словно конфетти. Люди на перекрестке собирали, за-
талкивали, кто в карманы, кто в сумки, а я не мог...

КАПИТАН. Совесть не позволяла?

АНДРЕЙ. Пошевелиться не мог – ноги придавило.

КАПИТАН. Понимаю – обидно. Все берут, а вы – нет.

АНДРЕЙ. А потом приехала скорая и сработала быстро...
прибрала, что осталось. А меня укололи, чтобы не страдал.

КАПИТАН. А инкассаторы в это время?

АНДРЕЙ. Кто сидел, кто лежал. И пальцем не шелохнули.

КАПИТАН. Чтобы вам помочь?

АНДРЕЙ. Чтобы груз уберечь.

АННА. Наверное, в шоке были?

АНДРЕЙ. Это я был в шоке. Поднял только две пятитысячные – дальше дотянуться не мог.

КАПИТАН. И где они?

АНДРЕЙ. Я же говорю – меня укололи. Очнулся, а в кармане пусто.

КАПИТАН. У нас только на бумаге медицина бесплатная.

АНДРЕЙ. Везде под себя гребут.

КАПИТАН. Насчет везде не знаю. Есть и бесплатные услуги.

АНДРЕЙ. Вы о пандусах?

КАПИТАН. Об исправительно-трудовых колониях.

АНДРЕЙ. Инкассаторы, может быть, тоже не совсем виноваты.

КАПИТАН (*Анне*). Своих друзей выгораживает.

АНДРЕЙ. Каких друзей?

КАПИТАН. Инкассаторов.

АНДРЕЙ. Они вовсе мне не друзья. Как их здоровье?

КАПИТАН. Уже поправились, бегают... очень резво бегают... от правосудия. В розыске ваши инкассаторы! Слава богу, вы неходячий.

АНДРЕЙ (*удивленно*). Они?! Убежали?!

КАПИТАН. Далеко не уйдут. А вы – тем более. (*Протягивает бумагу.*) Вот здесь распишись.

АНДРЕЙ. Что это?

КАПИТАН. Подписка о невыезде.

АНДРЕЙ. Из дома?

КАПИТАН. Из города.

Андрей расписывается, отдает бумагу.

АНДРЕЙ. Извините, неразборчиво... руки дрожат.

КАПИТАН. У всех перед судом руки дрожат. Я на днях загляну. (*Анне*). А вы, Анна Степановна, помните, что я вам сказал.

АННА (*игриво*). Помню... о богатстве.

КАПИТАН. Огромное, волшебное богатство! Всего наилучшего. (*Уходит.*)

АНДРЕЙ. О каком богатстве он говорил?

АННА. Которое не ценят, а потерявши – плачут.

АНДРЕЙ. О восьмидесяти миллионах?

АННА. Во-во! Только о деньгах и думаешь.

АНДРЕЙ. А как не думать, если присудят возмещать?

АННА. Или возвращать?

АНДРЕЙ (*недоуменно*). Кого возвращать?

АННА. Того, что взял незаконно... не по праву любви, а под роспись.

АНДРЕЙ. О чем ты? Под какую роспись?

АННА. В книге учета актов гражданского состояния. Но мы этот кабальный договор расторгнем. А деньги оставь себе, миллионер ты наш... неимущий. (*В гневе и слезах уходит.*)

Входит ИНКАССАТОР в черных очках и черных перчатках.

ИНКАССАТОР. Что это за женщина?

АНДРЕЙ. Которая?

ИНКАССАТОР. Красивая, которая побежала... рыдает.

АНДРЕЙ. Анна, что ли?

ИНКАССАТОР. Не знаю. Волшебно смотрится.

АНДРЕЙ. У вас хорошо со зрением?

ИНКАССАТОР. Отлично, даже в этих очках. Удивительная женщина!

АНДРЕЙ. Да что ж это такое?! Еде одна напасть на мою голову! Вы кто такой?

ИНКАССАТОР. Тихо! Не кричи. Ты меня не узнаешь?

АНДРЕЙ. Впервые вижу.

ИНКАССАТОР. А вот я тебя хорошенько запомнил. И дружбаны мои обещали тебя до конца своих дней помнить.

АНДРЕЙ. Какие дружбаны?

ИНКАССАТОР. Из машины, которую ты протаранил.

АНДРЕЙ. Господи! Вы инкассатор?! Которого ищут?

ИНКАССАТОР. Не вопи ты! Зови меня Эдиком. И говори тихо. Если кто спросит, кто я такой, скажешь – поставщик игрушек... пластмассовых роботов. Ты ведь игрушками торгуешь?

АНДРЕЙ. Торгую, вернее – торговал.

ИНКАССАТОР. И дальше будешь торговать... если поведешь себя правильно. Тебе, как получившему увечье, на суде большая скощуха положена. Возьмешь все на себя.

АНДРЕЙ. Что на себя?

ИНКАССАТОР. Фальшивые деньги. До конца своих дней ни в чем нуждаться не будешь. Мы тебя обеспечим.

АНДРЕЙ. Кто это мы?

ИНКАССАТОР. Кто пострадал незаслуженно и случайно.

АНДРЕЙ. Восемьдесят миллионов фальшивок – случайно?!
но?!

ИНКАССАТОР. Скажешь, что они твои. А мы только перевозили и ничего не знали о твоих проделках. А потом ты раскаялся, в тебе проснулась совесть, и ты передумал, решил сорвать операцию – протаранил фургон. За это тебя вообще должны наградить!

АНДРЕЙ. Э-э-э, так не пойдет!

ИНКАССАТОР. Еще и как пойдет. *(Внимает пистолет.)* Или я прикончу тебя прямо сейчас и вложу пистолет в преступно-калечную руку – не выдержал мук совести. Ну как, соглашаешься?

АНДРЕЙ. На тюрьму?

ИНКАССАТОР. На безбедную жизнь до конца своих дней. А с тюрьмой организуем условно. И вытащим тебя из этого кресла. Хочешь снова ходить по земле?

Андрей молчит.

ИНКАССАТОР. Или хочешь лежать под ней?

АНДРЕЙ. Ходить лучше.

ИНКАССАТОР. Молодец! Так бы и сразу. Купим тебе экзоскелет или другой аппарат – любой, который пожелаешь. Заказывай самый дорогой, в любом месте – мы оплатим. По рукам? (*Приставляет пистолет к голове Андрея.*)

АНДРЕЙ. Эдик, ты кого угодно уговоришь.

ИНКАССАТОР. Вот это правильный разговор. И на хавку не очень налегай – чтобы в суде бледнее выглядел. Что говорить, мы подсказем. И не обижай красивых женщин. Я скоро загляну. (*Уходит.*)

Андрей выпрыгивает из кресла.

АНДРЕЙ. Хороши дела! Знаю я ваше условно! (*Подбегает к шкафу, вынимает чемодан, начинает лихорадочно собирать вещи.*)

Входит ДАНИИЛ, застывает на месте.

ДАНИИЛ. Погоди... Что ты делаешь?

АНДРЕЙ. Собираюсь.

ДАНИИЛ. На партийный съезд?

АНДРЕЙ. На заседание парламента!

ДАНИИЛ. Что с тобой – ты бледный?

АНДРЕЙ. Все равно розовее, чем покойник. Ты никого не встретил?

ДАНИИЛ. Какого-то типа в черных очках. Что ему надо?

АНДРЕЙ. А-а-а, ерунда. Это беглый инкассатор. Хочет, чтобы я посидел за него в тюрьме лет десять.

ДАНИИЛ. Тогда не торопись – суда еще не было.

АНДРЕЙ. И не будет. Ты меня видишь в последний раз.

ДАНИИЛ. Хочешь утопиться? Или убежать?

АНДРЕЙ. Убежать и где-нибудь утопиться.

ДАНИИЛ. Не глупи! А что будет с Анной?

АНДРЕЙ. Ничего с ней не будет. Я еще не утопился, а у нее уже кругом обожатели!

ДАНИИЛ. Андрюха, тебе надо лечиться.

АНДРЕЙ. Лучше бы он меня застрелил!

ДАНИИЛ. Кто? В черных очках?

АНДРЕЙ. И в перчатках. И он снова придет!

ДАНИИЛ. Но если ты убежишь, с Анны потребуют восемьдесят миллионов?!

АНДРЕЙ. Которые я не брал?

ДАНИИЛ. А она – тем более. Ты своим побегом только подтвердишь свою вину. Вот это неожиданный поворот для Вероники! И отличный сюжет. О фальшивомонетчике!

АНДРЕЙ. О каком фальшивомонетчике?

ДАНИИЛ. О беглом. И липовом инвалиде! Это будет сенсация! Наконец-то Вероника станет знаменитой – кумиром для начинающих смазливых писак. Отбоя не будет.

Андрей прекращает укладывать чемодан.

ДАНИИЛ *(продолжая)*. Девушка пойдет по рукам...

АНДРЕЙ. Она не такая.

ДАНИИЛ. Ты ей тоже представился другим. И Альбина о тебе хорошего мнения.

АНДРЕЙ *(кривляясь)*. О-о-о! Чтобы не упасть в глазах своей тещи я соглашусь на тюрьму!

ДАНИИЛ. Что ты заладил про тещу! Если хочешь знать, когда мы с ней поженимся, ты мне станешь зятем. И я тебя по-родственному прошу – не делай глупостей! Что они тебе наобещали?

АНДРЕЙ. Сколько угодно денег.

ДАНИИЛ. ???

АНДРЕЙ. Настоящих, а не фальшивых. И согласны оплатить экзоскелет.

ДАНИИЛ. Такие штуки сейчас под миллион долларов стоят.

АНДРЕЙ *(удивленно)*. Долларов?

ДАНИИЛ. Тугриков! Там сложнейшая электроника, совершенная с гидравликой. Это не фанера, и не пластмассовые погремушки, которыми ты торгуешь!

АНДРЕЙ *(садится на диван)*. Погоди-погоди... Зачем мне экзоскелет за миллион... если я и так хожу?

ДАНИИЛ. И ходи, а он пусть стоит в углу – хлеба не про-

сит. Деньги-то не твои.

АНДРЕЙ. А если станут мои?

ДАНИИЛ. Ты хочешь его продать?

АНДРЕЙ. Я хочу его построить...

ДАНИИЛ. Но ты в электронике ни бельмеса...

АНДРЕЙ. ...Построить из фанеры. А их миллион пойдет... на производственные расходы. И вообще, если я появлюсь в суде в экзоскелете... неужели у них сердце не дрогнет? Поехали в парк.

ДАНИИЛ. Зачем?

АНДРЕЙ. Надо все обдумать. Поехали, поехали...

Даниил увозит Андрея в центральную дверь.

Минутное затемнение.

Входят АННА и ПОЛИНА.

АННА. Полина, не выдумывай. Где ты найдешь такую дешевую квартиру и так близко от работы?

ПОЛИНА. Я не могу больше видеть его.

АННА. Думаешь для меня это приятное зрелище?

ПОЛИНА. Вы еще не все знаете.

АННА. Вот и хорошо. Если бы знала – давно бы убила.

ПОЛИНА (*в ужасе*). Убили? Тогда вам лучше и не знать.

АННА. С меня хватит и того, что знаю. (*Кривляется.*)

Бедный Андриюшенька... за душой ни копейки, окончательно разорен... Фальшивомонетчик несчастный!

ПОЛИНА (*удивленно*). Кто?

АННА. Пожалейте бедненького... у которого восемьдесят миллионов! А твоей квартирной платой не брезгует! Нет, чтобы тебе отплатить за все хорошее, что ему делаешь!

ПОЛИНА. Ничего я ему уже не делаю.

АННА. И правильно делаешь! И я его выставлю, пусть немного поднимется на ноги! Я ему эти восемьдесят миллионов до конца жизни не прощу!

ПОЛИНА. Какие миллионы?

АННА. Ворованные – каких же еще! Выгоню, тогда он быстро забегает. Мне капитан все рассказал. Порядочные люди жизнью рискуют, под пули лезут, бандитов вылавливают... А он нас так опозорил, что не только с квартиры, с города придется съезжать!

ПОЛИНА. Он что-то украл?

АННА. Говорю же – восемьдесят миллионов. Я не удивлюсь, если узнаю, что он и на тебя покушался.

ПОЛИНА. На меня?

АННА. Но теперь можешь быть спокойна – у него появилась журналистка.

ПОЛИНА. Вероника?

АННА. А кто же? Зачем бы он ее оставил в доме? Теперь ему несподручно по удаленным бабам бегать. Прямо здесь решил на ворованные деньги... бордель устроить!

ПОЛИНА. Не будет ему больше никакого борделя!

АННА. И я его к своей кровати не подпущу!

Входит ИНКАССАТОР в черных очках.

ИНКАССАТОР. О-о-о! Рыдающая принцесса! Ваши слезки уже высохли? Добрый день!

АННА. Здравствуйте. Кто вы?

ИНКАССАТОР (*после недолгой паузы*). Эдуард – товарищ вашего мужа, поставщик игрушек. Как вам наша последняя версия? Даже страшно подумать, сколько за нее выложили.

АННА. Вы?! А он говорит, что купил за свои.

ИНКАССАТОР. Хорошо, пусть будет за свои. Ведь для него теперь полмиллиона – пустяк.

АННА. Какие полмиллиона?

ИНКАССАТОР. Зеленые. Какими его снабдили для покупки.

АННА. Поля, теперь скажи – не подлец он после этого?!

ИНКАССАТОР. Красавицы, давайте замнем этот вопрос – все-таки человек потерял здоровье.

ПОЛИНА. Совесть он потерял! А еще хотел, чтобы и дальше все продолжалось!

АННА (*инкассатору, указывая на Полину*). Мечтает и дальше жить на ее квартплату. А вот и наша ходячая экономия!

В боковую дверь входит большой фанерный истукан – имитация робота. Он выше человеческого роста, сооружен несуразно и на скорую руку. Спереди руки, грудь и ноги фанерного псевдоробота укрыты латами из крашеного пенопласта, тогда как спина отсутствует. Вместо нее установлено что-то вроде калитки, служащей входом в это странное сооружение. В большой квадратной голове – откидное окошко в виде забрала. Из окошка выглядывает лицо Андрея.

АНДРЕЙ (*с наигранной радостью*). Какое счастье! Я снова могу ходить!

ИНКАССАТОР. Добрый день, Андрей Петрович!

АНДРЕЙ. Здравствуйте, Эдик! (*Анне*). Это мой поставщик...

АННА. Мы уже познакомились. (*Направляется в сторону двери.*)

ПОЛИНА. И в курсе, какими игрушками вас снабжает.

Анна и Полина уходят.

ИНКАССАТОР (*указывая в сторону ушедших*). А это кто?

АНДРЕЙ. А-а-а, не обращай внимания – две домработницы. Благодаря вашей помощи – могу себе позволить.

ИНКАССАТОР. А эта, меньшенькая, тоже недурна собой.

Небось до аварии обхаживал?

АНДРЕЙ. Зачем? У меня и в магазине такого товара вдовосталь, молодые мамы – табунами. И что особенно приятно – десять лет торгую, а они не стареют.

ИНКАССАТОР. Тогда я меньшенькую беру на себя.

АНДРЕЙ. Как на себя?

ИНКАССАТОР. Ну хорошо – тогда под себя. Тебе то что? Я ведь не к жене твоей пристаю? И не к твоей подруге.

АНДРЕЙ. Ну... все равно как-то неудобно.

ИНКАССАТОР. Это тебе в таком прикиде неудобно. А мне – в самый раз. Клевая девица. Как аппарат – работает?

АНДРЕЙ. У меня?

ИНКАССАТОР. А у кого же? Но ты не стесняйся, если барахлит, говори – мы поможем.

АНДРЕЙ. Нет-нет, все нормально. У меня аппарат, как часы.

ИНКАССАТОР. Это хорошо. А то братва послала с ревизией – пойди, говорят, зацени, что там за агрегат? И вообще, купил ли его? А то, чего доброго, баксы зажиллил и свалил. Отдыхает где-нибудь на Канарах, а нам в суде за него отдувайся!

АНДРЕЙ. Не-е, что вы? Я на месте. И все ваши пожертвования вложил в это электронное чудо... Еще и своих немножко добавил.

ИНКАССАТОР. Молодец, мы возместим. Как ты говоришь ее зовут?

АНДРЕЙ. Кого?

ИНКАССАТОР. Ну эту... меньшенькую. Вторая тоже интересная, но эта помоложе будет.

АНДРЕЙ. Полина?

ИНКАССАТОР. Полина... Красивое имя. Пойду успокою Полину, скажу, что у тебя все окей, и ты не возражаешь, если я скрашу ее одиночество. До скорого. (*Уходит.*)

Входит ДАНИИЛ с газетой в руках, оглядывается по сторонам.

ДАНИИЛ. Никого нет?

АНДРЕЙ. Никого.

ДАНИИЛ. Тогда вылазь из ящика.

АНДРЕЙ. Думаешь так просто? Тут дверца заедает... помоги.

ДАНИИЛ. Сейчас. (*Заходит с тыльной стороны истукана, отворяет калитку.*) Теперь и на твоей улице праздник!

АНДРЕЙ. Какой праздник. Тут каторжные будни! (*Выбирается из «робота».*) Это не в кресле сидеть!

ДАНИИЛ. Ничего. Скоро будешь в депутатском – теперь ты знаменитость. (*Протягивает газету.*)

Андрей берет газету, опасливо косится на дверь, перебегает в кресло-каталку, садится.

ДАНИИЛ. На третьей странице.

АНДРЕЙ (*открывая газету*). А где я? Здесь только это чудище. (*Кивает в сторону истукана.*)

ДАНИИЛ. Ты внутри. Вон, из фанеры немного выглядываешь. Четыре издания перепечатали. А в интернете, так вообще завал.

АНДРЕЙ (*читает*). Высокотехнологичной компанией «Би-Робот» предпринимателя Андрея Круменя создан уникальный экзоскелет, по всем параметрам превосходящий зарубежные аналоги. Талантливый изобретатель вложил в разработку последние свои сбережения. Надо ли говорить, что...

ДАНИИЛ. Нет, об этом не надо. Далее Вероника пишет, что ты – человек с ограниченными возможностями, и на идею создания экзоскелета тебя подтолкнула большая личная трагедия...

За дверью слышится женский смех.

ДАНИИЛ. Что это? (*Указывает на дверь.*)

АНДРЕЙ. Большая личная трагедия. В доме инвалидов, а они ржут, как на ипподроме.

ДАНИИЛ. Кто там?

АНДРЕЙ. Инкассатор домашних развлекает.

ДАНИИЛ. И Полину?

АНДРЕЙ. Конечно! Жаль, что я его тогда машиной не до-

бил!

ДАНИИЛ. Тихо ты! Привыкай к смирению... хотя бы до суда. Повестку принесли?

АНДРЕЙ. Вручили... под роспись.

ДАНИИЛ. И в каком виде думаешь появиться перед нами?

АНДРЕЙ. Перед присяжными? В ходячем ящике. *(Кивает в сторону «робота».)*

ДАНИИЛ. Может лучше на каталке?

АНДРЕЙ. Нет, я узнавал – там двери узкие. Нам, инвалидам, даже на скамью подсудимых свободного доступа нет!

ДАНИИЛ. А высота? Он пройдет?

АНДРЕЙ. В крайнем случае, внесете горизонтально.

ДАНИИЛ. Хорошая идея. Такое появление из кого угодно слезу вышибет. Я и в избирком газету занес. Там, как увидели, сказали, подписи проверять не станут, а на избирательную компанию выделяют миллионов двести... *(кивает в сторону «робота»)* на покрытие расходов. Фанера сейчас дорогая.

АНДРЕЙ. А что – бесплатная? *(Жалобно.)* Даниильчик, я уже этому миллиону не рад.

ДАНИИЛ. Хоть Веронике-то радуешься?

АНДРЕЙ. Какая радость, если дотронуться не могу?!

ДАНИИЛ. Руки что ли не работают?

АНДРЕЙ. Все у меня работает! Но она думает, что я инвалид.

ДАНИИЛ. Ниже пояса?

АНДРЕЙ. В целом инвалид, а не выборочно! Я думаю, мне пора выздоравливать.

ДАНИИЛ. Угомонись. В тюрьме и без тебя здоровяков хватает. Выздоровливать будешь после суда, и то – постепенно. Пусть сначала оживут пальцы, потом икры, ну а потом – и все остальное. Забирайся в скворечник, кто-то идет.

Андрей недовольно ворчит, забирается в фанерного истукана, закрывает за собой заднюю дверцу.

АНДРЕЙ. Это сущий гроб. Легче в пианино залазить... Так неудобно...

Входит ВЕРОНИКА.

ВЕРОНИКА. Здравствуйте.

АНДРЕЙ (*из фанерной оболочки*). Здравствуй, Вероника! Мне так неудобно... так неудобно пред вами. Вы столько сделали для меня, а я не знаю, как благодарить.

ВЕРОНИКА. Что вы! Это моя работа. И я уже получила благодарность – стала знаменитостью. Проходу не дают.

ДАНИИЛ. Читатели?

ВЕРОНИКА. И читатели, и в редакции, и сам редактор...

АНДРЕЙ. Который попивает?

ВЕРОНИКА. Если бы только попивал! Не понимаю, как

таких распутников назначают на должности?

ДАНИИЛ. Наверное, за многолетний непрерывный стаж?

ВЕРОНИКА. Какой там у него стаж!.. Он еще сравнительно молодой.

Андрей стонет внутри фанерного истукана.

ВЕРОНИКА. Что с вами, Андрей Петрович?

АНДРЕЙ. Ноги... ноги судорогой сводит.

ДАНИИЛ. Я ведь предписывал тебе массаж?!

АНДРЕЙ. Здесь неудобно.

ВЕРОНИКА. Давайте я помогу.

Вероника подходит к «роботу», открывает заднюю дверь.

ВЕРОНИКА. О-о-о! Да здесь просторно.

АНДРЕЙ. Но все равно сводит.

ВЕРОНИКА. Сейчас, сейчас... *(Начинает растирать Андрею ноги.)*

ДАНИИЛ. Правильно. Регулярно разминайте руками, и все... как рукой снимет. Занимайтесь. А я, как доверенное лицо, занесу в избирком еще пару бумажек. *(Направляется к выходу.)* Щадящими движениями снизу вверх не менее десяти минут. *(Наталкивается на кресло-каталку, кривится от боли.)* Блин! Разбрасываешь транспорт по всему дому!

Пользуешься одним, второй – на стоянку! (*Убирает каталку в левую дверь, уходит прихрамывая.*)

ВЕРОНИКА (*массируя*). Андрей Петрович, вам легче?

АНДРЕЙ. Немного. Если можно – чуть-чуть выше.

ВЕРОНИКА. Здесь?

АНДРЕЙ. Да. Во-во... начинает отпускать. И по спине, если не трудно. Она тоже затекает. И плечи.

ВЕРОНИКА. Я туда не дотянусь.

АНДРЕЙ. Тогда забирайтесь ко мне.

ВЕРОНИКА. К вам?

АНДРЕЙ. Ну да. Сами говорили – здесь просторно. Становитесь сюда... тут полочка для ног. Давайте руку. (*Подает Веронике руку.*)

Вероника забирается к Андрею в фанерную скорлупу.

АНДРЕЙ. Закрывайте дверь – я уже два раза выпадал. Не хватало еще вас травмировать!

ВЕРОНИКА (*закрывая дверцу*). А вдвоем тут не очень-то просторно.

АНДРЕЙ. Ничего-ничего. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

ВЕРОНИКА. Андрей Петрович, зачем вы повернулись?

АНДРЕЙ. Иначе мы не поместимся. Да и вообще – с женщинами неприлично разговаривать отвернувшись. Так лучше?

ВЕРОНИКА. Непривычно.

АНДРЕЙ. И мне тоже... И надо дверцу защелкнуть.

ВЕРОНИКА. Зачем?

АНДРЕЙ. Так безопасней.

ВЕРОНИКА. Андрей Петрович, что это?

АНДРЕЙ. Где? А, ерунда... не обращайте внимания.

ВЕРОНИКА. Но что вы делаете?

АНДРЕЙ. Сам не пойму.

ВЕРОНИКА. И я не пойму... что это со мной...

Фанерный робот начинает сотрясаться. Входят КАПИТАН и АННА. Пляски в «роботе» прекращаются.

КАПИТАН. И где ваш супруг?

АННА. Если коляски нет, значит Даниил укатил его на прогулку.

КАПИТАН (*указывая на фанерного истукана*). Эту штучковину он купил?

АННА. Эту.

КАПИТАН. В газетах пишут, отдал за нее полмиллиона.

АННА. Он сказал, семьсот тысяч.

КАПИТАН. Господи! Такие деньжищи! А на вас экономит. Когда последний раз в театр ходили?

АННА. Даже не упомяну.

КАПИТАН. Наверное, боялся, что на сцене увидите нечеловеческие страсти.

АННА. Их и по телевизору показывают. Но что толку смотреть, если в жизни такое не встретишь.

КАПИТАН. Поверьте, в жизни они намного сильнее, чем по телевизору.

АННА. Вы с такими встречались?

КАПИТАН. Раньше не доводилось. А вот теперь посчастливилось.

АННА. И кто она?

КАПИТАН. Анна Степановна, вам хорошо известно, кто она. У женщин на этот счет чутье похлеще, чем у детективов.

АННА. Все равно не догадываюсь.

КАПИТАН. Вы нарочно меня распаляете. И будь я не при исполнении...

АННА. И что бы тогда?

КАПИТАН. Вот что! *(Обнимает и целует Анну.)*

АННА *(слабо сопротивляясь)*. Капитан... капитан... Никодимушка... не сейчас. Я так сразу не могу. И он в любую минуту может вернуться.

КАПИТАН *(отстраняясь и немного приходя в себя)*. Хорошо... хорошо. Мы не фанерные... Но у нас все должно быть по-человечески.

Входят смеющиеся ИНКАССАТОР и ПОЛИНА.

ПОЛИНА. Аня, Эдик уморил меня анекдотом.

АННА. Про еврейскую маму?

ПОЛИНА. Нет, про соседку, которая упрекает подругу за то, что она собирается замуж, а с прежним еще не развелась.

АННА. Знаю. А та отвечает: «Фира, я тебя умоляю! Когда отправляешься в магазин за новыми туфлями, разве идешь босиком?»

Все хохочут. Со стороны фанерного истукана раздаются неясные звуки.

ИНКАССАТОР (*поворачиваясь к «роботу»*). Что это?

АННА. Наверное сработал какой-то электронный чип...

ИНКАССАТОР. ...И Дейл.

ПОЛИНА. Эдик, ты и робота рассмешишь!

ИНКАССАТОР. Если бы вы кое-что узнали о вашем Андрихе, вы бы не так смеялись.

КАПИТАН. Расскажи.

ИНКАССАТОР. Нет-нет.

ПОЛИНА. Ну Эдик... я в долгу не останусь.

ИНКАССАТОР. Расскажу, но потом, моя рыбка. Сейчас мне надо бежать.

КАПИТАН. Я на машине – могу подбросить. Включим мигалку – и мигом.

ИНКАССАТОР. Хорошо. Но только без мигалки и медленно, не так как прошлый раз.

Все уходят. Дверца в роботе открывается. Из него вы-

прыгивает АНДРЕЙ, бегают по комнате.

ВЕРОНИКА (*радостно*). Андрей Петрович, вы поднялись на ноги! Вы ходите!

АНДРЕЙ (*застывая не месте и сообразив, что невольно выдал себя*). Меня... меня словно током ударило! Пронзило с макушки до пят.

ВЕРОНИКА (*выходя из «робота»*). От того, что услышали?

АНДРЕЙ. И увидел! От потрясения едва не умер.

ВЕРОНИКА (*поправляя юбку*). Вы не были похожи на мертвого.

АНДРЕЙ. Это были конвульсии... Во мне погибла вера в человечество.

ВЕРОНИКА. Но вернулось прежнее здоровье.

АНДРЕЙ. Прежнее?! Да мне никогда так хорошо не было!

ВЕРОНИКА. И мне.

АНДРЕЙ. Правда?

ВЕРОНИКА. Да... Андрюша.

АНДРЕЙ. Значит, я не зря отдал за него миллион. (*Указывает на фанерного истукана.*)

ВЕРОНИКА. Может и авария случилась не зря?

АНДРЕЙ. Да я готов еще раз сделаться калекой... чтобы потом так выздоравливать!

ВЕРОНИКА. Калекой не надо. Но работа не продавайте – он может нам еще понадобиться.

АНДРЕЙ. Да хоть сейчас! (*Пытается увлечь Веронику к фанерному укрытию.*)

ВЕРОНИКА. Сейчас не надо – это некрасиво...

АНДРЕЙ. А мы дверцу закроем.

ВЕРОНИКА. Некрасиво с моей стороны... да еще в твоём доме.

АНДРЕЙ. Да какой это дом?! (*Указывает на «робота».*)
На кладовку не тянет.

ВЕРОНИКА. Я о твоей семье. Ты ведь женат.

АНДРЕЙ. А она – не замужем?!

ВЕРОНИКА. Она потеряла голову от неожиданности. Военных учат внезапным атакам.

АНДРЕЙ. А где была гражданская оборона? И как мне теперь жить?

ВЕРОНИКА. Спокойно, не волноваться – иначе от стресса у тебя снова отнимутся ноги. Не подавай виду, живи, как и раньше.

АНДРЕЙ. В инвалидном кресле?

ВЕРОНИКА. Ну... иногда можно и в экзоскелете... и в других местах. Теперь ты ходишь, и скоро можно будет всех обрадовать: и Даниила, и Капитана, и даже веселого Эдика.

АНДРЕЙ. Меня от них даже в жар бросило.

ВЕРОНИКА. От Эдика?

АНДРЕЙ. И от капитана.

ВЕРОНИКА. Андрюша, не волнуйся. Я думаю... я почти уверена – они просто шутили.

АНДРЕЙ. Шутили?!

ВЕРОНИКА. Чтобы расшевелить тебя.

АНДРЕЙ. Когда меня в комнате не было?!

ВЕРОНИКА. Значит, репетировали. Иди, садись в кресло, а я все выясню.

АНДРЕЙ. Мне притвориться неходячим? Не заставляй меня лицемерить!

ВЕРОНИКА. Андрюша, попробуй, иначе выйдет некрасиво. Они репетировали, хотели произвести впечатление... Будь великодушным.

АНДРЕЙ. Ты и правда думаешь, что это спектакль?

ВЕРОНИКА. Уверена.

АНДРЕЙ. Тогда и мне не стыдно немного подыграть им.

ВЕРОНИКА. Конечно. Я об этом и говорю. Иди, садись в кресло. *(Выпроваживает Андрея в соседнюю комнату.)*

Входит АННА.

АННА. Что-то Андрея долго нет – ему обедать пора. Свежим воздухом сыт не будешь.

ВЕРОНИКА. Да он уже давно приехал, сидит грустный, без аппетита. Я думаю, его надо как можно скорее выводить из нынешнего состояния, пока совсем не упал духом.

АННА. Но как выводить?

ВЕРОНИКА. Даниил советует организовать ему стресс. В экстремальных ситуациях в человеке пробуждаются силы, о

которых он и не подозревал.

АННА. Знаю. Например, во время погони прыгают через пятиметровые заборы.

ВЕРОНИКА. Нас бы и три метра устроило. Пусть от неожиданности хотя бы по этой комнате побегают.

АННА. Сказать капитану, чтобы имитировал его арест?

ВЕРОНИКА. Не поможет. Андрей давно ожидает суда.

АННА (*удивленно*). Андрей?

ВЕРОНИКА. Андрей Петрович. Это вы его зовете Андреем... и Альбина Егоровна. И я... чтобы вам привычней было.

АННА. Хорошо, пусть будет Андрей. Но чем его удивить? Может скажем, что я подаю на развод?

ВЕРОНИКА. Отлично! Для выздоровления – лучше не придумать! Скажите ему, что влюбились в капитана.

АННА. В Никодима Ивановича?

ВЕРОНИКА. В него. И он, якобы, вас неожиданно полюбил. Вот это будет стресс! Сам Ганс Селье взвился бы до потолка, услышав такое от супруги! Анна, вы уж постарайтесь, и капитана попросите подыграть.

АННА. Но он при исполнении.

ВЕРОНИКА. Вот пусть и исполнит!? Если в погонах, так что – совсем нечувствителен?

АННА. Думаю, не совсем.

ВЕРОНИКА. Я полагаю, он суровый только наружи, а внутри очень ранимый.

АННА. Я тоже так думаю.

ВЕРОНИКА. Вот и хорошо. А еще надо устроить так, чтобы Полина начала при нем флиртовать с Эдиком.

АННА. С каким Эдиком?

ВЕРОНИКА. С поставщиком игрушек.

АННА. И Полина... для Андрея тоже стресс?!

ВЕРОНИКА. Конечно. Теперь, когда Андрей лишен возможности зарабатывать, потерять единственный доход от квартирантки... Надо бы и Эдика предупредить.

АННА. За Эдика не волнуйся, он сыграет – лучше не придумаешь.

ВЕРОНИКА. И тогда Андрей выпрыгнет из своего экзоскелета, как ужаленный... Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами.

АННА. Лишь бы он только выздоровел. Вот тогда я его... по-настоящему огорошу!

В каталке, энергично проворачивая колеса, въезжает АНДРЕЙ.

АННА. Андрюша, ты куда? Поел бы немного.

Андрей молча пересекает комнату, сталкивается у других дверей с АЛЬБИНОЙ. Не проронив и слова, Андрей уезжает.

АЛЬБИНА. Что это с ним? А недавно сидел у крыльца, и

мне показалось, плакал.

ВЕРОНИКА (*Анне*). Вот видите! Ему срочно нужен стресс.

АЛЬБИНА. Только стресса ему сейчас не хватало!

АННА. Мама, клин клином вышибают. Надо ему такое сообщить, чтобы выпрыгнул из коляски! Может, посоветуешь что-нибудь?

АЛЬБИНА. Да я ему такое сообщу, что он танцевать в своем скелете начнет.

ВЕРОНИКА. Надо чтобы танцевал без экзоскелета.

АЛЬБИНА. Тогда слушайте. (*Пауза.*) Мы с Даниилом решили пожениться!

АННА. Мама!.. (*Садится на диван, хватается за сердце.*) Кто же так неожиданно сообщает?!

ВЕРОНИКА. Альбина Егоровна, стресс нужен Андрею, а не вашей дочери.

АЛЬБИНА. Для него это тоже будет стрессом.

АННА. А для Даниила?

АЛЬБИНА. А для Даниила – счастьем. Он ног под собой не чувствует, когда я согласилась.

АННА. Андрей тоже не чувствует.

ВЕРОНИКА. А надо, чтобы чувствовал. Альбина Егоровна, ваша новость – стресс, но только радостный. Это его не поднимет. Вот если бы Анна сообщила, что она выходит замуж... тогда другое дело.

АЛЬБИНА. Но она замужем?

АННА. Ну и что? Мама, когда отправляются в магазин за новыми туфлями, то разве идут босиком?

АЛЬБИНА. Еще чего не хватало... ходить босиком, когда вокруг столько обуви.

АННА. Вот и я не босиком... выхожу замуж.

АЛЬБИНА. Ты? Замуж?! За кого?

АННА. За капитана... за Никодима Ивановича.

АЛЬБИНА (*садится на диван, хватается за сердце*). Кто же так неожиданно сообщает?! У меня больное сердце.

ВЕРОНИКА. Анна, вы эти слова должны были сказать Андрею, а не маме.

АННА. И скажу!

АЛЬБИНА. Чуть до инфаркта меня не довела.

АННА. Если такая больная, то сиди дома и не соблазняй молодых!

АЛЬБИНА. Ой! Мне плохо! Кто тебе сказал, что я соблазняла? Это он меня соблазнил. И грозил, если откажу, то с ним случится, что и с Андреем. А то и вообще застрелится.

АННА. Если кто и застрелится, так это капитан – у него и пистолет всегда при себе. А вот и капитан. Заходи, Никодимушка.

Входит КАПИТАН.

КАПИТАН. Здравия желаю!

АННА (*поднимаясь с дивана*). Хорошее пожелание. Тут

мама едва не убила меня своим известием.

КАПИТАН. Уже рассказала?..

АЛЬБИНА. Что рассказала?

КАПИТАН. Какой он экзоскелет построил?

АЛЬБИНА. Нет. Об этом нет.

АННА (*снова садясь на диван*). Мама, что там еще? Только не сразу.

КАПИТАН. Хорошо... я буду издалека. Этот робот... (*неожиданно громко, указывая на «робота»*) из трехмиллиметровой фанеры!

АЛЬБИНА. Строители сообщили, которые смотрели мою стенку.

АННА. Шведскую?

АЛЬБИНА. А-то какую же! Сказали, что сделали это чучело нашему Андрюше на заказ.

КАПИТАН. Три дня лобзиком выпиливали.

АЛЬБИНА. И Андрей до сих пор еще с ними не рассчитался.

Капитан подходит к «роботу», осматривает его, поднимает забрало на голове «робота», открывает заднюю дверцу.

КАПИТАН. Да-а-а! Хорошая электроника вместе с гидравликой.

ВЕРОНИКА. Не важно. Главное, что он в нем ходил.

КАПИТАН. Прямо удивительно...

ВЕРОНИКА. Еще и как ходил!..

КАПИТАН. Чудеса да и только. Как в нем ходить, если тут просторно, как в сарае? В него и вдвоем забраться можно.

АННА. Никодим, не вздумай. Придумал... вдвоем. Это Андрей может вдвоем с кем-нибудь – он мелкий. А ты и один не поместишься.

КАПИТАН. Как это не помещусь? Нам бронжилеты выдали, размером для куклы Барби, и ничего – все помещаемся. Я попробую.

АЛЬБИНА. Никодим Иванович, не надо трогать вещи Андрея.

АННА. Мама, я тебе не вещь! Кому хочу, тому и принадлежу! Сначала на себя посмотри.

КАПИТАН. Девушки! Прекратить споры! Это приказ.

АЛЬБИНА. В участке у себя будешь приказывать! Раскомандовался! (*Уходит.*)

АННА. Мама, что ты себе позволяешь?! (*Убегает следом за Альбиной.*)

ВЕРОНИКА. Анна, Альбина Егоровна, нам не такие стрессы нужны! (*Убегает следом за Анной.*)

КАПИТАН. Хорошенький довесок в придачу к Анне достанется. Надо срочно ее мамашу замуж выдавать – иначе покоя не будет.

Капитан с интересом ходит вокруг «робота», затем за-

бирается в него, закрывает за собой заднюю дверцу, опускает забрало.

КАПИТАН. Вот бы в участке в таком виде появиться!

Входит НАУМ – глава социальной службы района.

НАУМ. Эй! Есть тут кто живой?! Хотя бы наполовину... до пояса.

На кресле-каталке въезжает АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ. Кто здесь? А-а-а, это вы, Наум Пантелеевич. Проходите. Здравствуйте.

НАУМ. И вам того же. Как здоровьечко?

АНДРЕЙ. Не очень.

НАУМ. Понимаю. Совесть замучила.

АНДРЕЙ. Вы о чем?

НАУМ (*ехидно*). А то не знаете?

АНДРЕЙ. Наум Пантелеевич, оставьте свои ребусы. Как только получу заключение ВТЭК – сразу у вас зарегистрируюсь.

НАУМ. Это, дорогой мой, если я еще позволю. А если захочу, я вас быстро из кандидатов в депутаты вычеркну... вместе со всей вашей партией!

АНДРЕЙ. Это почему вы так захотите?

НАУМ. Не почему, а по закону! Пока у нас на учете не стоишь – значит, не инвалид.

АНДРЕЙ. Но у меня ноги не работают. Их без ущерба можно убрать.

НАУМ. Да уберите хоть голову! В наших списках не значишься – значит здоров.

АНДРЕЙ. Что вы хотите?

НАУМ. Так бы и давно. Думаешь, я не знаю, что ты моих работников с оплатой кинул?

АНДРЕЙ. Я заплачу.

НАУМ. Обойдутся. Я сам заплачу – оформлю, как сверхурочные. Им все равно где получать. Мне деньги отдашь. И поставь меня вторым номером в список от твоей калечной партии.

АНДРЕЙ. Но вы не инвалид?! У вас – и руки и ноги.

НАУМ. У меня справка – сам себе выписал. (*Протягивает Андрею бумагу.*) Там написано, что я за себя не отвечаю. Не получу проходного места в списках, мигом твою фанерную организацию ликвидирую! (*Доверительно.*) Андрюша, ты еще не знаешь, как тебе со мной повезло! Мы вдвоем такие дела проворачивать будем, таких роботов понастроим, что у банкиров от зависти волосы на лысинах поднимутся! Разве это экзоскелет?! (*Указывает на «робота».*) Кустарщина! Мы добьемся государственного финансирования... построим завод! Фанеры у нас, слава богу, не меньше, чем газа и нефти!

АНДРЕЙ. Хлопотно все это, Наум Пантелеевич.

НАУМ. Это тебе калечному хлопотно – нет административной хватки. А я введу в политсовет пару шустрых ребят, запрягу их как следует... А мы только на митингах выступать будем. У тебя есть кто-нибудь на примете?

Входит ИНКАССАТОР.

АНДРЕЙ. Найдется. Вот один из них. *(Кивает в сторону вошедшего.)*

ИНКАССАТОР. Добрый день.

АНДРЕЙ. Добрый день, Эдик. *(Кивает в сторону Наума.)*
Это Наум Пантелеевич – второе лицо в нашей партии.

Наум и Инкассатор пожимают друг другу руки.

ИНКАССАТОР. Очень приятно.

АНДРЕЙ *(Науму)*. Я думаю, лучше его не найдете.

НАУМ. На роль секретаря исполкома?

АНДРЕЙ. На роль центрального в вашей упряжке. Посильнее меня будет.

НАУМ *(оценивая Инкассатора)*. Неплохо, неплохо... еще молодой.

ИНКАССАТОР. Да на мне ездить и ездить... лишь бы приятным маршрутом.

НАУМ. По магистральной партийной линии. Лучше не

придумаешь. Это не с инвалидами мучиться.

ИНКАССАТОР. А сами инвалиды не всегда мучаются – посмотрите на Андрея Петровича. Не жалуется.

НАУМ. Ему грех жаловаться – светлая голова.

АНДРЕЙ (*кивая на Инкассатора*). У него еще светлей. Не хуже моей будет.

НАУМ. Еще бы – молодой. Это мы по старинке пощипываем.

АНДРЕЙ. А он миллионы штампует!

ИНКАССАТОР. Какие миллионы?! Что ты несешь?!

АНДРЕЙ (*успокаивая Инкассатора*). Ничего, ничего, Эдик... это свой человек. Еще неизвестно, кто из вас больше нащипал. Ты фальшивки щипаешь, а он – настоящие!

ИНКАССАТОР. Да перестань ты орать на весь дом... светлая голова. (*Указывая на Андрея.*) Разумом помутился... бредит наяву.

НАУМ. Очень... очень занимательный бред.

АНДРЕЙ. Эдик, ты еще не знаешь, как тебе с Наумом Пантелеевичем повезло! Вы вдвоем такие дела проворачивать будете, что у банкиров волосы на лысынах поднимутся!

ИНКАССАТОР. Почему вдвоем? А ты?

АНДРЕЙ. Без меня.

НАУМ. Как без тебя?

АНДРЕЙ. Я выбывают из игры.

ИНКАССАТОР. погоди... но на днях твой суд – как без тебя?

АНДРЕЙ. Другого найдете. А присяжных в проходной список внесете. Наум Пантелеевич устроит.

ИНКАССАТОР. Это понятно. Я и сам такое могу. Но понадобится твоя подпись.

АНДРЕЙ. Подделаешь. Пятитысячные рисуешь, а подпись – раз плюнуть.

ИНКАССАТОР. Само собой. Но ты гарантируй, что признаешь подпись своей.

НАУМ (*Инкассатору*). Эдуард, мы сделаем электронную. Один экземпляр тебе, второй – мне. От электронной он никогда не отвертится.

ИНКАССАТОР. А у вас голова и правда работает.

НАУМ. А будет брыкаться, мы ему быстро группу оформим... лежачую.

ИНКАССАТОР. Это всегда можно. Мы с братвой поначалу так и хотели.

АНДРЕЙ. Вот видите, я вам не нужен – только под ногами буду путаться.

НАУМ. До выборов нужен. Про тебя, а не про нас в газетах пишут!

ИНКАССАТОР. И для суда все-таки тоже нужен.

АНДРЕЙ. Да что ж мне разорваться?! И в тюрьму, и в парламент?!

НАУМ. Одно второму не помеха. Не ты первый.

АНДРЕЙ. Нет! Я возражаю. Я выбываю из игры!

ИНКАССАТОР. Андрюша, но почему?

НАУМ. Такие перспективы!

АНДРЕЙ. Потому, что я не инвалид. Вернее, мне не понравилось быть инвалидом. Все! Завязываю! Буду ходить!

Входят АННА и АЛЬБИНА.

АННА. Что здесь за шум?

ИНКАССАТОР. Супруг ваш буянит.

НАУМ. Хочет подняться.

АНДРЕЙ. И поднимусь! *(Вскакивает на ноги.)*

НАУМ. Сидеть! *(Заталкивает Андрея в кресло.)*

АНДРЕЙ. Буду ходить! *(Вскакивает на ноги.)*

НАУМ. Да что ж это такое?! *(Снова усаживает Андрея в кресло.)* Ты можешь с непривычки упасть.

ИНКАССАТОР. А нам вместо тебя на суде отдувайся.

АННА. Андрюша... ты снова ходишь?..

НАУМ. Только начинает... Но все должно быть постепенно.

ИНКАССАТОР. А он сразу! Кто так делает?!

АНДРЕЙ. Я так делаю! *(Выпрыгивает из кресла, начинает энергично приседать, а затем – танцевать вприсядку.)*

АЛЬБИНА. Наконец-то! Господи! Хвала тебе за милость твою!

АННА. Наконец-то я дождалась! Андрюша, у тебя все нормально?

АНДРЕЙ. Лучше и не надо.

АННА. А ну, попрыгай.

Андрей прыгает.

АННА. Голова не кружится?

АНДРЕЙ. Ничуть.

АННА. Отлично. Андрюша, тогда слушай... Я от тебя ухожу!

АНДРЕЙ. В магазин?

АННА. Нет – к Никодиму Ивановичу!

АНДРЕЙ. Зачем?

АННА. Ухожу насовсем – жить.

АНДРЕЙ. К полицейскому?

АННА. Да, к нему. А ты теперь ходишь – можешь ступать на все четыре стороны. Хочешь – к Полине, хочешь – к Веронике. Кто тебе больше нравится?

Входит ВЕРОНИКА.

ВЕРОНИКА. Он пойдет ко мне.

АЛЬБИНА. Правильно. К Полине уже другой пошел – вот он. (*Указывает на Инкассатора.*)

ИНКАССАТОР. А вы бы, мамаша, не лезли не в свои дела. Лучше бы домой топали!

АЛЬБИНА. Я не домой пойду, а к Никодиму Ивановичу – расскажу ему, чем вы тут занимаетесь!

ИНКАССАТОР. В полицию?!

АЛЬБИНА. Да, в полицию.

ИНКАССАТОР. К этому обормоту?

АННА. Не смей в моем доме оскорблять человека, которого я люблю! И он меня любит!

Неожиданно «робот» делает несколько шагов. Из его внутренностей раздается зычный бас Капитана.

КАПИТАН. Дона Анна! Дона Анна Степановна, я очень, очень люблю вас! Я полюбил вас с первой минуты, как только увидел.

Инкассатор хватается з сердце, шатается. Капитан выбирается из «робота».

ИНКАССАТОР. Мне плохо... *(Направляется в сторону двери.)*

КАПИТАН. Стоять! Иначе стреляю!

Андрей подкатывает к Инкассатору инвалидное кресло.

АНДРЕЙ. Не надо стрелять. Пусть лучше посидит. *(Сзади толкает инкассатора креслом под колени. Инкассатор падает на сиденье.)* Посидит... несколько лет в тюрьме.

ИНКАССАТОР. А черта-с два не хотите?! У меня ноги не

работают! Я инвалид! Наум Пантелеевич, а вы куда смотрите?! Это по вашей части.

НАУМ. И в самом деле. *(Отстраняет Андрея, берется за ручки каталки.)* Издеваетесь над человеком с ограниченными возможностями. Поехали, Эдуард. Хорошо, что пандус построили. А в парламенте я тебе такой лифт забабахаяю, что они еще обзавидуются!

КАПИТАН *(отстраняя Наума, берется за ручки каталки)*. Обязательно построишь. Но не сразу. Пусть сначала немного посидит в другом месте. *(Увозит Инкассатора.)*

(Занавес)

ПОКОЙНИК ДОЛГО НЕ ЖИВЕТ

(Комедия в двух действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БЕРГЕНС – книгоиздатель

ЭЛИЗА – жена Бергенса

АНТУАН – секретарь Бергенса

ДОРИАН – врач

БРУНО – молочник

КАТРИН – жена молочника

ЖАННА – любовница Бергенса

ПЬЕР – агент погребальной службы

ЭДВАРД – друг дома Бергенсов

МАРКУС – кредитор

Действие происходит во Франции, в доме богатого книгоиздателя Бергенса. Необходимая обстановка: дверь по центру, слева две двери. Одна из них – в спальню, которая в тексте обозначается «мертвецкой». Справа – дверь в другие комнаты. Большое окно со шторой, секретер, диван, кресло, стул, стол, на столе колокольчик.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(БЕРГЕНС сидит за столом – завтракает. Секретарь АНТУАН сидит в стороне в кресле, читает газету.)

БЕРГЕНС. Антуан, садись, перекуси.

АНТУАН. Теодор Эмильевич, я уже позавтракал.

БЕРГЕНС. Садись, думаешь приятно, когда жуешь, а сзади за тобой кто-то наблюдает?

АНТУАН. Вы, наверное, забыли, как вас с детства приучали к этикету – обедать с камердинером?

БЕРГЕНС. Вот с детства и неудобно. Хорош этикет, когда тебе заглядывают в рот!

АНТУАН. Вас не поймешь. То я за спиной, то в рот заглядываю, будто у вас рот на затылке.

БЕРГЕНС. У меня глаза там. И я вижу, как ты кривляешься. Садись, выпей рюмочку.

АНТУАН. Ну, если настаиваете. *(Садится за стол.)*

БЕРГЕНС *(наливая рюмку Антуану)*. Вчера, наверное, штуки четыре пропустил?

АНТУАН. Исключительно от простуды.

БЕРГЕНС. Ты поосторожней с этой простудой. Вон мой папенька увлекался, да силы не рассчитал. Умер в расцвете лет – до восьмидесяти не дотянул. У меня у самого сердечко пошаливает.

АНТУАН. А ваша супруга считает, что вовсе не сердечко, а сами вы пошаливаете на стороне.

БЕРГЕНС. Да что она в медицине понимает! Вот помру, тогда узнает, кем для нее был Бергенс Теодор Эмильевич.

АНТУАН. Это правда. У гроба все они любят поплакать. Тут их хлебом не корми.

БЕРГЕНС. Вот будет история, когда помру!

АНТУАН. Спору нет. Такое начнется...

БЕРГЕНС. Родственники понаедут, все в черном.

АНТУАН. Еще та комедия завертится.

БЕРГЕНС (*недоуменно*). Какая комедия?

АНТУАН. Наследство делить примутся.

БЕРГЕНС. Тут я не сомневаюсь. Хотелось бы посмотреть на все это, узнать наперед.

АНТУАН. Наперед никто не знает. Потом узнаете. Я все расскажу, когда к вам прибуду.

БЕРГЕНС (*недоуменно*). Антуан, погоди... Ты что, дольше меня жить собираешься?

АНТУАН. Что вы, Теодор Эмильевич. Как можно? Не с нашим здоровьем.

БЕРГЕНС. То-то же. Хотя черт его знает – на все воля божья. Так что и на тебя полагаться нельзя.

АНТУАН. Обижаете, Теодор Эмильевич, как это нельзя?

БЕРГЕНС. В любую минуту возьмешь и дезертируешь. Кто мне подробно расскажет?

АНТУАН. Вообще-то, я пока помирать не собираюсь.

БЕРГЕНС. Никто не собирается. А если помрешь позже, так потом с три короба... приукрасишь, как меня хоронили.

АНТУАН. Все вам не так. То поздно, то рано...

БЕРГЕНС. Эх, самому бы посмотреть!

АНТУАН. Теодор Эмильевич, доктор Дориан сказал бы – желания у вас нездоровые.

БЕРГЕНС. Доктор?! Да ты на него посмотри! Я еще ни одного здорового доктора не видел. А психиатры?

АНТУАН. С кем поведешься...

БЕРГЕНС. Психолухи! Так говоришь, драчка за наследство ожидается?

АНТУАН (*вытирая рот после выпитой рюмки*). Можете не сомневаться. Вот смеху-то будет!

БЕРГЕНС. Да что ж ты заладил...

АНТУАН (*виновато*). Я, конечно, всего этого не увижу... А другим смотреть не запретишь.

БЕРГЕНС. Значит, полагаешь, я буду лежать, а они – по шкафам, завещание искать.

АНТУАН. А то нет. Два племянника, братец, Элиза и еще эта... Жанна.

БЕРГЕНС. Тихо ты! Разорался. Думаешь, она другого найдет?

АНТУАН. Что вы?! Да она с горя помрет. До конца жизни себя в монастырь заточит.

БЕРГЕНС. Ох, и шельма ты, Антуан. А давай придумаем, будто бы я помер.

АНТУАН. Не чудите.

БЕРГЕНС. И мне тоже позабавиться хочется. Не одним

же родственникам. Посмотрим спектакль.

АНТУАН. Покойник для вас – не очень подходящая роль. Вам бы любовников играть.

БЕРГЕНС. Да я кого угодно сыграть могу. Думаешь, капитал мне сам на голову свалился? Я, прежде чем издателем сделался, такое изображал, что тебе и не снилось.

АНТУАН. Разбойника?

БЕРГЕНС. Ну, почему разбойника... сильного... волевого человека.

АНТУАН. Прямолинейного...

БЕРГЕНС. Ты хотел сказать – наглого.

АНТУАН. И в мыслях такого не было.

БЕРГЕНС. Было... было.

АНТУАН. Больше мне думать не о чем... У меня вон колени болят.

БЕРГЕНС. А, пустяки!. Лучше задумайся о серьезном, как я буду уходить из жизни?..

АНТУАН. Пусть об этом вседержитель думает.

БЕРГЕНС. Эх, умереть бы понарошку! Но так, чтобы достоверно смотрелось. И чтоб я со стороны наблюдал, как родственники суетятся. И что говорить станут? Как воспримут...

АНТУАН. ...Радостную весть.

БЕРГЕНС. Опять ты за свое! Вот давай и проверим.

АНТУАН. Ну, знаете...

БЕРГЕНС. Не знаю.

АНТУАН. Чтобы вы без меня делали. Помереть, и то как следует не можете. Лучше бы о молочнике подумали.

БЕРГЕНС. О каком молочнике?

АНТУАН. О Бруно – муже молочницы. Помните, как он молоко приносил, когда она рожала. Тут без вашего папаши не обошлось.

БЕРГЕНС. Развеселил. Да когда она рожала, мой папа уже лет десять как в раю отдыхал!

АНТУАН. А вот когда Бруно рожался, он еще был о-го-го!

БЕРГЕНС. Да мало ли кто на кого похож. Зачем покойников осуждать?

АНТУАН. А я и не осуждаю. А напротив, хвалю, что временно изготовил для вас двойника.

БЕРГЕНС. Молочника? Бородатого и хромого?

АНТУАН. Бородатого всегда побрить можно. А что хромым, так ему не кадрили в гробу танцевать.

(Слышится дверной звонок.)

АНТУАН. Кого еще нелегкая несет? *(Идет открывать дверь.)*

(На пороге стоит молочник БРУНО, заросший и бедно одетый.)

БРУНО. Молочко, свежайшее молочко... только что с

фермы.

БЕРГЕНС. Заходи, Бруно, расскажи, как дела на твоей ферме? Много ли у тебя буренок? Ты ведь на соседней улице живешь?

БРУНО. Да, второй дом за ратушью.

БЕРГЕНС. И где свое стадо выпасаешь? На площади у памятника, или на автостоянке?

БРУНО *(виновато)*. На рынке мы... немного прикупаем... не без того...

БЕРГЕНС. И много ли на разнице получаешь?

БРУНО. На чем?

БЕРГЕНС *(махнув рукой)*. Э-э-э, да что с тобой говорить! Деревня. Городская деревня. Как здоровье, Бруно?

БРУНО.. Не жалуемся.

БЕРГЕНС. Понятно... на свежем молочке с асфальтовой фермы. А вот я захворал, помирать собираюсь.

АНТУАН *(Бруно)*. Не хочешь ли подсобить Теодору Эмильевичу?

БРУНО. Мы всегда рады помочь. Вы платили исправно.

АНТУАН *(Бергенсу)*. Вот вам и помощник.

(Бергенс поднимается, по-дружески кладет руку на плечо Бруно, направляется в сторону «мертвецкой».)

БЕРГЕНС. Бруно, тут такое дело... очень требуется твое участие...

(БЕРГЕНС и БРУНО уходят в «мертвецкую».)

АНТУАН. Да-а-а! А ведь никто и не подозревает о будущей смерти. Но мне хуже всего придется. Захочешь посмеяться, а не положено – в доме покойник.

(Затемнение)

(Появляется свет. По комнате у стен расставлены цветы и венки. Из «мертвецкой» выходят АНТУАН и доктор ДОРИАН.)

ДОРИАН. Антуан, мне очень не нравится эта затея. На карту поставлена моя репутация.

АНТУАН. Доктор Дориан, да как один покойник, да еще мнимый, может вам навредить?

ДОРИАН. Но я подтвердил, что Бруно умер, а он лежит в гробу и жует ветчину.

АНТУАН. Вы подтвердили, что умер Теодор Эмильевич. А Бруно жует? Так время обеда.

ДОРИАН. Стало быть, оба живы.

АНТУАН. Вот и хорошо! На кладбище и так две аллеи с вашими пациентами. Пора бы уж остановиться.

ДОРИАН. А когда все выяснится?..

АНТУАН. ...Вы станете очень знаменитым – не всякий

способен оживить мертвеца.

ДОРИАН. Но в нашей гильдии так не принято.

АНТУАН. Я знаю, у вас если взялся, то доведете дело до конца. Но ведь надо хоть изредка нарушать традицию. И потом, вы получили гонорар и дали покойнику слово.

ДОРИАН. Теодор Эмильевич жив.

АНТУАН. Да разве это жизнь для такого человека?! Учится хромать в семействе Бруно.

ДОРИАН. Его жена растрезвонить историю по всему городу.

АНТУАН. Чья жена?

ДОРИАН. Новая. Теодора Эмильевича – молочница.

АНТУАН. Да ей-то какой смысл языком чесать? Мужчи-на, как и раньше, при ней. И не хромает.

ДОРИАН. Но ты же говоришь, учится хромать.

АНТУАН. Самую малость. В силу семейной традиции. Кстати, вы легко можете вылечить его, и это только прибавит вам клиентуры.

ДОРИАН. Не впутывай меня еще в одну вашу аферу.

АНТУАН. Хорошо, пусть человек хромает. Забудем о клятве Гиппократа. А за язычок Катрин не беспокойтесь.

ДОРИАН. Какой Катрин?

АНТУАН. О жене молочника. Она тоже хорошо получит.

ДОРИАН. И как она встретила ваше предложение?

АНТУАН. Молча. И обещала молчать и дальше. А если что-нибудь ляпнет, молочник ее поколотит.

ДОРИАН. Который лежит в гробу вон в той комнате?
(Указывает в сторону «мертвецкой».)

АНТУАН. И этот тоже. Но сначала тот, который учится хромать. А вот и он.

(В комнату с шапкой в руке входит БЕРГЕНС. Он заросший, в потрепанной одежде. В другой его руке – бидончик с молоком.)

АНТУАН (Бергенсу). Бруно, бестолочь кривоногая, сколько раз тебе говорить, молоко у нас оставляют на кухне!

(Бергенс оглядывается по сторонам. Удостоверившись, что посторонних нет, показывает Антуану кулак.)

БЕРГЕНС (тихо). Ну как он... поживает?

ДОРИАН. Теодор Эмильевич, лежит. Что ему сделается?

АНТУАН. Наш знаменитый врач Дориан запретил близко подходить к покойнику. Опасается инфекции.

БЕРГЕНС. И правильно сделал, тут не сватовство со смотринами. А Элиза как?

ДОРИАН. Плачет ваша супружница. Вот что вы с ней сделали!

АНТУАН. Да она и при живом-то плакала почти каждый день. Ей не привыкать. Теодор Эмильевич ее так изводил.

БЕРГЕНС. О покойниках плохо не говорят. Пора бы уж

запомнить. Особенно, когда он стоит перед тобой.

АНТУАН. Теодор Эмильевич, пожалуйста, не путайте нас. Войдите в наше положение, не упоминайте себя сразу в нескольких лицах.

БЕРГЕНС. А ты не болтай лишнего!

АНТУАН. Вам бы лучше вести себя скромно, как молочник. Вон с Бруно никаких проблем – натурально вжился в роль покойника.

БЕРГЕНС. Достоверно играет?

АНТУАН. Не отличишь.

ДОРИАН. Я наложил немного грима.

АНТУАН. Похож. У меня даже волосы от страха шевелятся.

(Входит ЭЛИЗА в траурном одеянии.)

БЕРГЕНС. Мои соболезнования, мадам.

ЭЛИЗА. Спасибо, Бруно.

БЕРГЕНС. И от супруги моей... Она так убивается.

ЭЛИЗА. Вы оба хорошие люди.

БЕРГЕНС. И вся наша улица.

АНТУАН. Да что уж там. Все мы не можем поверить.

БЕРГЕНС *(твердо)*. А я вот верю!

(Элиза удивленно смотрит на Бергенса.)

БЕРГЕНС (*опомнившись*). ...А я вот верю, что супруг ваш обязательно попадет в рай.

АНТУАН. Редкой души был человек.

ДОРИАН. А какой мастер был на выдумки.

БЕРГЕНС. Это у него не отнять.

ЭЛИЗА. А вот завещание за своими выдумками оставить не удосужился. (*Вытирает слезы платочком.*)

ДОРИАН. Легкомысленность. Но и его можно понять – разве он знал.

ЭЛИЗА. Это у них, Бергенсов, наследственное. Папаша умер без завещания и несерьезно – прямо у своей девки. Мы три года с родственники судились. Этот, слава богу, хотя бы дома.

АНТУАН. Мадам, напрасно вы так о Теодоре Эмильевиче. Я сам видел, как он писал завещание.

ЭЛИЗА. Писал?

АНТУАН. Не знаю, заверил ли у нотариуса или нет. Но писал своей рукой... вот на этом столе.

ЭЛИЗА. Не может быть!

АНТУАН. Попивая винцо...

ЭЛИЗА. А вот это похоже на правду.

АНТУАН. Еще меня спрашивал: Антуан, а как ты смотришь, если я и тебя включу в завещание? А я ему, побойтесь бога, Теодор Эмильевич! Вы что, меньше меня жить собираетесь?

ЭЛИЗА. А он?

АНТУАН. Только рукой махнул. Э, говорит, деревня!

ЭЛИЗА. И где?.. Где эта бумага?

АНТУАН. Не знаю. Он ее писал, переписывал, вычеркивал, что-то вставлял. На следующий день снова над ней работал. Он ведь с детства хотел стать писателем. Вот и писал.

ЭЛИЗА. И все своей рукой?

АНТУАН. Так он другими частями и не может.

ЭЛИЗА. Прямо камень с души свалился.

БЕРГЕНС. Я намедни молоко приносил, так он тоже этой бумагой занимался.

ЭЛИЗА. Завещанием?

БЕРГЕНС. А то чем же. Говорит, над третьим вариантом работаю. Мне эти листы показал. Все исписано, и все по-разному.

ЭЛИЗА. Хороши дела! А даты хоть ставил?

БЕРГЕНС. Не могу знать – глазами слабоват. Смотрел издалека.

АНТУАН. Да не волнуйтесь, мадам. Найдем все три варианта. Что мы, в лесу живем? Чай не иголка. Всего одиннадцать комнат.

ЭЛИЗА (*Антуану*). Это дело нешуточное. Понятно, сейчас не время... отпевание... погребение... Но народу придет, как на свадьбу, придется расселять по всему дому. Так что лучше завещание найти сегодня. А то как бы чего не вышло.

АНТУАН. Прямо сейчас и займусь. Слава богу, теперь ме-

ня некому дергать по пустякам.

БЕРГЕНС. Будто бы Теодор Эмильевич тебя дергал. Твой хозяин был серьезным человеком. Вчера, например, спрашивал меня, как здоровье? Что думаешь о ценах? По мелочам никого не дергал.

АНТУАН. Да тебе-то откуда его знать? Ты пришел и ушел... а нам тут доставалось, не при покойнике будет сказано... Прости господи, что вырвалось.

ДОРИАН. Да-да, Антуан, придержи язык.

БЕРГЕНС. Очень, очень некрасиво. Если б Теодор Эмильевич знал, что о нем говорить станут, он бы лет на пять раньше умер!

АНТУАН. А доктор зачем? Он и не таких больных поднимал.

БЕРГЕНС. Доктор... Я вон паровоз поднимал.

ЭЛИЗА. Паровоз?

БЕРГЕНС. Поднимал... Но не поднял.

АНТУАН. Напрасно вы, Бруно, так о докторе Дориане. Вы бы ему лучше свое колено показали. А то шатаетесь, как пьяный маятник.

БЕРГЕНС. Да я уж у каких только докторов не бывал.

АНТУАН. Кругом одни шарлатаны. А уважаемый доктор Дориан – специалист. Целитель от бога. Дориан, посмотрите горемычного.

ДОРИАН. Посмотреть можно. *(Подходит к Бергенсу.)* В какой руке бидон с молоком носишь?

БЕРГЕНС. Вот в этой.

ДОРИАН. Неправильно. Нагрузка на больную ногу. А ну, покажи колено. *(Сдавливает Бергенсу ногу.)*

БЕРГЕНС. Ой!

ДОРИАН. Подними ногу.

(Бергенс поднимает ногу.)

ДОРИАН. Ну как? Легче?

БЕРГЕНС. И правда... немного легче.

ДОРИАН. Немного, или совсем не болит?

БЕРГЕНС *(делая несколько шагов)*. Не болит... как новая!.. *(Слегка пританцовывает.)*

АНТУАН. А ты говорил! Да наш доктор Дориан и мертвого из гроба поднимет... хоть сейчас...

БЕРГЕНС. Не надо. *(Опомнившись.)* То есть, когда я помру – не надо мешать моей встрече с ангелами.

ДОРИАН. Хорошо. Не буду. А уж с кем вы там встретитесь, не мое дело.

ЭЛИЗА. Бруно. Погребение назначено на завтра. Приходите с Катрин. Теодор очень уважал вашу семью.

БЕРГЕНС. А чего ж не прийти, особенно теперь, когда нога работает. Обязательно придем. *(Уходит.)*

АНТУАН *(вослед)*. И Катрин не забудьте.

ЭЛИЗА. Антуан, пока есть свободная минута, пойдем в кабинет Теодора, поищем завещание.

АНТУАН. Конечно. Сейчас самое время.

(Элиза строго смотрит на Антуана – не осуждают ли ее?)

АНТУАН. Чернила уже хорошо подсохли.

(ЭЛИЗА и АНТУАН уходят в правую дверь. Дверь «покойницей» слегка приоткрывается. БРУНО выглядывает, затем выходит. Одет молочник с иголки, в стиле «образцовый покойник».)

ДОРИАН *(заметив Бруно)*. Ты что?! А ну, быстро на место!

БРУНО. Господин доктор, нога затекла, мочи нет лежать.

ДОРИАН. Дубина, тебя здесь могут увидеть.

БРУНО. Я немного... расхожусь и обратно. Колено болит.

ДОРИАН. Оно у тебя, кстати, уже здоровое. Ты об этом еще просто не знаешь.

БРУНО. Не шутите, доктор.

ДОРИАН *(услышав шум в коридоре)*. Тихо! Кто-то идет!
(Заталкивает Бруно за штору.)

(Входит агент погребальной службы ПЬЕР с блокнотом в руках.)

ПЬЕР. Мои соболезнования. (*Представляется.*) Пьер – агент погребальной службы.

ДОРИАН. Доктор Дориан. Но погребение назначено на завтра.

ПЬЕР. Я знаю. Но мне необходимо посмотреть на покойника сегодня. Он там? (*Указывает на дверь.*)

ДОРИАН. Извините, посещения запрещены.

ПЬЕР. Я только на минутку. Прикину рост.

ДОРИАН. Да вы что, Бергенса не видели? Среднего роста, примерно, как я.

ПЬЕР. Но мне надобна точность. Вдруг не поместится.

ДОРИАН. Не смешите. Как это не поместится?

ПЬЕР. Знаете, всякие случаи бывали.

ДОРИАН. Да прекратите вы! Вроде я первый день живу! Помните, к нам цирк шапито приезжал... летом.

ПЬЕР. Помню. Там еще две акробатки были...

ДОРИАН. Вот, вот... именно акробатки. А помните, как одна из них, беленькая, свернулась так, что в чемодан уместилась?

ПЬЕР. Помню. Ловко она...

ДОРИАН. Ее еще коверный в этом чемодане унес.

ПЬЕР (*мечтательно*). Да-а-а, исключительная девица... (*Деловым тоном.*) Но здесь другой случай. Так какой его рост, говорите? (*Склоняется над блокнотом.*)

БРУНО (*из-за шторы*). Метр семьдесят два.

ПЬЕР (*поднимая голову*). Что вы сказали?

ДОРИАН (*откашливается*). Метр семьдесят два. Но лучше для подстраховки сантиметров десять прибавить.

ПЬЕР (*удивленно*). Зачем?

ДОРИАН (*доверительно*). Между нами... покойник не любил ничего тесного. Так что напишите метр восемьдесят два. Это его завещание.

ПЬЕР. Чье?

ДОРИАН. Покойного. У него все до последней пуговицы расписано.

ПЬЕР. О-о-о! Это все меняет. Тогда мне надо познакомиться с документом. Последняя воля усопшего для нас закон.

ДОРИАН. Вот эту бумагу сейчас как раз ищут. А может, уже и нашли. Спросите у вдовы, она в тех комнатах. (*Выпроставивает Пьера в сторону правой двери. Секунду выжидает, подходит к шторе, отодвигает ее.*) Бруно, размял свои мощи? Бегом на рабочее место!

БРУНО. Господин доктор, я не согласен.

ДОРИАН. С чем не согласен?

БРУНО. Хоронить уговора не было.

ДОРИАН. Да кто тебя хоронит?

БРУНО. Ну, парень... гробовщик. Я эту публику знаю. У них конкуренция похлеще, чем у нас, молочников.

ДОРИАН. Причем здесь конкуренция?

БРУНО. Эти не отступят – живого закопают!

ДОРИАН. Что ты мелешь?! Где ты видел, чтобы живых

хоронили? Бегом на место. И лежи до темна смирно.

(Бруно уходит в «мертвецкую», по дороге ворчит.)

БРУНО. Хоронить живого уговора не было. И цветы уберите, я от них чихаю.

ДОРИАН *(вослед)*. Ночью уберем. А пока вату затолкай в нос.

(Входит Антуан.)

ДОРИАН. Ну что, завещание нашел?

АНТУАН. Да как его найдешь, если оно не написано?

ДОРИАН. Но ты же сказал...

АНТУАН. Мало ли что я сказал. Вы вон тоже сказали, что Бергенс умер, а он молочко попивает. А мы тут за него отдувайся!

ДОРИАН. Не говори. Но все равно задаток мы получили, дали слово. Это дело чести.

АНТУАН. Это вы получили, а я бесплатно... Ну... почти бесплатно.

ДОРИАН. Ничего себе почти! Быстренько беги к Бруно!.. *(Антуан направляется в сторону покойника. Дориан останавливает его.)* К нынешнему Бруно, а не к умершему.

БРУНО *(из комнаты)*. Ничего я не умер. И все слышу.

ДОРИАН *(в сторону дверей)*. Молчи, дуралей! *(Антуан)*

ну.) Беги. И пусть он напишет свое последнее слово.

АНТУАН. Это правильно. Так и сделаем. (*Убегает.*)

ДОРИАН (*вослед*). И пусть включит нас с тобой. Посмотрим, как они уважают медицину. (*Подходит к комнате «покойника», открывает дверь, грозит пальцем.*) Смотри мне! Ни малейших признаков жизни. Анабиоз!

БРУНО. Что?.. Какой абиоз?

ДОРИАН. Э-э-э, да что с тобой говорить. Лежи, будто напился. (*Закрывает дверь.*)

(*Нерешительно входит КАТРИН с корзинкой в руках.*)

ДОРИАН. Тебе чего?

КАТРИН. Я Катрин, жена Бруно.

ДОРИАН. Знаю. Ну и что? Тебе ведь объяснили, что умер он временно.

КАТРИН. Я понимаю. Но все равно и в гробу кушать хочется.

ДОРИАН. Не помрет. Он только и делает, что жует.

КАТРИН. Он обожает жаркое. Я принесла немного.

ДОРИАН. Жаркое не то что покойнику, а и здоровому вредно.

КАТРИН. Доктор, я еще взглянуть на него хочу.

ДОРИАН (*ворчииво*). Вас хлебом не корми, дай на мертвого мужа полюбоваться. Иди, но не долго.

(Катрин входит в «мертвецкую». Раздается дверной звонок. Осторожно входит ЖАННА.)

ДОРИАН. Жанна! Как вы посмели?!

ЖАННА. Я только взглянуть последний разок.

ДОРИАН. Нет! Такого я еще не видел! Любовница заявляется в семью усопшего!

ЖАННА. Я на секунду.

ДОРИАН. А вы подумали, что о вас скажут, если застанут здесь?

ЖАННА. А мне все равно. Я любила его, а он любил меня.

(Из «мертвецкой» слышатся женские крики. Дориан открывает дверь и сразу же закрывает ее.)

ДОРИАН. Господи!

ЖАННА. Что там?

ДОРИАН. Жена убивается.

ЖАННА. Элиза?

ДОРИАН. Да, она. Вам лучше спрятаться. *(Заталкивает Жанну за штору.)*

(Из «мертвецкой» выходит растрепанная и счастливая КАТРИН.)

КАТРИН *(радостно)*. Я его не узнаю. Это было что-то

немыслимое.

ДОРИАН (*скорбно*). С переходом в мир иной люди меняются. Я понимаю вашу скорбь.

(КАТРИН уходит. ЖАННА выходит из-за шторы.)

ЖАННА. Мне так жалко бедняжку. (*Направляется в «мертвецкую»*)

ДОРИАН (*преграждая путь*). Нельзя!

ЖАННА. Но почему?

ДОРИАН. Пусть приведет себя в порядок...

ЖАННА. ???

ДОРИАН. ...Перед встречей с Всевышним.

ЖАННА. Я только его поцелую.

ДОРИАН (*в сторону*). Этот Бруно, кажется, неплохо устроился.

(*Слышатся звуки внутри дома. Дориан заталкивает Жанну за штору. Входит АНТУАН с бумагой в руке.*)

АНТУАН. Сначала не хотел составлять. Но потом разошелся, и обещал, если понадобится, сделать и другие варианты.

ДОРИАН. И чем же он так занят, наш... молочник?

АНТУАН. Не поверите... молочницей. Без остановки...

ДОРИАН. Тихо! Это что-то немыслимое!

АНТУАН. Она именно так и говорит. Вот завещание.

ДОРИАН (*опасливо оглядываясь на штору*). Чье завещание?

АНТУАН. Его. (*Вынимает из кармана лист бумаги.*)
Учудил, половина всего своего состояния завещал... кому бы вы думали?..

(*Дориан подносит палец к губам, призывая к осторожности. Антуан понятливо кивает. Говорит тише, но так, что Жанна за шторой все слышит.*)

АНТУАН. Не поверите... Этой вертихвостке Жанне.

(*Дориан от безысходности садится на стул.*)

АНТУАН (*приняв его реакцию за разочарование*). Не огорчайтесь, доктор. И нас тоже упомянул – по одной четвертой.

ДОРИАН. А дату поставил?

АНТУАН. Все как положено. Сегодняшним числом.

ДОРИАН. А умер вчера!

АНТУАН. Совсем, видать, голову потерял с новой подружкой.

(*Из-за шторы выходит ЖАННА.*)

ЖАННА. С какой еще новой подружкой?

ДОРИАН (*Антуану*). Знакомься, основной наследник — Жанна.

АНТУАН (*оторопело*). Да мы... знакомы. Встречались.

ЖАННА. И какая у него теперь новая подруга?

ДОРИАН. Мадмуазель, будто вы не знаете, как зовут подругу всякого умершего мужчины?

ЖАННА. И как она выглядит?

ДОРИАН. Вам бы лучше ее не встречать.

ЖАННА. Вы о ком?

ДОРИАН. О смерти! О смерти, голубушка.

ЖАННА. Но вы сказали, что мне полагается половина состояния Теодора Эмильевича.

ДОРИАН. С чего вы взяли?

ЖАННА. Я слышала.

АНТУАН. Но почему вы решили, что речь идет о моем хозяине?

ЖАННА. Тогда о ком?

АНТУАН. Можно подумать, что Теодор Эмильевич был единственным вашим... другом.

ЖАННА. А я и не утверждаю этого.

ДОРИАН. И все они смертны.

АНТУАН. Так что, пробегите по адресам, и узнайте, который из них... дезертировал.

ДОРИАН. А наш покойник вам ничего не оставил...

АНТУАН. ...Кроме приятных воспоминаний.

ЖАННА. В таком случае он настоящая свинья! После

этого и видеть его не хочу! (*Уходит.*)

ДОРИАН (*кивая в сторону «мертвецкой»*). У Бруно сорвалось очередное свидание.

БРУНО (*из-за двери*). Кто это был?

ДОРИАН. Лежи! Она молоко не пьет. (*Антуану.*) Беги назад, пусть перепишет, и поставит правильную дату. И скажи, что Жанна обозвала его свиньей.

АНТУАН. Он не поверит. После того, что оставил ей половину состояния.

ДОРИАН. Скажи, она негодует, почему не все?

АНТУАН. А вот это правильно. Тогда он ее совсем вычеркнет. Тем более что появилась молочница.

(*Дориан таращит глаза, стучит себя по лбу, указывает в сторону «мертвецкой»*).

АНТУАН. ...Появилась семья нашего уважаемого Бруно.

ДОРИАН. Вот именно. Пусть подумает и об ее будущем.

АНТУАН. Я мигом. (*Убегает.*)

(*Входит ЭЛИЗА.*)

ЭЛИЗА (*принюхивается*). Здесь пахнет женскими духами. Я всегда их слышала, когда Теодор приходил с собрания акционеров.

ДОРИАН. Ничего удивительного. Сейчас все больше жен-

щин занимается бизнесом.

ЭЛИЗА. Знаю я их бизнес. Завещание нашли?

ДОРИАН. Антуан побежал... искать.

(Входит ЭДВАРД. Одет со вкусом, соответственно слушаю. В его руках венок.)

ЭДВАРД. *(Прислоняет венок к стене)*. Элиза, мои соборезнования.

ЭЛИЗА *(бросается Эдварду на грудь)*. Эдвард!..

ЭДВАРД. Все-все... не плачь... Он уже в лучшем из миров.

(Дориан во время этой сцены загоразживает дверь «мертвецкой» венком.)

ЭЛИЗА *(Дориану)*. Доктор, помогите Антуану найти завещание.

ДОРИАН. Да-да, конечно. *(Уходит.)*

ЭДВАРД. Так неожиданно. Я думал, это никогда не кончится.

(Элиза достаточно быстро справляется с приступом отчаянья.)

ЭЛИЗА. Он и сам ничего не подозревал. Даже завещание

толком не оформил.

ЭДВАРД. Он всегда был легкомысленным человеком. Но теперь мы наведем в делах порядок. Я столько ждал этой возможности.

ЭЛИЗА. Спасибо, что был терпелив.

ЭДВАРД. Любить с юности и не иметь возможности быть рядом с тобой! Господь нас услышал.

ЭЛИЗА. Весь дом не может найти завещание.

ЭДВАРД. Я сомневаюсь, что оно вообще существует. Не с его характером жить и умирать по правилам. Но тебе завещание и не требуется. Ты его супруга, стало быть – единственная и законная наследница.

ЭЛИЗА. Но Теодор писал его. Антуан и молочник видели это.

ЭДВАРД. О-о-о, это не проблема! Человек так устроен, что в нужный момент всегда может забыть мелкие детали. Плохая память даже в суде не считают преступлением.

ЭЛИЗА. Ты меня успокоил.

ЭДВАРД. Если не возражаешь, ответственность за потерю памяти у Антуана и молочника я беру на себя.

ЭЛИЗА. Я во всем полагаюсь на тебя. Будь распорядителем в это тяжелое для нас время.

ЭДВАРД. Только в это?

ЭЛИЗА. И во все остальное. *(Целует Эдварда в щеку.)* Но поначалу мы должны соблюдать приличия.

(Вбегает АНТУАН с бумагой в руках.)

АНТУАН *(с порога)*. Доктор Дориан... *(Осекается.)*

ЭДВАРД. Антуан, что вы скачите, как на ипподроме?!

Все-таки в доме покойник.

АНТУАН. Извините.

ЭЛИЗА. Ты нашел его?

АНТУАН. Да. Лежало на нижней полке под справочником... по коневодству.

ЭДВАРД *(осуждающе качает головой)*. Для такого документа мог бы воспользоваться Библией. Что он там изобразил? *(Протягивает руку.)*

АНТУАН *(отдавая лист)*. Не знаю. Не в наших правилах читать чужие бумаги.

(Эдвард читает завещание. Элиза заглядывает сбоку, поднимаясь на носочки. Эдвард невозмутимо рвет бумагу на клочки.)

ЭДВАРД. Ерунда какая-то. Подпись не разборчива, и не заверена. Нет сомнения, что эта бумага сфабрикована.

АНТУАН. Как сфабрикована?! Я сам видел, как он только что писал.

ЭЛИЗА. Только что?..

АНТУАН *(опомнившись)*. Писал... а сам... только что ни плакал. Еще и приговаривал: «А я ей так доверял! Вычерки-

ваю полностью!»

ЭЛИЗА (*испуганно*). Кого?

ЭДВАРД. Не волнуйся, какую-то Жанну. В завещании так и было написано: Жанне оставляю только воспоминания.

ЭЛИЗА. А остальное?

ЭДВАРД (*указывая на Антуана*). Остальное ему и доктору... как его?

ЭЛИЗА. Дориану?

ЭДВАРД. Да, кажется так. Какому-то Дуреману.

ЭЛИЗА. Не может быть! Он сошел с ума.

ЭДВАРД. Скорее всего, да. Инсульт, помутнение рассудка и вечная блаженная жизнь на небесах.

АНТУАН. Извините...

ЭДВАРД. Ну уж нет, Антуан! Это ты извини! Не собираешься ли ты учить меня, нотариуса, определять законность завещания? У вас есть где-либо собственный домишко?

АНТУАН. Откуда у меня домишко?

ЭДВАРД. Тогда не понимаю, зачем вы спорите? Хотите и дальше оставаться в этом доме – ведите себя прилично. И передайте доктору, что неожиданная смерть здорового человека после его лекарств и появление, с позволения сказать... этого завещания, приведет его прямиком на каторгу.

АНТУАН. Да он и не лечил Теодора Эмильевича.

ЭДВАРД. А вот этот факт еще более усугубляет его положение. И на каторгу он отправится не один, а со своим сообщником, упомянутым в завещании.

ЭЛИЗА. Теперь ты видишь, Антуан, от какой беды вас оберегает Эдвард?

АНТУАН. Спасибо, господин нотариус. До конца жизни буду вспоминать вас...

ЭДВАРД. ...Добром.

АНТУАН. Да-да, недополученным добром... В смысле, с детства недополученным добром от отца и матери.

ЭДВАРД (*Антуану*). А где сейчас этот врачеватель-убиватель?

ЭЛИЗА. Где-то неподалеку.

ЭДВАРД. Я хотел бы его видеть.

АНТУАН. Он, кажется, в кабинете.

ЭЛИЗА. Пойдем, я покажу.

(ЭЛИЗА и ЭДВАРД уходят. В другую дверь входит ДОРИАН.)

АНТУАН. Привет каторжанам. Вас, кажется, ищут.

ДОРИАН. Ты о чем? Кто ищет?

АНТУАН. Пока еще не полиция. Но это пока.

ДОРИАН. Что случилось?

(Антуан шепчет на ухо Дориану. Тот в прострации садится на стул. Затем неожиданно вскакивает.)

ДОРИАН. Все! Пора положить этому конец! (*Убирает ве-*

нок от двери «мертвецкой», отворяет ее, кричит.) Бруно!
Хватит валяться без дела! Совесть надо иметь. Погостил –
и будет!

(Из «мертвецкой» выходит БРУНО, потягивается.)

БРУНО. Извините, доктор, заснул. Бог знает что снилось!

ДОРИАН. Бруно, спектакль закончен! Можешь отпра-
вляться домой.

БРУНО. Наконец-то.

ДОРИАН. Иди, иди. И первое время поменьше хромай.

БРУНО. Постараюсь, доктор. *(Топчется на месте.)*

ДОРИАН. Чего стоишь?!

БРУНО. Доктор, а остальное?..

ДОРИАН. Что остальное?

БРУНО. Ну... остальное. Задаток я получил... Теодор
Эмильевич сказал, что пятьсот франков сразу... после всего.

БРУНО. Да ты что, с ума спятил?! Полдня поспал, и тебе
пятьсот франков?! Я за прием беру восемьдесят.

БРУНО. Э-э-э, так не пойдет! Мы люди бедные. Бесплат-
но спать себе позволить не можем.

ДОРИАН. Да нет у меня пятьсот франков! Потом.

БРУНО. Знаю я ваше потом. Пока не заплатите, никуда
не уйду.

(Входит ЭЛИЗА.)

ЭЛИЗА. Бруно, какой вы нарядный! Не будь вы женаты, я бы в вас влюбилась. А где ваша супруга?

БРУНО. Она... она сейчас блины печет. Но обещала прийти на отпевание.

ЭЛИЗА. Доктор Дориан, вас ищет друг нашей семьи нотариус Эдвард.

АНТУАН (*Дориану*). Доктор, соглашайтесь со всем, а то как бы чего не вышло.

ЭЛИЗА. Да... в вашем положении лучше не спорить.

(ЭЛИЗА и ДОРИАН уходят.)

АНТУАН. И что нам делать?

БРУНО. Обнаковенно в порядочных домах расплачиваются.

АНТУАН. Ничего не знаю. Я тебе денег не обещал.

БРУНО. В таком случае я и дальше буду лежать пока не получу свое. (*Уходит в «мертвецкую».*)

АНТУАН (*вослед*). Смотри, долежишься, пока закопают!

БРУНО. Ничего. Я все слышу. А за прилюдное воскрешение возьму с доктора еще пятьсот франков.

(Входит БЕРГЕНС в ветхой одежде молочника.)

БЕРГЕНС. Что здесь за шум?

АНТУАН. Бруно требует дополнительно пятьсот франков за воскрешение.

БЕРГЕНС. Какое воскрешение?

АНТУАН. Доктор Дориан распорядился его оживить.

БЕРГЕНС. Не с его способностями. Он специализируется на другом. И вообще, в этом доме командую я.

БРУНО (*появляясь в дверях*). Вот и я им говорю...

БЕРГЕНС (*Бруно, строго*). Что еще за самодеятельность?! Почему поднялся раньше срока?!

БРУНО. Так ведь доктор сказал...

БЕРГЕНС. Я этого доктора рядом с тобой уложу! Где это видано – покойник не спросясь выходит из гроба?!

БРУНО (*уходит, недовольно ворча*). Голову морочите... то вставай, то лежи... В следующий раз попросите умирать, деньги наперед возьму.

БЕРГЕНС (*вослед*). А тебя кормят здесь?

БРУНО (*хмыкает*). Так... чтобы только не умер.

БЕРГЕНС (*Антуану*). Кормить, как на убой! И бутылочку винца поднесите. Не всем нравится отдыхать в гробу.

АНТУАН. Сделаем. (*Загораживает дверь «мертвецкой» венком.*)

БЕРГЕНС. А теперь расскажи, как встретили мое новое завещание?

АНТУАН. Наплевательски.

БЕРГЕНС. Это как понимать?

АНТУАН. Порвали на кусочки.

БЕРГЕНС. Элиза?

АНТУАН. Эдвард... ее дружок. Сказал, что бумага не имеет юридической силы.

БЕРГЕНС. Что ты говоришь?!

АНТУАН. Это он так говорит.

БЕРГЕНС. Ах ты, мерзавец! Где он сейчас? Я ему покажу!

(Входит ЭЛИЗА и ЭДВАРД.)

ЭЛИЗА *(Бергенсу)*. О-о-о, Бруно! Вы уже опять переоделись?

ЭДВАРД *(Элизе)*. Что это за тип? Что ему надо?

ЭЛИЗА. Это наш молочник. Бруно, что вы хотели?

БЕРГЕНС. Э-э-э... мы...

ЭДВАРД. Перестань мычать! Ты не в коровнике. Что тебе надо? На, возьми наперед. *(Кладет деньги в карман Бергенсу и выпроваживает его в дверь.)* Теперь не до тебя! *(Элизе.)* Я уверен, сейчас чередой пойдут сапожники, часовщики и прочие жулики. И все они станут уверять, что усопший им задолжал. Направляйте их ко мне.

ЭЛИЗА. Спасибо, Эдвард.

ЭДВАРД. А приедут родственники – им тоже не потакать! Хотят плакать, пусть плачут сколько угодно. А завещания – не было и нет! Вы единственная законная наследница. *(Антуану.)* Это надо же, что удумали с доктором!

АНТУАН. Да мы не претендуем...

ЭДВАРД. На виселицу вы претендуете!

(Входит кредитор МАРКУС с портфелем в руках.)

МАРКУС. Добрый день.

ЭДВАРД. Добрее некуда. Здравствуйте.

МАРКУС. Где я могу видеть господина Бергенса?

ЭДВАРД. Бергенса? Боюсь, что увидите его не скоро.

ЭЛИЗА. Он в той комнате.

ЭДВАРД *(Маркусу)*. Зачем он вам нужен?

МАРКУС. Это конфиденциально.

ЭДВАРД. И все-таки?

МАРКУС. Я представитель банка. Вчера истек срок погашения кредита, а деньги нашему банку до сих пор не возвращены.

ЭДВАРД. Ну вот! Я же говорил! Еще один мошенник!
(Маркусу.) Немедленно выметайтесь вон!

МАРКУС. С кем имею дело?

ЭДВАРД. Распорядитель имущества покойного Бергенса.
А это его вдова.

МАРКУС. Покойного?

ЭДВАРД. А что, по-вашему, он забрался в гроб, чтобы нас посмешить?

МАРКУС. Так он умер?

ЭДВАРД. Несомненно! Как то, что я живой.

МАРКУС. Приношу свои соболезнования. Это меняет де-

ло... Но не кардинально. Где я могу видеть его наследников?

ЭДВАРД. Вот она перед вами – его супруга.

МАРКУС. Мадам, еще раз мои соболезнования. Но я вынужден поставить вас в известность, что ваш супруг полгода назад взял в нашем банке крупную сумму. И кредит до сих пор не погашен. За нами остается право взыскать его долг с наследников.

ЭДВАРД. Это что ж получается?! Он взял деньги и ушел с ними на тот свет?!

ЭЛИЗА. Зачем ему деньги на небесах?

МАРКУС. Я не знаком с привычками вашего супруга. И не намерен вникать в детали. Но самое позднее через две недели наш банк начнет процедуру взимания долгов. (*Вынимает лист бумаги из портфеля.*) Распишитесь, что вы уведомлены о задолженности.

ЭДВАРД (*Элизе*). Ничего не подписывай.

МАРКУС. Это ваше право. Но я уведомил вас при свидетелях. (*Антуану.*) Как ваше имя?

АНТУАН (*притворяясь глухим*). Что вы сказали?..

МАРКУС (*кричит*). Ваше имя?!

АНТУАН. Что?! Я плохо слышу... И не знаю никаких долгов!

МАРКУС (*раздраженно*). Хорошо! Но это ничего не меняет. До встречи в суде. И еще раз мои соболезнования. (*Уходит.*)

ЭЛИЗА. Эдвард, объясни, что все это значит?

ЭДВАРД. Дорогая, вероятно, все очень плохо. Если у банка есть закладная, они рано или поздно получат свое.

ЭЛИЗА. Что именно?

ЭДВАРД. Ну... не знаю... Этот дом, издательство... другие активы.

ЭЛИЗА. И ничего нельзя сделать?

ЭДВАРД. Боюсь, что нет. Эх, если бы его оживить...

ЭЛИЗА. О чем ты говоришь?

ЭДВАРД. Это я так... гипотетически. Тогда бы его засадили в тюрьму, не прикасаясь к имуществу.

ЭЛИЗА. Кого засадили?

ЭДВАРД. Должника! По нашим законам всего на два года. Потом, как правило, амнистия. Многие жулики именно так и поступают. Сначала нары, а потом Канары.

ЭЛИЗА. И почему Теодор так рано умер? Он мог бы еще столько лет наслаждаться жизнью!

(Входит ДОРИАН.)

ДОРИАН *(Эдварду)*. Мое почтение.

ЭДВАРД *(Элизе)*. Кто это?

ЭЛИЗА. Доктор Дориан.

ЭДВАРД. А-а-а, беглый отравитель.

ЭЛИЗА *(представляет Эдварда)*. Это Эдвард, друг нашей семьи. Любезно согласился взять на себя хлопоты по организации похорон.

ЭДВАРД (*Дориану*). Свидетельство о смерти оформлено?
ДОРИАН. Нет, но это займет нескольких минут.

ЭДВАРД. Отставить! Ничего не надо. наших предков хоронили без всяких бумажек.

ДОРИАН. Да я и не настаиваю...

ЭДВАРД. Правильно и делаете. С этим свидетельством можно так вляпаться...

ДОРИАН. И не говорите...

ЭДВАРД. Напишешь, а он возьмет да и оживет.

АНТУАН. Да как это можно?

ЭЛИЗА. Если Эдвард говорит, что можно, значит можно.

ЭДВАРД. (*Антуану и Дориану*). Вот что, дорогие мои кандидаты на виселицу. Ее супруг (*указывает на Элизу*), в завещании, вернее, в путевке на каторгу, почему-то упомянул вас.

ДОРИАН. Вы нас подозреваете?

ЭДВАРД. Я уверен. Но решил не губить ваши растленные души. Фальшивое завещание порвано, и у вас появилась возможность для раскаянья.

АНТУАН. Да мы не виноваты.

ЭДВАРД. Полностью обвинения будут сняты, когда Бергенс... оживет.

ДОРИАН. Э-э... Вы не исключаете такую возможность?

ЭДВАРД. Да. И это не возможность, а необходимость.

ДОРИАН. Извините, я вас плохо понимаю.

ЭДВАРД. Ваш компаньон по умерщвлению хозяина это-

го дома (*указывает на Антуана*), вам расскажет детали. Посмотрите, как радуется, что избежал петли!

АНТУАН. А я что... Я не радуюсь.

ЭДВАРД (*угрожающе*). Не радуешься?!

АНТУАН. Что вы! Напротив, очень рад.

ЭДВАРД. Так-то лучше. Надо срочно подыскать Бергенсу замену.

ЭЛИЗА. В каком смысле?

ЭДВАРД. Уложить на место покойника кого-то здорового, и пусть он оживет.

ДОРИАН (*глубокомысленно*). Над этим надо подумать...

ЭДВАРД. Вот и думайте! Если хотите увеличить клиентуру, лучшего способа, чем оживит покойника, не придумали.

ДОРИАН. А потом?

ЭДВАРД. Значит, вы согласны? Доктор, вы хорошо сообщаете. А потом недавний покойник отправится в тюрьму.

ДОРИАН. Покойник?!

ЭДВАРД. Нет. Покойник – в рай, или куда там ему положено по разнарядке. А человек, изображающий воскресшего Бергенса – в долговую тюрьму.

ДОРИАН. За то, что воскрес?

ЭДВАРД. Господи! Антуан вам все расскажет. Ваша задача – найти подходящего кандидата и привыкать к титулу великого целителя. Согласитесь, это лучше, чем звание отравителя?

ДОРИАН. Но кто добровольно согласится на тюрьму?

ЭДВАРД. Всего на два года. А затем его ожидает долгая безбедная жизнь. А разве все мы не находимся в тюрьме у работодателей, чтобы потом иметь, заметьте, сомнительную возможность отдохнуть на пенсии.

АНТУАН. Я думаю, с таким предложением можно обратиться к Бруно.

ЭДВАРД. Кто это?

ЭЛИЗА. Молочник. Ты его видел.

ЭДВАРД. А, этот. *(Делает несколько шагов, изображая хромоту.)*

АНТУАН. Мне показалось, он очень покладистый малый.

ДОРИАН *(словно раздумывая)*. И в самом деле. В камере ему не придется нагружать большую ногу.

ЭДВАРД. Вот и займитесь этим. Разумеется, его двухлетний отдых будет достойно оплачен. *(Элизе.)* А сейчас срочно отбей телеграммы родственникам. Пусть сдают взятые в аренду сюртуки и выпьют за здоровье Бергенса.

ЭЛИЗА. Но они не поймут...

ЭДВАРД. Если они родственники Бергенса, то давно привыкли к его выходкам. Сообщи, что он хотел посмотреть, как родня встретит известие о его кончине. Так и быть, телеграммы отправим вдвоем. *(Эдвард и Элиза уходят.)*

АНТУАН. Везет же этому Бруно – деньги так и сыплются.

ДОРИАН. Да. Сначала покойник, а теперь каторжник.

АНТУАН. Но для вас лучше не придумаешь. Вместо отравителя сделались великим целителем.

(Входит БЕРГЕНС в ветхой одежде молочника.)

БЕРГЕНС *(весело)*. Господа, как поживает наш покойничек? Не жалуется ли на подушку из стружек?

АНТУАН. Угомонился. Кажется спит.

БЕРГЕНС. А я принес новое завещание. Уж его этот мерзавец не порвет – заверено у нотариуса.

ДОРИАН. У Эдварда?

БЕРГЕНС. Можно подумать, в городе только один продажный нотариус.

АНТУАН. И кому достается ваше состояние?

БЕРГЕНС. Молочнику Бруно. Все до последней копейки.

ДОРИАН. А ваши долги?

БЕРГЕНС. О-о-о, долги – это мелочь! Я в любую минуту мог бы их погасить, но считаю это неразумным. Никогда не давай в долг, а если взял, то никогда не возвращай! Первая заповедь всякого порядочного бизнесмена.

ДОРИАН. А долговая тюрьма?..

БЕРГЕНС. ...На покойников не распространяется.

ДОРИАН. Но когда-то вы оживете?

БЕРГЕНС. Разумеется. Я не гусар, стреляться из-за мелких долгов. Но когда я оживу, у меня с вашей помощью на руках будет свидетельство о смерти. А с этой бумагой я смогу судиться с кредиторами до настоящей моей кончины.

АНТУАН. Гениально!

БЕРГЕНС. Разумеется, если сильно прижмет, то придется заплатить. Но ладно. Мне некогда. Катрин недовольна, когда я отлучаюсь надолго. Завтра забегу, посмотрю, как они встретят нового наследника. *(Смеется, направляется к двери.)*

ДОРИАН *(вослед)*. Погодите, тут...

БЕРГЕНС. Все. Некогда. До завтра. *(Убегает.)*

(Входят ЭЛИЗА и ЭДВАРД.)

ЭЛИЗА. Доктор, вы поговорили с молочником? Нам сказали, что он только что был здесь.

ДОРИАН. Нет.

ЭДВАРД. Почему?

ДОРИАН. Не осмелился...

ЭДВАРД. ...Побеседовать с молочником?

ДОРИАН. Полагаю, что теперь он не позарится на ваше заманчивое предложение посидеть в тюрьме. Вот. *(Протягивает новое завещание.)* Только что нашли в кабинете Теодора Эмильевича.

(ЭДВАРД читает завещание, потрясенный садится на стул.)

ЭЛИЗА. Что там?

ЭДВАРД. Все свое имущество передал...

ЭЛИЗА. Кому?

ЭДВАРД. Молочнику! Хромому молочнику!

АНТУАН. Он теперь, благодаря доктору Дориану, не хро-
мает.

ЭДВАРД. И заверено у нотариуса. (*Бросается к Дориану.*)
Доктор, молочника из нашего плана вычеркиваем. Он для
тюрьмы не годится.

ЭЛИЗА. Почему?

ЭДВАРД. Слишком богат. Богатому легче пройти в иголь-
ное ушко, чем оказаться за решеткой. Срочно ищите друго-
го кандидата.

ДОРИАН. Да где ж его найдешь?

ЭДВАРД. Доктор, вы меня удивляете! Выйдите на улицу,
там каждый третий потенциальный каторжник. А уж о спис-
ке Форбс я молчу!

ДОРИАН. Хорошо, мы подумаем.

ЭЛИЗА (*Антуану, игриво*). Антуан, я всегда считала вас
благородным человеком, способным пожертвовать собой ра-
ди прекрасной дамы.

АНТУАН. Я бы и рад. Но уж очень я не похож на Теодора
Эмильевича.

ЭДВАРД. Да, он слишком молод. Вот лет через десять...

АНТУАН. ...Когда Теодор Эмильевич воскреснет и возь-
мет новый кредит... тогда мы в любую минуту. А сейчас не
могу. Как говорится, фейсом не вышел.

ЭДВАРД. Ищите другого счастлиwicka. Желательно, что-

бы был похож.

(ЭДВАРД и ЭЛИЗА уходят.)

ДОРИАН. Хороши дела. Где его найдешь, похожего?

АНТУАН. Да-а-а, папаша Теодора Эмильевича старался, но могли ведь получаться и девки? А вот Бруно был копия. И что теперь с ним делать? Растолкать лежебоку?

ДОРИАН. Он проснется и станет владельцем этого дома и твоим хозяином.

АНТУАН. А Теодор Эмильевич?

ДОРИАН. А Бергенс – нищим. Кажется, он заигрался. Так что, если хочешь угодить новому хозяину, пойди и поправь ему подушечку. Еще неизвестно, как все обернется.

(ДОРИАН убирает венок у дверей «мертвецкой».)

АНТУАН *(входя в комнату «покойника»)*. Эй, любезный, можешь немного размяться. Есть хорошая новость... Эй, Бруно! А-а-а! *(Выбегает из «мертвецкой».)*

ДОРИАН *(взволновано)*. Что там?

АНТУАН. Он... он... умер! И весь синий.

(Дориан вбегает в «мертвецкую» и вскоре медленно выходит.)

ДОРИАН. Доигрались... Он и в самом деле умер. Слишком погрузился в свою роль.

АНТУАН. И что теперь?

ДОРИАН. Что? Напрасно заказали гроб на десять сантиметров длиннее.

АНТУАН. А как же Теодор Эмильевич?

ДОРИАН. А ему-то что. Он отхватил... все свое состояние. В придачу – молочницу.

АНТУАН. А я?

ДОРИАН. А ты остался без места.

АНТУАН. Черт побери! Надо было соглашаться на предложение хозяйки. Отсидел бы два года... и вышел на пенсию.

ДОРИАН. Да! Там быстрее, чем на Севере – год за пять считают.

АНТУАН. Свинья этот Бруно. И выбрал же время умереть!

(Входит ЭЛИЗА.)

ЭЛИЗА. Кто еще умер?

АНТУАН. Бруно. Это хромоногое чудо.

ЭЛИЗА. Бруно?! Да как это можно?! Они что, сговорились?

ДОРИАН *(оттесняя Антуана)*. Нам сказали, что Бруно умер. Но, скорее всего, это сплетни. А может, просто зависть.

ЭЛИЗА. Доктор, не понимаю вас.

ДОРИАН. Что тут непонятного. У нас ведь как? Богатые соседи построили дом – и мы затеваем стройку. Купили машину – и мы купим. Умер богатый книгоиздатель – а мы что, хуже?!

ЭЛИЗА. Доктор, что вы говорите? Вам плохо?

АНТУАН. Нет, нет. Ему уже лучше. Просто сражен известием об очередной смерти.

ЭЛИЗА. И я потрясена. Как мы теперь без молока?!

ДОРИАН. Если мадам обожает молочко, то я бы порекомендовал ей стать второй женой молочника.

АНТУАН. Извините, хозяйка, доктор еще не пришел в себя.

ЭЛИЗА. Похоже на то. *(Уходит.)*

ДОРИАН. И что нам теперь делать?

АНТУАН. Опять рассылать приглашение родственникам Бергенса. *(Приставляет венок к дери «мертвецкой».)* И надо посоветоваться с Теодором Эмильевичем. Он хотя и сделался молочником, но любого судью проведет.

(Входит ЖАННА.)

ДОРИАН. Жанна, что вас опять привело сюда?

АНТУАН. Точная дата погребения еще не назначена.

ЖАННА. А я не за этим. Хочу услышать правду о наследстве. Никто из моих знакомых, кроме Теодора, не умер. Значит, вы читали его завещание. Я слышала его вот за этой

шторой.

ДОРИАН. Мадам, вам необходимо пройти обследование. Многие сумасшедшие слышат голоса.

ЖАННА. Отдайте мою половину, и я пройду его у самых лучших врачей.

(Входит БЕРГЕНС в облике молочника.)

БЕРГЕНС *(невольно)*. Жанна, что ты здесь делаешь?

ЖАННА. Кто это?

ДОРИАН. Наверное, еще один из ваших поклонников, которого вы подзабыли. Я же говорю – вам надо провериться.

ЖАННА *(Бергенсу)*. Откуда вы меня знаете?

БЕРГЕНС *(опомнившись)*. Обознался, мадам.

ЖАННА *(Дориану)*. Среди моих знакомых нет таких обормотцев. Посмотрите на его тряпье!

АНТУАН. Нормально выглядит.

БЕРГЕНС *(обиженно)*. Мадам, вы на себя посмотрите.

ЖАННА. Ты еще смеешь рот открывать?!

БЕРГЕНС. Смею! Очень даже смею!

ЖАННА. И отчего ты так расхрабрился?!

БЕРГЕНС. Оттого, что у вас на левой груди родинка!

ЖАННА. *(Инстинктивно хватается за грудь)*. Что?!

ДОРИАН. Я же говорил, вы просто забыли приятеля.

ЖАННА. Хамье! Но я добьюсь своей части наследства через суд. *(В гневе уходит)*.

АНТУАН. Теодор Эмильевич, хорошо, что вы не упомянули ее во втором своем завещании...

ДОРИАН. ...Но плохо, что вписали туда Бруно.

БЕРГЕНС. Это почему же?

ДОРИАН. Потому, что покойнику деньги не требуются.

БЕРГЕНС. Какому покойнику?

ДОРИАН. Бруно! Который умер.

БЕРГЕНС. Что?

ДОРИАН. Умер! Вон в той комнате.

БЕРГЕНС. Не может быть!

ДОРИАН. Все умирают, даже молочники...

АНТУАН. ...Особенно, когда обстановка располагает к этому. Знаете... цветочки, веночки... гробик и слезы родственников.

БЕРГЕНС. Что-то я еще ни одной слезинки в этом доме не заметил!

АНТУАН. Сейчас самое время пролить их о безвременно ушедшем Теодоре Эмильевиче.

БЕРГЕНС. Что ты мелешь?

ДОРИАН. Антуан очень трезво смотрит на факты. Завещание и его нотариально заверенная копия есть?

БЕРГЕНС (*растеряно*). Есть...

ДОРИАН. Значит, никакого Бергенса больше не существует.

АНТУАН. И его состояния нет. Вернее, теперь оно принадлежит молочнику...

БЕРГЕНС. ...Который умер?

ДОРИАН. Он-то умер. Но все его имущество, добытое непосильным шатанием с бидоном в руках, досталось его вдове.

БЕРГЕНС. Катрин?

ДОРИАН. Вам лучше знать, как ее зовут.

БЕРГЕНС. Погодите... но ведь молочник – теперь я.

АНТУАН. Спору нет. Вы очень даже на него похожи. Не отличишь, благодаря папаше.

БЕРГЕНС. А там тоже я? (*Указывает на «мертвецкую».*)

ДОРИАН. Только мертвый.

БЕРГЕНС (*заливается истерическим хохотом*). Ой, не могу! Был Теодором Эмильевичем, стал Бруно. Был книгоиздателем, стал молочником!

АНТУАН. Нормальная рокировка.

БЕРГЕНС. А Эмилия?..

АНТУАН. За нее не волнуйтесь. Вдова столь уважаемого человека не останется без внимания.

(*Входит ЭДВАРД.*)

ЭДВАРД (*удивленно*). Бруно?! А мне сказали, что ты отдал концы?

БЕРГЕНС. Оклеветали.

ЭДВАРД. А я уже подумал, что и ты напился того молочка, которым вот эти друзья потчевали Бергенса.

БЕРГЕНС. Теодор Эмильевич вообще молока не пил. Пили его домашние.

ЭДВАРД. Знаю, знаю. Он не признавал напитки без градусов. Напивался каждый вечер хуже свиньи.

БЕРГЕНС. Вранье. Я и вечером приходил, а он – как стеклышко.

ЭДВАРД. Да я вам точно говорю. Элиза врать не будет. Межу нами, покойный, с ее слов, если не пропустит стаканчик, совершенно ни на что не способен.

БЕРГЕНС. В каком смысле?

ЭДВАРД. В мужском. В каком же еще?!

БЕРГЕНС. Так и говорила?

ЭДВАРД. Именно так.

БЕРГЕНС. Врет! Это она никогда не хотела! А он, слава богу, везде поспевал!

ЭДВАРД. Да тебе-то откуда знать такие подробности?

БЕРГЕНС. Э... э... Он меня очень уважал. И даже признавался, что не вылезит из постели жены какого-то Эдварда. Он его называл другом нашего дома. А ее – подругой дома.

ЭДВАРД. Что ты мелешь, болван?! Ты хочешь сказать, что этот усопший (*указывает в сторону «мертвецкой»*), бывал у жены своего друга?!

АНТУАН. Да мало ли что покойники болтают перед смертью, будучи в обморочном состоянии?

БЕРГЕНС. Тогда он был в здоровой памяти. И в хорошей физической форме. И, более того, говорил, что и после смер-

ти будет навещать Мари.

ЭДВАРД. Мари?

БЕРГЕНС. Да, Мари! Так зовут жену этого Эдварда.

ЭДВАРД. Вот видите! Он точно все придумал. Как это можно приходиться после смерти?

БЕРГЕНС. Не знаю. Мое дело принести молоко и сказать, что слышал. (*Эдварду с нажимом.*) А вот то, что он сдержит свое слово, можешь не сомневаться. (*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(*Входят ПЬЕР, за ним – АНТУАН, ДОРИАН и ЭДВАРД.*)

ПЬЕР. Извините, но я все-таки вынужден взглянуть на покойника. Таков протокол. Без этого нельзя.

ДОРИАН. Да кто вам запрещает?! Смотрите, меряйте, можете даже взвешивать. (*Убирает венок у двери.*)

(*Пьер входит в «мертвецкую».*)

ПЬЕР (*из «мертвецкой»*). Ну конечно! Я же говорил, ладью для перехода в мир иной следует делать на десять сантиметров короче. (*Выходит из «мертвецкой».*) У меня глаз наметан. Но придется поработать с гримом, уж больно синее лицо.

ДОРИАН. А что вы хотите – смерть никого не красит.

ПЬЕР (*подсчитывая в блокноте*). Придание телесного цвета – двадцать франков, румянец – пятнадцать, подровнять усы – двенадцать, одеколон – восемь. Итого... дополнительно к сумме...

ЭДВАРД. Погодите. Вы что, на свадьбу его готовите? В этом доме, слава богу, есть еще человек, который не позволит обирать вдову. Пойдем, обговорим все расходы детально. (*Эдвард и Пьер уходят.*)

АНТУАН. Ох, и влетит нам этот Бруно в копеечку!

(*Входит ЭЛИЗА в трауре и в слезах.*)

ЭЛИЗА. Антуан, как он мог с нами так поступать?!

АНТУАН. Да, мадам. Умер так неожиданно.

ЭЛИЗА. Все наше состояние отдал какому-то молочнику. Почему? Скажи, почему?

АНТУАН. Наверное, решил поддержать в стране молочное производство.

ДОРИАН. Надоело поило из порошка.

ЭЛИЗА. Да он его совсем не пил.

ДОРИАН. Вот и доигрался. Сказалась нехватка кальция и магния.

ЭЛИЗА. И родственники отказываются приезжать. Так и телеграфируют: мы еще подождем. Может, вы опять шутите.

АНТУАН. Вот и отлично! Меньше расходов. В нашем положении это очень важно. И еще одна хорошая новость.

ЭЛИЗА. Какая?

АНТУАН. Бруно-то, оказывается, жив. Его смерть — обыкновенные сплетни.

ДОРИАН. Иные даже утверждали, что он все свое состояние хотел завещать семье лучшего своего покупателя. Да да, семье Теодора Эмильевича.

АНТУАН. Но не судьба. Жив колченогий. Его колом не зашибешь.

ЭЛИЗА. Хоть один крепкий мужчина остался! (*Уходит.*)

АНТУАН. Доктор, а как вы думаете, молочница будет горевать за молочником?

ДОРИАН. За которым? Который умер, или которого колом не зашибешь?

АНТУАН. За умершим.

ДОРИАН. А вот это мы сейчас увидим.

(*Входит КАТРИН.*)

АНТУАН (*Катрин*). Посещение вашего супруга временно приостановлено.

КАТРИН. Это почему?

ДОРИАН. Он себя чувствует... не так хорошо, как раньше.

КАТРИН. Да ладно вам. Если ему придется умирать, то и это он будет делать в хорошем настроении. Его ничем не проймешь. Друзья говорят, его и колом не зашибешь.

АНТУАН. Иногда и друзья ошибаются.

ДОРИАН. А насчет вашего супруга – уж точно.

КАТРИН. Единственное, что его огорчало – воздержание.

ДОРИАН. От пищи?

КАТРИН. И от пищи тоже. Поэтому я принесла отбивные и блинчики с сыром.

АНТУАН. Поверьте, он настолько плох, что у него... совсем пропал аппетит.

КАТРИН. Не смешите меня Антуан. *(Решительно проходит в «мертвецкую».*

(Антуана и Дориан отходят подальше от двери, ожидая ужасной реакции Катрин.)

КАТРИН *(из-за двери)*. Бруно! Ты что?! Опять напился?! Ну конечно! Стоило отлучиться из дому – и опять за свое! Посмотри, на кого ты похож. Кто тебе приносил вино? *(Слышится звук пустой бутылки, катящейся по полу.)* Испачкался, как свинья!

БРУНО *(из-за двери)*. Катрин, это ты? Иди сюда. Ничего, моя крошка... поместимся.

(Из «мертвецкой» слышны радостные недвусмысленные звуки. Дориан заглядывает в дверь и сразу отстраняется.)

ДОРИАН. О Боже!

АНТУАН. Что там?

ДОРИАН. Дай бог мне так проводить время в гробу.

АНТУАН. Он жив?

ДОРИАН. Еще и как!

АНТУАН. Так он спал?

ДОРИАН. Набирался сил.

(Из «мертвецкой», пошатываясь, выходит БРУНО, за ним КАТРИН. Катрин вытирает лицо мужа носовым платком.)

КАТРИН *(Бруно)*. Что за привычка пить из бутылки ле-
жа?! Теперь пиджак не отстирать.

(Антуан и Дориан с любопытством ходят вокруг Бруно.)

ДОРИАН *(Бруно)*. Что ты натворил?

БРУНО. Я знаю прачку на верхней улице, она и не такие
пятна отстирывала.

(Входит ЭДВАРД.)

ЭДВАРД. Бруно, ты опять здесь? Ну ты и франт! Наря-
дился, будто на праздник.

АНТУАН. В некотором смысле у него сегодня День рож-
дения.

КАТРИН. У него День рождения в марте.

ДОРИАН. Кто-то по городу распускает слухи, что Бруно умер. Вот он назло им и нарядился.

АНТУАН. Пусть знают.

БРУНО. Это Жильберт. Разбавляет молоко, а про меня придумывает всякие гадости. Но любой, кто сравнит мой товар и его, сразу поймет, кто мошенник.

КАТРИН. Бруно у меня самый честный.

(Эдвард берет Дориана за локоть, отводит его в сторону.)

ЭДВАРД. Хорошо, что этот молочник не умер. Думаю, он сгодится для того, о чем мы говорили...

ДОРИАН. Напомните... о чем.

ЭДВАРД. Ну... немного посидеть...

ДОРИАН. Где посидеть?

ЭДВАРД. Ну... два годика. Помните? Два года, а потом досрочно на заслуженный отдых.

ДОРИАН. Бруно?

ЭДВАРД. Ну да. Кстати, он очень похож, только надо умыть. Костюм напялил, а умыться забыл.

ДОРИАН. Бруно не сможет.

КАТРИН *(услышав последнюю фразу)*. Бруно? Не сможет? За хорошие деньги он сможет что угодно...

БРУНО. ...Но только чтобы долго не лежать.

ЭДВАРД (*Дориану*). Вот видите! Он почти согласен. А лежать ему там уж точно не дадут.

(Дориан шепчет Эдварду на ухо.)

ЭДВАРД. Ему?

ДОРИАН. Да.

ЭДВАРД. А я думал, другому молочнику.

ДОРИАН. Но он еще не знает... о щедрости Бергенса.

ЭДВАРД (*неожиданно*). Вот и отлично! Если бы знал, никогда бы не согласился!

(Эдвард подходит к Бруно, доверительно берет его за локоть.)

ЭДВАРД. Уважаемый Бруно. А как вы смотрите, чтобы немного отдохнуть от ваших ежедневных хлопот?

БРУНО (*радостно*). Это можно. Так надоело лежать!

ЭДВАРД. Каких-то два годика...

КАТРИН. Что?.. Два годика?

ЭДВАРД. Ничего не делать... вдали от дома.

КАТРИН. Вдали? А за какую сумму?

ДОРИАН. Примерно тысяча франков в месяц.

БРУНО. Тысяча франков?!

КАТРИН. Деньги наперед?

ЭДВАРД. Никаких проблем. Хоть сейчас.

КАТРИН. Он согласен. (*Бруно*). Милый, я к тебе буду приходить каждый день, где бы ты ни находился.

БРУНО (*Эдварду*). А там лежать не придется?

ЭДВАРД. Что ты! Там не залежишься! Доктор и Антуан объяснят тебе специфику новой работы.

КАТРИН. Да, нам надо все объяснить.

ЭДВАРД (*Антуану*). Пойдите и составьте контракт.

АНТУАН. Разумеется... (*Смотрит на Дориана, а затем — в сторону «мертвецкой».*)

ДОРИАН. Да, конечно. Без контракта никак. (*Загораживает дверь «мертвецкой» венком.*)

КАТРИН. И чтоб деньги наперед.

(*КАТРИН, ДОРИАН, БРУНО и АНТУАН уходят.*)

ЭДВАРД (*оставаясь один*). А ведь эта Катрин очень даже недурна. Надо будет помочь ей перенести разлуку с супругом. (*Потирает руки.*)

(*Входит ЭЛИЗА.*)

ЭЛИЗА. До сих пор не могу поверить, что всем нашим имуществом теперь будет распоряжаться молочник!

ЭДВАРД. Не будет.

ЭЛИЗА. Но он ведь, слава богу, оказался в живых...

ЭДВАРД. ...Чтобы угодить в тюрьму.

ЭЛИЗА. За что?

ЭДВАРД. За то, что согласился изображать твоего умершего супруга. Он еще не знает о свалившемся на него наследстве.

ЭЛИЗА. А когда узнает?

ЭДВАРД. Будет поздно. А если вздумает разболтать правду, сядет еще лет на десять за мошенничество.

ЭЛИЗА. А мы?

ЭДВАРД. Причем здесь мы, если два жулика договорились обмануть кредиторов?! Завещание будет признано незаконным, договор между аферистами расторгнут, а деньги возвратятся нам с тобой. *(Обнимает Элизу.)*

ЭЛИЗА. Эдвард, ты просто гений! Даже не знаю, как благодарить тебя.

ЭДВАРД. Всякая девушка после шестнадцати лет знает, как благодарят мужчин. Но сейчас некогда. Надо посмотреть, что они там составляют. А то очередной раз останемся без денег.

ЭЛИЗА. А что делать с ним? *(Указывает на «мертвецкую».)*

ЭДВАРД. Все проблемы от живых, а не мертвых. Вернусь, что-нибудь придумаем. *(Уходит.)*

(Элиза подходит к двери «мертвецкой».)

ЭЛИЗА *(с укоризной в сторону двери)*. Вот видишь, к че-

му привела твоя беспутная жизнь!

(Входит БРУНО.)

БРУНО. Катрин лучше меня разбирается в этих бумагах.

ЭЛИЗА. Не расстраивайтесь, вы еще молодой. Я буду приходить к вам каждую неделю.

БРУНО. Это правильно. А то подумают, что жена забыла своего супруга.

ЭЛИЗА. Какого супруга?

БРУНО. Так ведь я, как мне сказали, буду сидеть Теодором Эмильевичем.

ЭЛИЗА. Правильно.

БРУНО. Стало быть, теперь я ваш муж.

ЭЛИЗА. Ну... выходит... что так.

БРУНО. А насчет того, что я еще молодой, вы правильно заметили. Колено, конечно, побаливает, а все остальное выше колена работает исправно.

ЭЛИЗА. А сердце?

БРУНО. И сердце... и ниже сердца. *(Щипает Элизу за бедро.)*

ЭЛИЗА. Ой!

БРУНО. Ох, и аппетитная мне досталась супружница. *(Обнимает Элизу.)*

ЭЛИЗА. Бруно, что вы! Нас могут увидеть!

БРУНО. Приходи ко мне по пятницам.

ЭЛИЗА. Куда?

БРУНО. Туда, где я буду сидеть.

ЭЛИЗА. А что скажет Катрин?

БРУНО. Ничего не скажет. Она будет приходить по вторникам.

ЭЛИЗА. Да разве это возможно?!

БРУНО. При хорошей кормежке все возможно.

ЭЛИЗА. А если я по каким-то причинам не смогу посетить своего мужа?

БРУНО. Тогда ему разонравится сидеть... без всякого толку. И он расторгнет договор. А если мне не заплатят за прошлый раз, я и на этот не соглашусь.

ЭЛИЗА. Какой прошлый раз?

БРУНО. Когда я был вместо Теодора Эмильевича и приходила его Жанна.

ЭЛИЗА. Кто такая Жанна?

БРУНО. Вам, как будущей супруге, признаюсь – его любовница.

ЭЛИЗА. Любовница? И вы были вместо него?

БРУНО. А вместо кого же.

ЭЛИЗА. И она вас не отличила.

БРУНО. Да и вы не отличите. *(Пытается обнять Элизу.)* Я натренировался быть Теодором Эмильевичем. Мне не впервой.

(Входит КАТРИН.)

КАТРИН. Дорогой, распишись в договоре. (*Видит обни-
мающихся, застывает на месте.*) Ага! Вот как ты прово-
дишь время в этом доме?!

ЭЛИЗА. Вы неправильно поняли.

БРУНО (*оправдываясь*). Она плачет... за мужем.

КАТРИН. И ты решил его заменить не только в тюрьме?!

БРУНО. Если будешь скандалить, я никуда не пойду!

КАТРИН. Конечно! Зачем тебе тюрьма?! Ты и здесь неплохо устроился. Смотри, как бы я не передумала и тебя не поменяла на покойника!

ЭЛИЗА. Что вы такое говорите, Катрин?

КАТРИН. И он совсем не хромает. И обходится со мной вежливо, не то что ты.

БРУНО. Завела свою песню!

ЭЛИЗА. Перестаньте спорить. Хотя бы вспомнили, кто там за стеной усопший.

КАТРИН (*Бруно*). Там еще кто-то?

БРУНО. Найдешь дураков. Я тут один за всех.

КАТРИН. Тогда иди распишись хоть за себя.

БРУНО. За мертвого, или живого?

КАТРИН. Хоть за какого. Но сначала потребуй деньги за мертвого. За живого я взяла. Передачки, небось, потребу-
ешь?!

(КАТРИН и БРУНО уходят. Входит МАРКУС.)

МАРКУС. Госпожа Бергенс. Мои соболезнования и большая признательность. Мне сразу следовало иметь дело с вами, а не с вашим супругом. Кстати, вам очень идет этот строгий наряд. Никогда не видел столь обворожительной вдовы.

ЭЛИЗА *(в сторону)*. Еще один поклонник.

МАРКУС. ...И столь пунктуальной женщины в исполнении своих обязательств.

ЭЛИЗА. Супружеских?

МАРКУС. В том числе. Вы, как супруга покойного Бергенса, очень своевременно погасили долг. Сумма пришла на наш счет, и все претензии к вам и умершему Бергенсу снимаются.

ЭЛИЗА. То есть сумма погашена и мой супруг избавлен от долговой тюрьмы?

МАРКУС. Я понимаю ваш сарказм. Но нам и в голову не приходило арестовывать покойников.

ЭЛИЗА. Я должна вас оставить на минуту.

МАРКУС. Мне тоже остается только удалиться.

(МАРКУС и ЭЛИЗА уходят в разные двери. Входит БЕРГЕНС, осматривается по сторонам, подходит к «мертвецкой», слегка приоткрывает дверь.)

БЕРГЕНС *(тихо)*. Бру-у-но... Бруно, как ты? *(Заглядывает в «мертвецкую», затем заходит туда.)* Вот тебе и Бру-

но! (*Выходит в гостиную.*) Один считался порядочным и тот оказался жуликом. Хорошо, что я не отдал деньги!

(*Слышны голоса из соседней комнаты. Бергенс прячется в «мертвецкую». Входят ЭДВАРД и БРУНО.*)

ЭДВАРД. Вот и отлично! Контракт подписан и все, что полагается, вы получили. Теперь я могу звонить в банк и сообщить, что кредитор неплатежеспособен и намерен испустить свою вину за решеткой.

БРУНО. Э-э-э, так не пойдет. Не на того напали!

ЭДВАРД. Не понял.

БРУНО. Никуда не пойду, пока не получу остальное.

ЭДВАРД. Какое остальное?

БРУНО. Спросите у хозяйки. Она должна знать.

(*Входит ЭЛИЗА.*)

ЭДВАРД (*Элизе*). Он что-то от тебя требует.

ЭЛИЗА. Все мужья, даже фиктивные, вечно с претензиями. Что тебе, Бруно? С тобой ведь расплатились.

БРУНО. А за покойника?

ЭЛИЗА. За какого?

БРУНО. Который лежал вон там. (*Указывает на «мертвецкую».*) Думаете ему приятно было... нюхать цветы... и чихать все время?

ЭДВАРД. Что ты несешь?!

БРУНО. Я из-за вашего покойника растерял половину своих постоянных клиентов.

ЭДВАРД. Да покойник что, тебя за руки хватал?! Проходу не давал?!

БРУНО. Ничего не давал! Ни сантимата!

ЭЛИЗА. Теодор не расплатился за молоко?

ЭДВАРД. Что я говорил! Еще одни прохвост! Теперь станет утверждать, что ему задолжали за полгода.

БРУНО. Мне за полгода не надо. Заплатите за два дня.

ЭЛИЗА. Бруно, вам сейчас заплатят.

ЭДВАРД. Э-э-э, нет! Это дело принципа! Вам задолжал Бергенс?

БРУНО. Бергенс.

ЭДВАРД. Вот он и рассчитается, когда выйдет... года через два... Господи! Что я говорю?!

(Входит КАТРИН.)

КАТРИН. Он никогда из тюрьмы не выйдет.

ЭДВАРД. Почему?

КАТРИН. Потому, что в нее не пойдет. Заплатите за прежнее...

БРУНО. ...За покойника.

КАТРИН. ...И тогда будем говорить о тюрьме.

ЭДВАРД. Нет! Сначала тюрьма!

ЭЛИЗА (*Эдварду*). Эдвард, ему теперь незачем идти в тюрьму.

ЭДВАРД. Ах, вот как! Деньги взял и стал твоим мужем, а сидеть за него я должен?!

КАТРИН. Как это ее мужем?

ЭДВАРД. Юридически! То есть фактически.

КАТРИН. Мертвым?

ЭДВАРД. Живым! Посмотри на него, какой он мертвый? Он только что обнимался с ней на этом месте. Я видел!

КАТРИН (*отвешивает Бруно пощечину*). Подлец! Уже людей не стесняешься. Теперь она захотела видеть тебя в своей постели, а не в тюрьме.

ЭЛИЗА. Да ему теперь незачем быть в тюрьме...

КАТРИН. Конечно! Появились другие обязанности... Долежался...

ЭЛИЗА. О чем вы, Катрин?

КАТРИН (*Элизе*). Вы тоже ныряли в гробик?

ЭДВАРД. Господи! Они оба сошли с ума.

КАТРИН. Вот и отдайте умалишенным то, что им полагается!

ЭДВАРД. Это шантаж!

КАТРИН. Ах, так! Бруно, идем домой. Деньги за покойник у них, за тюрьму – у нас. Мы квиты.

(КАТРИН и БРУНО уходят. Вбегают ДОРИАН и АНТУ-АН.)

ДОРИАН. Эдвард, Бруно нельзя отправлять в тюрьму.

ЭДВАРД. Его надо было засадить туда с самого рожденья!

Это вы посоветовали связаться с ним, как с человеком порядочным. А он деньги взял, а сидеть отказался.

ДОРИАН. Его можно понять...

АНТУАН. ...Сидеть – это не лежать.

(Входит ЖАННА в траурном одеянии и с цветами в руках.)

ЖАННА. Мои соболезнования. *(Элизе.)* Мои соболезнования, мадам... Какое несчастье...

ДОРИАН *(язвительно)*. Жанна, мы очень тронуты вашим визитом.

ЭЛИЗА. Жанна? Вы знали моего мужа?

ЖАННА. Мы все его знали. Но, по-моему, не ценили, как следует.

АНТУАН. Его знакомство с этой дамой было мимолетным.

ЖАННА. Да, я не могу похвастаться, что изучила Теодора Эмильевича, как следует. Поэтому его решение упомянуть меня в завещании оказалось неожиданным.

ЭДВАРД. Еще одна наследница! *(Подбегает к входной двери, открывает ее.)* Эй! Кто там?! Заходите! Всем будем рады! *(Закрывает дверь.)* Пока никого. Наряжаются.

ЖАННА. Попрошу не оскорблять! Иначе все, что мне полагается, я потребую через суд! У меня, кстати, есть знакомый судья.

ЭДВАРД. Может, и нотариус?

ЖАННА. Есть и нотариус.

АНТУАН. Эта сумасшедшая возомнила себя наследницей Теодора Эмильевича.

ДОРИАН. Она уже приходила после его смерти.

ЖАННА. И до смерти не один раз. Так что все тут хорошо знаю. *(Элизе.)* Даже какие у вас простынки в спальне.

ЭДВАРД. Я тоже знаю, какие там простынки... Но я ведь не претендую на наследство.

ЖАННА. А вы в завещании и не указаны!

ЭДВАРД *(Жанне)*. Тогда покажите эту бумагу.

ЖАННА *(указывая на Дориана)*. Вот пусть он показывает — он ее зачитывал.

ЭДВАРД. Есть еще одно завещание?

АНТУАН. Да он их написал двадцать штук! Последний месяц только и занимался каллиграфией... на пару с нотариусом. Вот, смотрите. *(Подходит к секретеру, выдвигает ящик, вынимает пачку бумаг.)* Все заверенные! Все одним числом!

ЭДВАРД. Подлец!

ЭЛИЗА. Но зачем?

АНТУАН. Вот в одном завещании указал... *(Читает.)* Не предавать мое тело земле, пока не улягутся споры о наслед-

стве. А их тут указано сорок восемь человек!

ЭДВАРД. Так что лежать ему вон там до второго пришествия. (*Указывает в сторону «мертвецкой».*)

ДОРИАН. Нет! Лежать он не будет!

ЭДВАРД. Почему?

ДОРИАН. Я... я его... оживил...

ЭДВАРД. Что?!

ЭЛИЗА. Как?

АНТУАН. Нам это не понять. Мы медицинских колледжей не кончали.

ЭДВАРД. Доктор, вы тоже сошли с ума?

ЭЛИЗА. Может быть, и вы упомянуты в завещании?

ДОРИАН. Мало ли кто упомянут... Главное, что Теодор Эмильевич жив.

ЭДВАРД. И где же он? (*Направляется к «мертвецкой».*)

ДОРИАН (*преграждая собой дверь*). Ушел. Я его оживил, а он захотел... погулять... поднялся и ушел.

(Неожиданно дверь за спиной Дориана сотрясается от ударов. Доктор отступает в сторону. В гостиную с венком на шее выходит БЕРГЕНС.)

БЕРГЕНС. Никуда я не ушел. Я наоборот, пришел.

ЭДВАРД. Откуда...

БЕРГЕНС (*указывая пальцем в потолок*). Оттуда! Но мне там не понравилось. Здесь веселее. И тут у меня появилось

дело – напишу бестселлер «Как я побывал на том свете!»

АНТУАН. С воскрешением вас, Теодор Эмильевич!

ЭЛИЗА (*бросается обнимать супруга*). С возвращением в семью!..

ЭДВАРД (*трясет Бергенса за руку*). К своим друзьям...

ЖАННА. ...И подругам.

ДОРИАН. Как вы себя чувствуете, Теодор Эмильевич?

БЕРГЕНС. Кажется, прибавилось сил. Впрочем, мне трудно сравнивать – я позабыл, как это быть живым.

АНТУАН. Невероятный случай! И все благодаря доктору Дориану.

ДОРИАН. И железному здоровью Теодора Эмильевича, доставшемуся ему от своего папы.

АНТУАН. Жаль, что Дориана не оказалось на месте, когда умирал ваш папенька. Он бы помог ему.

БЕРГЕНС. Да. Папеньке в его возрасте надо было помогать в ту минуту.

АНТУАН. Доктор и Бруно вылечил колено. Теперь он ковыляет совершенно по-другому.

БЕРГЕНС. Мне кажется, и во мне что изменилось. Только не пойму что. Надо немного привыкнуть и разобраться.

ЭДВАРД. А как там? Что видел, что запомнилось?

ЭЛИЗА. И запомнилось ли вообще?

БЕРГЕНС. О-о-о, еще и как запомнилось! Я все это опишу в мемуарах с того света.

АНТУАН. А нет ли пробелов с виденным на этом свете?

БЕРГЕНС. На этом? Конечно, есть. Я ведь не шарлатан какой-нибудь, чтобы утверждать, будто одновременно был и там и здесь.

ЭДВАРД. Ты всегда был честным человеком.

АНТУАН. Теодор Эмильевич никогда не преувеличивал своих способностей.

БЕРГЕНС. И еще я плохо помню, что было перед смертью. Последняя неделя... как в тумане.

ЭДВАРД. А помнишь ли ты, что писал? Какие оставлял бумаги?

БЕРГЕНС. Ничего не помню.

ДОРИАН. Значит, вы уже в то время были мертвы, и все вышедшее из-под вашего пера было сделано чисто механически... и неосознанно.

ЭЛИЗА. ...И продиктовано каким-то духом противоречия.

БЕРГЕНС. Да, да... Помню там несколько духов. Кажется, был и такой.

ЭЛИЗА. Слава богу, все уже позади. И теперь мы заживем прежней счастливой жизнью.

ЭДВАРД (*Бергенсу*). А я хочу тебя поздравить с необыкновенно чуткими родственниками. Все они, как наперебой, твердили, что такой замечательный человека, как ты, не может умереть. Это какое-то временное недоразумение, говорили они. И были настолько уверены в тебе, что даже отвергли приглашение провести тебя в последний путь.

АНТУАН. А вот погребальная служба оказалась близурой. Там не захотели верить в твое воскрешение. А вот и их представитель.

(Входит ПЬЕР.)

ПЬЕР. Господа, у нас все расписано по минутам. Мне следует уточнить мелкие детали. *(Эдварду.)* Вы назначены распорядителем?

БЕРГЕНС. Боюсь, что нет. Отныне всем распоряжаюсь я.

ПЬЕР *(Бергенсу)*. Меня зовут Пьер, я представляю уважаемую компанию...

БЕРГЕНС. Знаю, знаю... Прошу оставить нас наедине с молодым человеком. Мы обговорим некоторые щепетильные детали.

ДОРИАН. Конечно.

АНТУАН. Лучше и не придумаешь, чем все узнать из первых уст.

ЭДВАРД *(Бергенсу)*. Но прошу учесть, у этого малого и его компании большие аппетиты.

БЕРГЕНС. Хорошо, я разберусь.

(Все, кроме Бергенса и Пьера уходят.)

ПЬЕР. У меня такое ощущение, что мы с вами где-то встречались.

БЕРГЕНС. Без сомнения. Постарайтесь вспомнить, где?

ПЬЕР. Вы фотограф из городского сада?

БЕРГЕНС. Нет. Я ничего не понимаю в фотографии.

ПЬЕР. Конечно!.. Мы с вами встречались в одном... хорошо, что здесь нет посторонних... в одном интересном заведении. Там четыре девочки делают все, что позволяет их мамочка...

БЕРГЕНС. Эвелина Марковна?

ПЬЕР. Ну! Вот видите!

БЕРГЕНС. Нет. Там мы не встречались. Я таких заведений не знаю.

ПЬЕР. Тогда где?

БЕРГЕНС. Вон в той комнате. *(Указывает в сторону «мертвецкой».)*

ПЬЕР. Извините... не понимаю.

БЕРГЕНС. Как!? Вы еще измеряли меня и весело щелкнули по носу. При этом сказали: «С тебя две тысячи франков!»

ПЬЕР. Точно! Я всем так говорю. При нашей профессии без юмора не обойтись – техника психической безопасности. Вы со стороны подсмотрели мою шутку?

БЕРГЕНС. Да он у меня до сих пор болит!

ПЬЕР. Кто?

БЕРГЕНС. Нос.

ПЬЕР. Какой нос?

БЕРГЕНС. Вот этот, который вы видели вместе со мной в

гробу. *(Отворяет дверь «мертвецкой», указывает на гроб.)*

ПЬЕР *(стоя в дверях)*. А где... усопший?

БЕРГЕНС. Он перед вами. И в следующий раз, если хотите получить выгодный заказ, не щелкайте клиента по носу – не всем это нравится. А теперь попрошу покинуть мой дом!

ПЬЕР *(растеряно)*. Так вы хотите сказать...

БЕРГЕНС. Убирайся! Иначе я тебя так отщелкаю, что этот гроб снова пригодится. *(Выталкивает Пьера за дверь, в которую в этот момент входит кредитор Маркус.)*

МАРКУС. Вот как здесь встречают гостей, прибывших на погребение.

БЕРГЕНС. Месье, что вам угодно?

МАРКУС. Я хотел бы видеть вдову мистера Бергенса.

БЕРГЕНС. Во-первых, она уже не вдова, а во-вторых, зачем она вам нужна?

МАРКУС. Так я и знал! Эта ловкая дамочка недолго будет горевать. Она еще похлеще умершего прохвоста.

БЕРГЕНС. Придержите язык, иначе вылетите быстрее своего предшественника. Что вас привело в этот дом?

МАРКУС. Меня зовут Маркус. Я представитель банка, в котором покойный Бергенс взял крупную сумму.

БЕРГЕНС. Но вдова возвратила ее.

МАРКУС. Как бы ни так!

БЕРГЕНС. Но у нее есть расписка о погашении долга.

МАРКУС. Да, мы выдали эту расписку, ибо не могли предположить, что вдова будет жульничать в столь печаль-

ные для нее дни.

БЕРГЕНС. И как же вас провела безутешная вдова?

МАРКУС. Остроумно. Она отправила деньги на наш счет, но в номере счета, который состоит из двадцати двух цифр, сознательно искажила одну из них.

БЕРГЕНС. Указала не ту...

МАРКУС. Совершенно верно. Я вижу, вы знаете в этом толк. По этой причине платежное поручение признано недействительным, и деньги возвращены отправителю.

БЕРГЕНС. Вам следовало быть внимательным.

МАРКУС. Но мы не могли предположить, что вдова окажется столь искушенной...

БЕРГЕНС. ...И выдали расписку.

МАРКУС. Конечно выдали.

БЕРГЕНС. Сочувствую и очень вас понимаю. Но ничем помочь не могу.

МАРКУС. Извините... а кем вы доводитеесь вдове?

БЕРГЕНС. Законным мужем.

МАРКУС. Как?! Она уже успела оформить новый брак?

БЕРГЕНС. Нет, еще не расторгла прежний.

МАРКУС. Тогда кто вы? Объяснитесь в конце концов!

БЕРГЕНС. Вот мои документы. *(Протягивает Маркусу бумагу.)*

МАРКУС *(читает)*. Сим документом удостоверяю, что Бергенс Теодор Эмильевич, известный книгоиздатель, скончавшийся от сердечного приступа в своем доме, моими ста-

раниями возвращен в прежнее жизнеспособное состояние...
(Поднимает голову.) Как?... (Читает далее.) Врач высшей категории, член врачебной гильдии, доктор Дориан.

БЕРГЕНС. Что вы так смотрите на меня? Можно подумать, вы никогда не видели живых покойников?

МАРКУС. Ну знаете!.. Я всякое видел. Но чтобы мошенники работали так слажено...

БЕРГЕНС. Не скромничайте. Нам еще до вас, банкиров, далеко. Так что приходите к вдове с претензиями через некоторое время... Но не раньше, чем я снова покину этот мир. А теперь освободите помещение.

МАРКУС. Мы докажем обоснованность своих претензий в суде!..

БЕРГЕНС. ...Где вам предъявят вашу расписку. Всего хорошего.

(МАРКУС уходит.)

БЕРГЕНС. Чертовы кредиторы! И после смерти не дают покоя. *(Берет колокольчик на столе, звонит.)* Антуан!

(Входит АНТУАН.)

АНТУАН. Вызывали, Теодор Эмильевич?

БЕРГЕНС. Катрин не приходила?

АНТУАН. Катрин? Зачем?

БЕРГЕНС. Ну... я не знаю. Ведь приходила она к Бруно... приносила обеды.

АНТУАН. Ох, уж эти обеды от Катрин!

БЕРГЕНС. Да-а-а... готовит она превосходно. И подать умеет.

АНТУАН. Теперь вам придется отвыкать от разнообразной пищи.

БЕРГЕНС. Антуан, не поверишь, но я теперь не могу жить без Катрин. Места себе не нахожу.

АНТУАН. Вы что, влюбились в нее?!

БЕРГЕНС. Да, влюбился! И что здесь странного?

АНТУАН. И она вам нравится больше, чем Жанна?

БЕРГЕНС. Больше чем Жанна и Эмилия вместе взятые.

АНТУАН. Вы меня удивляете своим непостоянством.

БЕРГЕНС. Подумаешь... То мертвый то живой. Ты просто ее не знаешь! И почему я не молочник?!

АНТУАН. Не всем так везет.

БЕРГЕНС. Я бы согласился и на хромоту.

АНТУАН. Зачем же вам хромать при докторе Дориане?

БЕРГЕНС. Дориан... Вот пусть он и даст ей лекарство.

АНТУАН. Кому? Какое лекарство?

БЕРГЕНС. Катрин. И пусть она меня полюбит. Если он настоящий доктор, то должен понимать, что людям в этой жизни нужнее всего.

АНТУАН. Доктор, конечно, специалист. Обычно о нем говорят... таких еще свет не видывал... Но боюсь, тут и он

бессилен.

БЕРГЕНС. Тогда я напишу ей письмо, а ты отнесешь.

АНТУАН. Да она обиделась.

БЕРГЕНС. За что?

АНТУАН. За покойника. Пока Бруно не получит свое, за то, что лежал без движения, вы не получите свое... чтобы не просто лежать.

БЕРГЕНС. Да я ему трижды заплачу! Понравилось в гробу – пусть приходит и хоть два года лежит в нем. Оплата будет исправно...

АНТУАН. Вот так и напишите. А деньги за прежнее приложите к письму.

БЕРГЕНС. Я сейчас... мигом. *(Берет бумагу, пишет, вынимает деньги из кармана, прикладывает к письму.)* Вот, держи! Но чтобы он не видел.

АНТУАН. Так Бруно не согласится, пока не увидит.

БЕРГЕНС. Чтоб письма не видел. А на деньги пусть смотрит, сколько угодно. Может даже в рамочку повесить.

(Входит КАТРИН.)

БЕРГЕНС *(не видя Катрин)*. А письмо передай ей лично в руки. *(Замечает Катрин.)* Катрин?!

КАТРИН *(Антуану)*. Пусть Жанна почитает, как он истосковался за своей подругой.

БЕРГЕНС. Это письмо тебе!

КАТРИН. Тогда покажи его мне.

БЕРГЕНС (*Антуану*). Покажи.

(*Антуан отдает письмо. Катрин пробегает глазами написанное.*)

КАТРИН. Молодец! Имени, кому адресовано, не указываешь.

БЕРГЕНС. Да это на случай, если Элиза перехватит.

КАТРИН. Ах! Тут еще одну даму надо учитывать.

БЕРГЕНС. Ну зачем же ее обижать без надобности?!

КАТРИН. Антуан, учись ловкости у хозяина – хочет ублажить сразу трех женщин. Мы тут у вас бидончик оставили.

БЕРГЕНС. Забирай... забирай бидончик, и положи туда мое разбитое сердце.

КАТРИН. Вам с таким словами в театре играть... фальшивых любовников! (*Уходит.*)

БЕРГЕНС. Ты видел?! Что она со мной делает! Несчастливая молочника!.. Гадкая изменщица!.. Славная моя Катрин.

(*Входит ЭЛИЗА.*)

ЭЛИЗА. Что я слышу?

АНТУАН. Так свою жену называет Бруно. Он сердца в ней не чает.

ЭЛИЗА. Кто?

АНТУАН. Молочник Бруно.

ЭЛИЗА. А она?

АНТУАН. А она... она его постоянно пилит. Донимает и ставит в пример Теодора Эмильевича.

ЭЛИЗА. И чем же он лучше?

БЕРГЕНС. А что, не лучше?

АНТУАН. Тем, что сколотил капитал, не хромает и... даже с выгодой для себя побывал на том свете.

БЕРГЕНС. Хороша выгода.

АНТУАН. А кто собирался написать книгу?

БЕРГЕНС. О-о-о! Я все напишу!

АНТУАН. Да за такой книгой все будут гоняться. Мы туда только собираемся, а Теодор Эмильевич уже побывал. Первопроходец, Колумб, капитан Кук.

БЕРГЕНС. Прекрати. Они бывали в разных краях, и встречали их... гастрономически их по-разному.

АНТУАН. А я и не утверждаю, что все нас встретят одинаково. Но если вести безгрешную жизнь, как это делает Теодор Эмильевич, то прием будет радушным и доброжелательным.

ЭЛИЗА. Лучше бы на этом свете к нам относились более ласково. Кстати, там молочник пришел, хочет поговорить.

БЕРГЕНС. Какой молочник?

ЭЛИЗА. Бруно, который свою жену, в отличие от тебя, называет славная моя Катрин.

АНТУАН. Так и есть. Я сам это слышал.

ЭЛИЗА (*Бергенсу*). Поучитесь у него, как обращаться с женщинами.

БЕРГЕНС. Вот и пригласи его, пусть поучит.

(*ЭЛИЗА уходит. Входит БРУНО.*)

БЕРГЕНС (*идя навстречу молочнику с распростертыми объятиями*). Дорогой ты наш Бруно! Как я рад тебя видеть! Садись... в смысле, присаживайся.

БРУНО. Нам это не надо. Мы не за тем пришли. Я деньги принес.

БЕРГЕНС. Какие деньги?

БРУНО. За тюрьму. Чужого нам не требуется. Я ходил туда, но меня не приняли. Говорят, что я не Бергенс, и что вам теперь сидеть не обязательно. Вы теперь никому не должны...

БЕРГЕНС. Совершенно верно.

БРУНО. Никому... кроме меня.

БЕРГЕНС. Господи! Какие мелочи! На, держи. (*Засовывает деньги в карман Бруно.*) И за тюрьму себе оставь. Страшна не тюрьма, а сознание, что туда попадешь. Представляю, что ты пережил перед заключением. Вон и волосы, кажется, побелели.

БРУНО. Еще бы. Эдвард такого наговорил.

БЕРГЕНС. Это все он! Он с тобой не хотел рассчитывать, пока я был... на том свете.

АНТУАН (*в сторону*). ...От счастья с Катрин.

БЕРГЕНС. А теперь здесь командую я. Так что ты не оби-жайся. а если что... утомился там... или колено разболе-лось... всегда можешь прийти к нам, отдохнуть... полежать.

БРУНО (*указывая на «мертвецкую»*). В той комнате?

БЕРГЕНС. Да хоть в какой! Что у нас комнат мало? Хоть в моей спальне.

БРУНО. А что скажет хозяйка?

БЕРГЕНС. Чья?

БРУНО. Ваша... Элиза.

БЕРГЕНС. Да она сделает все, что я велю. И ты со своей построже. Скомандуй, чтобы меня не прогоняла, как посто-роннего. Тебя ведь из нашего дома не гнали?

БРУНО. Нет, не гнали. И кормили хорошо.

БЕРГЕНС. А я у вас в сарайчике спал, чтобы люди ничего такого не подумали.

БРУНО. Катрин рассказывала.

БЕРГЕНС. Что рассказывала?

БРУНО. Что вы в сарайчике спали.

БЕРГЕНС. Вот видишь, как несправедливо...

АНТУАН. А ты у нас был нарядный. Все к тебе с уваже-нием... шапки снимали...

БЕРГЕНС. А я в лохмотьях ютился бог знает где.

(*Входит ЭЛИЗА.*)

ЭЛИЗА. Это когда ты ютился в лохмотьях?

АНТУАН. Поначалу... на том свете. А потом, когда разобрались, увидели, что это Теодор Эмильевич...

БЕРГЕНС. ...Тогда меня, конечно, приодели. Ну да ладно. Я все это потом опишу. Антуан, пока еще не все из памяти выскочило, пойдём, я немного подиктую.

(БЕРГЕНС и АНТУАН уходят.)

БРУНО. Вот как оно все расстроилось.

ЭЛИЗА. Вы о чем, Бруно?

БРУНО. О тюрьме, о чем же еще. Думал, вы будете ко мне приходиться.

ЭЛИЗА. Но у тебя есть Катрин.

БРУНО *(печально)*. А... Катрин... Куда ей до вас. Вы вон вся беленькая, пухленькая... вежливая. Я места себе не нахожу. Думал, одно спасение – в тюрьме.

ЭЛИЗА. Бруно, не шутите.

БРУНО. Это вы со мной не шутите! Сначала записали мужа, а потом – задний ход. А я к такому не привык. Спать не могу – все о вас думаю.

ЭЛИЗА. Господи! А что Теодор скажет, если узнает... о чем вы думаете?

БРУНО. Узнает... Да он, можно сказать, велел мне отдыхать в вашей спальне.

ЭЛИЗА. Что ты говоришь?

БРУНО. Но я отдыхать не собираюсь. *(Обнимает Элизу.)*

ЭЛИЗА *(освобождаясь из объятий)*. Какой вы горячий мужчина. Что он, так и сказал?

БРУНО. Да умереть мне на этом месте! При Антуане, вашем секретаре, говорил.

ЭЛИЗА *(доверительно)*. Бруно... Он меня разлюбил... разлюбил после своей смерти.

БРУНО. А я после моей... смерти вас полюбил.

ЭЛИЗА. А Катрин?

БРУНО. Катрин... А что Катрин... Вон у нас клиент был – Люсьен с нижней улицы. Десять лет молоко покупал. А потом – как отрезало. Говорит, не могу переносить, выпью – аллергия. И ничего не поделаешь.

ЭЛИЗА. Как верно замечено. И у меня точно аллергия на Теодора. Раньше еще терпимо было. А теперь как представлю... покойник...

БРУНО. Вот-вот. И мне Катрин говорит: в гробу я тебя видела. Сварливой стала и все ей не так. А вы, я знаю, вежливая и ласковая. *(Обнимает Элизу.)*

(Входит ЭДВАРД.)

ЭДВАРД. Элиза, что это?!

ЭЛИЗА. Я так благодарна ему...

БРУНО. ...За то, что я выбрал тюрьму.

ЭДВАРД. На пару стихи декламируете?

ЭЛИЗА. Эдвард, ты несправедлив к Бруно. Он согласился пожертвовать собой. Подумай, как бы ты повел себя на его месте?

ЭДВАРД. Зато теперь я знаю, как ведешь себя ты. И как Бруно поведет себя на месте Теодора!

ЭЛИЗА. Благородней, чем он, и чем ты!

ЭДВАРД. Ах, вот как! В таком случае приятного времяпровождения в компании мужа-покойника и любовника-каторжанина! (*Уходит.*)

БРУНО. О ком это он?

ЭЛИЗА. Завидует, что сам не догадался отправиться в тюрьму. Упустил случай показать благородство.

БРУНО. Так пусть что-нибудь украдет! И будет ему тюрьма.

ЭЛИЗА. Не надо нам никакой тюрьмы. Отныне этот дом станет образцом добропорядочности... Поэтому встречаться будем у моей подруги.

БРУНО. У Жанны?

ЭЛИЗА. Нет, там слишком людно.

БРУНО. Я согласен где угодно. Но Теодор Эмильевич разрешил и у вас дома.

ЭЛИЗА. Ты еще не знаешь Теодора. Он очень непостоянен.

БРУНО. То умирает, то оживает...

ЭЛИЗА. ...То слово свое забирает. Увидимся завтра. Приноси завтра молоко Ксении. Она живет выше по улице

через два дома. Ее как раз не будет дома.

БРУНО. Обязательно принесу, можете не сомневаться.

ЭЛИЗА. До завтра. *(Целует Бруно в щеку.)*

(БРУНО направляется к выходу, в дверях сталкивается с БЕРГЕНСОМ.)

БЕРГЕНС. Бруно, ты завтра принеси нам молочка к обеду.

БРУНО. К обеду не могу, много заказов. Я лучше занесу утром.

БЕРГЕНС. Приноси утром, еще лучше.

(БРУНО уходит.)

ЭЛИЗА. И много тебе вспомнилось из потусторонней жизни? Сколько надиктовал?

БЕРГЕНС *(меланхолично)*. Даже и не знаю, стоило ли все это затевать?

ЭЛИЗА. Ты о чем?

БЕРГЕНС *(в том же тоне)*. Надо ли было умирать?

ЭЛИЗА. За умирать не знаю. А вот оживать надо постоянно. Я сейчас словно на крыльях летаю.

БЕРГЕНС. Почему? Ведь ты не умирала?

ЭЛИЗА. Но и почти не жила.

БЕРГЕНС. Это верно. Сколько бы человек ни жил, сколь-

ко бы ни повидал, а перед смертью кажется, что ничего и не было.

ЭЛИЗА. Все на будущее надеемся.

БЕРГЕНС. А будущее никогда не наступает. Сегодня пре-
вращается во вчера, а завтра... А завтра никогда не насту-
пает.

ЭЛИЗА. Ничего подобного. Завтра обязательно наступит.
И будет оно лучше, чем сегодня.

БЕРГЕНС. Дай бог, чтобы все было по-твоему.

(Входит АНТУАН.)

АНТУАН. Там Катрин пришла, принесла деньги за тюрь-
му.

БЕРГЕНС. Да что они с этими деньгами как сговорились!

ЭЛИЗА. Пусть оставит их себе.

БЕРГЕНС *(указывая на Элизу)*. Благодаря ей, могла ока-
заться без мужа.

ЭЛИЗА. Это Эдвард придумал отправить его в тюрьму.

БЕРГЕНС. А я его спас. Взял, да и ожил... И долги банку
заплатил.

АНТУАН. Заплатил?

БЕРГЕНС. Ну... почти заплатил. Там вышла маленькая
ошибочка... и немаленькие деньги вернулись назад.

АНТУАН. Всегда хорошо, когда что-то или кто-то возвра-
щается.

БЕРГЕНС. Вот и Катрин снова пришла. Пригласи, я все ей объясню.

ЭЛИЗА. Да, Теодор, лучше, если объяснишь ты. Боюсь, меня она не поймет.

(ЭЛИЗА и АНТУАН уходят. Входит КАТРИН.)

КАТРИН. Я принесла деньги.

БЕРГЕНС. Зачем?

КАТРИН. Чтобы вы не думали, что я с вами за деньги.

БЕРГЕНС. Что ты говоришь! За какие деньги?! По-твоему, и я у тебя... хромал за деньги?

КАТРИН. Вы... вовсе и не хромали.

БЕРГЕНС. Да я все свои сбережения, если хочешь знать, отдам, чтобы снова быть с тобой!

КАТРИН. Не надо мне денег.

БЕРГЕНС. Нет! Если я сказал, что отдам, то отдам! Мое слово закон.

КАТРИН. А с чем же останется ваша супруга?

БЕРГЕНС. Она останется с этим домом, и с теми, кто вьется вокруг этого дома.

КАТРИН. А вы будете просить милостыню?

БЕРГЕНС. Только у тебя? А остальное нам сами принесут – за книгу.

КАТРИН. Вы собираетесь рассказать, как проводили время со мной?

БЕРГЕНС. Боже упаси! Ведь это неопишимо! И потом у нас был совместный труд. Как я могу публиковать его без ведома соавтора? Я напишу какую-нибудь дребедень, вроде туннеля, ведущего к яркому-яркому свету. А в конце туннеля...

КАТРИН (*заинтриговано*). И что вы там встретили?

БЕРГЕНС. А в конце туннеля блаженство – я встретил тебя.

КАТРИН. Нет, меня там не надо.

БЕРГЕНС. Хорошо. Этот момент в книге опустим. Вставим что-нибудь другое. Вот кого бы ты хотела увидеть в конце счастливого туннеля.

КАТРИН. Вас, только вас.

БЕРГЕНС. Тогда мы уже в туннели... (*Обнимает Катрин.*)

КАТРИН. ...Где никто не заходит, никто не мешает.

БЕРГЕНС. И я сделаю все, чтобы и дальше никто не мешал.

(*Входит АНТУАН.*)

АНТУАН. Я вам не помешал?

БЕРГЕНС. Что ты?! Как раз вовремя.

АНТУАН. Бруно опять забыл свой бидончик.

КАТРИН. Бруно?! Я сказала ему, что пойду к подруге. Спрячьте меня куда-нибудь.

АНТУАН. А эти шторы зачем повесили? Для красоты? Заходите, любуйтесь в окошко. У нас замечательный вид. *(Заталкивает Катрин за штору.)*

(Входит БРУНО.)

БРУНО. Теодор Эмильевич, я хотел бы поговорить с вами.

БЕРГЕНС. О бидончике?

БРУНО. Да этих бидончиков у нас два десятка... а жена одна.

АНТУАН. Ничего не поделаешь, мы не персидские шейхи.

БЕРГЕНС. Но Катрин у тебя... никакому шейху не снилась.

БРУНО. Так оно и было поначалу... а теперь...

БЕРГЕНС. Что теперь?

БРУНО. После вашей смерти...

БЕРГЕНС. Я как на свет родился.

БРУНО. А мне после того, как умирал... все не так: в тюрьму не берут, а дома еще хуже тюрьмы.

БЕРГЕНС. И чем я могу тебе помочь?

БРУНО *(нерешительно)*. Теодор Эмильевич... Вы меня, конечно, извините... Но когда вы меня попросили, я сразу согласился. Ни минуты не думал. И денег не требовал.

БЕРГЕНС. Да оставь ты эти деньги! Говори, что тебе на-

до?

БРУНО. Теодор Эмильевич... а не могли бы вы... это вам ничего не стоит... Такой пустячок...

БЕРГЕНС. Ну?

БРУНО. ...Помереть еще разок?

БЕРГЕНС. Конечно, могу. Это всякий в свое время сможет. Но зачем?

АНТУАН. Второй том напишите. Я думаю, в одну книгу весь тот свет не поместится.

БРУНО. Вы бы у меня пожили, а я – у вас, вот в этой комнате.

БЕРГЕНС. Понравилось?

БРУНО. Только немного втянулся... и все... выметайся. Меня даже вдова как следует не оплакала.

БЕРГЕНС. Какая вдова?

БРУНО. Элиза. Какая же еще.

АНТУАН. Зато Катрин как убивалась за тобой вон в той комнате.

БРУНО. Да она просто из любопытства... на новом месте.

БЕРГЕНС. погоди, Бруно... Тебе нравится жить в этом доме?

БРУНО. А кому не понравится, если за тобой вдова от чистого сердца страдает?

БЕРГЕНС. Элиза?

АНТУАН. Да что вы Теодор Эмильевич, все никак не поймете! Здесь кроме Элизы других вдов никогда и не было.

БЕРГЕНС. И на сколько предлагаешь мне умереть?

БРУНО. По правде говоря, чем дольше, тем лучше.

БЕРГЕНС. Э-э-э, так не пойдет!

БРУНО. А потом скажите, что доктор Дориан еще раз вас оживил.

АНТУАН. Да где ты теперь этого Дориана найдешь?! Он теперь мировая знаменитость, по симпозиумам катается.

БЕРГЕНС. Бруно, я подумаю. Я подумаю... А если мне не умирать, а, скажем, захворать?

БРУНО. Да зачем же вам хворать?

БЕРГЕНС. Слегка так... небольшая хандра... требуется серьезное лечение обильным питьем. Например, молоком.

БРУНО. Лучше молока ничего не придумаешь.

БЕРГЕНС. И я поживу у тебя?

БРУНО. А я у вас.

БЕРГЕНС. А я у тебя.

БРУНО. А я у вас.

БЕРГЕНС. И сколько я могу болеть?

БРУНО. Да болейте хоть всю жизнь!

АНТУАН. Что ты говоришь?!

БРУНО. В смысле понарошку.

БЕРГЕНС. Это другое дело.

АНТУАН. А как на это посмотрит Катрин?

БРУНО. Бабье дело молчать и делать, что велит супруг.

АНТУАН. А если она возразит?

БЕРГЕНС. Тогда пусть она появится в эту минуту здесь и

скажет: не хочу! *(Поворачивается в сторону шторы. Пауза.)*

АНТУАН. Теодор Эмильевич, оставьте ваши потусторонние штуки. И так понятно, что всякая женщина обязана слушаться мужа.

БРУНО. Пусть только попробует послушаться.

БЕРГЕНС. А как на это посмотрит Элиза?

БРУНО. На что?

БЕРГЕНС. Ну, что ты будешь вроде меня... вроде как ее муж?

БРУНО. А тут одинаково – если жена, так должна слушать.

БЕРГЕНС. Тебя?

БРУНО. А то кого же.

БЕРГЕНС. Умереть мне и в самом деле! И ты думаешь, она согласится?

БРУНО. А давайте попробуем.

БЕРГЕНС. Что попробуем?

АНТУАН. Что вы, Теодор Эмильевич, еще не стали молочником, а уже такой непонятливый.

(БЕРГЕНС берет колокольчик со стола, звонит.)

БЕРГЕНС. Элиза!

(Входит ЭЛИЗА.)

ЭЛИЗА. Что случилось?

БРУНО. Тут у нас...

АНТУАН. Маленькое затруднение...

БЕРГЕНС (*отстраняя Антуана*). Дорогая, мы хотели с тобой посоветоваться.

ЭЛИЗА. Я тебя не узнаю. Советоваться? Со мной?

БЕРГЕНС. Командировка на тот свет кого угодно изменит...

АНТУАН. ...В лучшую сторону.

БЕРГЕНС. А вот здоровье мое пошатнулось.

ЭЛИЗА. Что случилось?

БЕРГЕНС. Сдавленность в груди, и внутри вроде чего-то не хватает...

АНТУАН. Хорошего питания?

БЕРГЕНС. Наверное. Полноценного, чтобы организм восстановился. Оно и понятно – там мы питались одной амброзией, но здесь на такой диете долго не протянешь.

АНТУАН. Я думаю, как минимум, необходимо обильное питье, желательно – молоко.

БРУНО. Да. Молоко вылечит кого угодно.

БЕРГЕНС. Вот я и думаю, а не пожить ли мне... некоторое время на ферме... у Бруно... ближе к природе, восстановить здоровье?

ЭЛИЗА. А как на это смотрит Бруно? (*Поворачивается к молочнику.*)

БРУНО. А я что? Пусть живет, я ведь в это время буду

жить у вас.

ЭЛИЗА. У нас?

БЕРГЕНС. Ты что, против?

ЭЛИЗА. Нет... почему же... Это даже в некотором смысле справедливо: ты – там, а он – здесь.

БРУНО. Ну, что я вам говорил.

ЭЛИЗА. И как долго ты будешь... выздоравливать?

БЕРГЕНС. До полного восстановления сил. Там и книгу напишу. А здесь то кредиторы, то репортеры...

АНТУАН. Всем хочется узнать, каково на том свете?

БЕРГЕНС. Вы бы меньше себе голову забивали всякими фантазиями, а жили сегодняшним днем, который не возвращается.

АНТУАН. А загробная жизнь никуда не убежит...

БЕРГЕНС. ...В отличие от земной.

ЭЛИЗА. А что скажет Катрин?

БЕРГЕНС. Насколько я понимаю, она промолчит... Согласится молча.

БРУНО. Да будь она здесь, я бы ей прямо так и сказал!..

БЕРГЕНС. В семье не должно быть командиров.

ЭЛИЗА. Я тебя совершенно не узнаю.

БЕРГЕНС. Это мне свыше... низошло. И еще меня там кое-чему научили.

ЭЛИЗА. Надеюсь, хорошему?

АНТУАН. Не волшебству?

БЕРГЕНС. Какое волшебство. Обыкновенная телепорта-

ция. Посмотрите на дверь.

(Все поворачиваются в сторону двери. В это время Бергенс выводит КАТРИН из-за шторы.)

БЕРГЕНС. А теперь смотрите сюда.

(Все поворачиваются и видят Катрин.)

БРУНО. Чудеса!

АНТУАН. Немыслимо!

ЭЛИЗА. Невероятно!

БЕРГЕНС. Это еще не все мои новые способности.

АНТУАН. Бьюсь об заклад, что Катрин, только что перенесенная сюда волшебной силой Теодора Эмильевича, понятия не имеет, о чем мы говорили.

БЕРГЕНС. Имеет. Я позволил ей читать мысли на расстоянии. *(Катрин.)* О чем мы говорили?

КАТРИН. О плохом здоровье.

ЭЛИЗА. О колене Бруно?

КАТРИН. О здоровье Теодора Эмильевича. И о том, что доктор Дориан прописал ему усиленное питание молоком... в нашем доме.

ЭЛИЗА. Чудеса!

КАТРИН. И я согласна выходить его... совершенно бесплатно.

БРУНО. И мне никаких денег не надо.

БЕРГЕНС. Вот видите! Было бы согласие между людей, а деньги... Что деньги?... Конечно, если они сыплются со всех сторон, то мы их прогонять не будем.

БРУНО. Не будем.

АНТУАН. Зачем расходовать здоровье для бессмысленной борьбы с богатством?!

БЕРГЕНС. Оно и для других дел понадобится.

ЭЛИЗА. Это для каких еще других?

БЕРГЕНС. Ну... книги там писать или устраивать спектакли. Или, на худой конец, всем залом дружно нам поплодировать.

(Занавес)

НАШЕСТВИЕ ПЛЕМЯННИКОВ

(Комедия в двух действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БОРИНСОН – миллионер

ЭМИЛИЯ – жена Боринсона

СЕБАСТЬЯН – камердинер

ЖАННА – секретарь

ПАТРИК – племянник

ЮЛИЙ – второй племянник

ЖИЛЬБЕРТ – налоговый инспектор

КАТРИН – жена Жильберта

КОМИССАР

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие происходит во Франции, в доме семейства Боринсонов. Необходимая обстановка: входная дверь по центру, слева – две двери, одна в спальню, вторая – в рабочий кабинет Боринсона. Справа – дверь в другие комнаты. Также есть камин, диван, журнальный столик с колокольчиком на нем и телефоном, секретер с выдвигающимися ящичками, компьютерное кресло, обычное кресло у камина. На

стене в рамке групповой снимок трех мальчишек.

(БОРИНСОН сидит в кресле у камина, перебирает бумаги. Некоторые листы бросает в огонь. Входит СЕБАСТЬЯН с маленьким подносом в руках – принес кофе.)

СЕБАСТЬЯН. Доброе утро, Адриан Стефанович.

БОРИНСОН. Кому доброе, а кое-кто еще и глаз не сомкнул.

СЕБАСТЬЯН. Мне тоже не спалось – кости ломило. Не иначе как на погоду.

БОРИНСОН. Вечно ты со своими глупостями! Причем здесь погода? Погода, она каждый день. Ты хотел сказать, ожидается дождь?

СЕБАСТЬЯН. Да какая нам разница, дождь или снег. Крыша не течет, тяга в камине хорошая, сиди себе – отогревай косточки.

БОРИНСОН. Ты хоть знаешь, чем я сейчас топлю этот камин?!

СЕБАСТЬЯН. Ясное дело – бумажками. Тяжело поленце поднять – не желаете себя утруждать.

БОРИНСОН. Да я сейчас половину жизни в топку бросаю! Столько ненужных бумаг.

СЕБАСТЬЯН. Это любовные письма ваших красавиц?

БОРИНСОН. Акции это, акции! Отныне ими топить камин дешевле, чем дровами. Мусор и только! Вот на каком

фундаменте я построил свою жизнь!

СЕБАСТЬЯН. Да-а-а... Вы много чего понастроили: и заводы, и фабрики, и даже нефтяную вышку. Помните, говорили, это вам не Эйфелева башня, что шилом торчит среди города. Моя, в отличие от нее, деньги качает.

БОРИНСОН. Накрылась моя качалка. Лопнула нефтяная компания, половину состояния потерял! Нищие мы с тобой, Себастьян, старые нищие горемыки.

(Входит ЭМИЛИЯ.)

ЭМИЛИЯ *(Боринсону)*. Адриан, не устраивай здесь дом престарелых. Вам двоим только по пятьдесят.

БОРИНСОН. Эмилия, зато тебе, как обычно, всегда тридцать.

ЭМИЛИЯ. Ничего подобного – двадцать, и точка.

БОРИНСОН. Вот и будь двадцатилетней нищенкой. Я столько в эту нефтедобычу вложил, хоть забирайся на вышку – и вниз головой!

СЕБАСТЬЯН. А пустят? Ведь говорите, она теперь не ваша.

БОРИНСОН. Пустят. Еще не все знают о потере активов. Но Жильберт – это налоговое чудо, первым унюхал, что дело худо. Говорит, больше не будет прикрывать меня. А тут еще бедные родственники! Это она во всем виновата! *(Указывает на Эмилию.)*

ЭМИЛИЯ. Да я-то при чем? Ты же сам решил передать племянникам основное состояние, а нам оставить только вышку!

БОРИНСОН. А кто меня поддержал в этой глупости?! И письма ты составляла. *(Кривляется.)* Уважаемый братец, я принял решение... *(Обычным тоном.)* Братец прочтет и решит, что я ударился головой. Ничего они не получают!

ЭМИЛИЯ. Как не получают?! Ведь мальчики скоро приедут!

БОРИНСОН. Как приедут, так и уедут! Что мне, все отдать, а самому идти по миру с котомкой?!

ЭМИЛИЯ. Но это некрасиво получится.

СЕБАСТЬЯН. Ехали на свадьбу – попали на призывной пункт.

ЭМИЛИЯ. Отдашь половину из того что осталось.

БОРИНСОН. А вот шиш им! Двадцать лет видеть не хотели, а теперь, когда прослышали о наследстве – примчатся.

ЭМИЛИЯ. Да разве они виноваты! Ты сам нос воротил, ни разу не приглашал. Все некогда было.

БОРИНСОН. А разве не так! Я что, по-твоему, отдыхал?!

ЭМИЛИЯ. Вот теперь и отдохни.

БОРИНСОН. С фуражкой на паперти? *(Себастьяну.)* Вот ты, Себастьян, обрадовался бы разорению?

СЕБАСТЬЯН. Чтобы разориться, не мешало бы сначала разбогатеть.

БОРИНСОН. А хотел бы стать миллионером?

СЕБАСТЬЯН. Я? Не смешите.

БОРИНСОН. А вот придется.

СЕБАСТЬЯН. Что придется?

БОРИНСОН. Побывать в моей шкуре.

ЭМИЛИЯ. Ты о чем?

БОРИНСОН (*Себастьяну, поднимаясь с кресла*). Слушай, дружище, мы двадцать три года знаем друг друга.

СЕБАСТЬЯН. Тридцать два.

БОРИНСОН. Тем более. Вот я – миллионер, кровосос, капиталист...

ЭМИЛИЯ. Еще и бабник.

БОРИНСОН (*Эмилии*). Эмма, оставь свою песню, нашла время. (*Себастьяну*.) Я владелец заводов и всего прочего, а ты – мой камердинер. Разве это справедливо?

СЕБАСТЬЯН. Да вы что, Адриан Стефанович, в коммунисты записались?

БОРИНСОН. Нет, нефтяной промысел потерял. А когда что-то теряешь, всегда вспоминаешь о справедливости. Иной раз стыдно людям в глаза смотреть.

ЭМИЛИЯ. Что-то по отношению к родственникам не заметно.

БОРИНСОН. Вот как раз перед ними и стыдно. Приедут, а вместо обещанного состояния увидят нищего бедного старика, пострадавшего от рыночной экономики.

СЕБАСТЬЯН. Да что вы заладили о страданиях, будто от них какой-нибудь прок. Вот у меня поясницу ломит, так что?

Все время вспоминать? Просто малость неудобно, и все.

БОРИНСОН. А у меня колени болят. Недавно хотел богу помолиться, а ноги не сгибаются. Значит, он не захотел меня слушать, коль такую болячку организовал! А если не хочет, то и не надо! Особенно после того, что на бирже сотворил.

ЭМИЛИЯ. Адриан, вашей биржей заведует другой товарищ.

БОРИНСОН. Ну, уж нет! Этому я молиться не стану. Но и главного благодарить не за что. За один день столько потерять! А тут еще родственнички!

ЭМИЛИЯ. Они завтра приедут.

СЕБАСТЬЯН. А может и сегодня.

БОРИНСОН. Вот ты их и встретишь.

СЕБАСТЬЯН. Отчего же не встретить – комнаты приготовлены, только ваш кабинет не высох.

БОРИНСОН. Встретишь по-хозяйски.

СЕБАСТЬЯН. Можете не сомневаться, все будет, как полагается.

БОРИНСОН. Я говорю, встретишь их, как настоящий хозяин.

СЕБАСТЬЯН. А как же иначе.

БОРИНСОН. Да что за привычка все перекручивать! Встретишь от имени Адриана Стефановича Боринсона!

СЕБАСТЬЯН. Еще бы не встретить... Встретим по-человечески.

БОРИНСОН. Господи! Да ты временно станешь Боринсо-

ном! Они меня, слава богу, с детства не видели. И видеть не хотели, пока о денюжках не прознали!

СЕБАСТЬЯН. Так вы денег, как я понимаю, и не собираетесь давать.

БОРИНСОН. Это ты им не дашь. Объяснишь, мол, так и так, последний сухарик в воде размачиваю. Телевизор перестал смотреть – там в рекламе жареные сосиски показывают. Одним словом, устроишь им от ворот поворот. А что делать, если совсем обеднел?!

СЕБАСТЬЯН. Да беднее меня и в самом деле некуда.

БОРИНСОН. Вот и хорошо, что у тебя все так счастливо сложилось. Кому же, как ни тебе, бедность изображать? И мне краснеть не придется.

ЭМИЛИЯ. Вот как ты встречаешь бедных мальчиков! Мы их столько лет искали, после крушения корабля. Третьего до сих пор найти не можем.

БОРИНСОН. Раньше надо было находиться. А теперь и мой корабль разбился. Сижу на мели.

ЭМИЛИЯ. А ты на это время куда-то уедешь?

БОРИНСОН. Никуда я не уеду. Я временно возложу на себе обязанности нашего уважаемого Себастьяна. Ведь не может миллионер оставаться без камердинера? Буду наблюдать за родственниками, как постороннее лицо.

СЕБАСТЬЯН (*с обидой*). Значит, я в этом доме был посторонний?

БОРИНСОН. Да не посторонний. Буду наблюдать со сто-

роны. Сделаюсь твоим камердинером. Кстати, это очень даже справедливо: ты исполняешь мою роль, а я – твою.

ЭМИЛИЯ. Ты меня заинтриговал. И до какой степени будет доходить правдоподобность?

БОРИНСОН. До разумной, и не более.

СЕБАСТЬЯН *(в сторону)*. Я разочарован.

ЭМИЛИЯ. Что за половинчатость решений?

СЕБАСТЬЯН. Так вы что, будете мне прислуживать?

БОРИНСОН. Ну почему сразу – прислуживать. Подставлю плечо, помогу перенести неожиданно свалившуюся на тебя бедность. Ты, вон, сколько помогал переносить неподъемное бремя роскоши.

(Слышится дверной звонок.)

БОРИНСОН. погоди, кто-то приехал. Давай сюда твою ливрею, держи пиджак. *(Боринсон и Себастьян меняются одеждой.)*

БОРИНСОН. Я открою.

ЭМИЛИЯ. Жанна увидит тебя в этом наряде – со смеху умрет.

БОРИНСОН. Я ее предупредил. *(Себастьяну.)* Садись в кресло и представь меня достойно.

СЕБАСТЬЯН. Потерявшим нефтяную вышку?

БОРИНСОН. Ни в коем случае! Они воспримут потерю, как собственную. Разве я похож на человека, способного

огорчить родственников?!

(Опять слышится звонок. БОРИНСОН уходит, СЕБАСТЬЯН застегивает пиджак, красуется перед Эмилией.)

СЕБАСТЬЯН. Как вам новый муженек?

ЭМИЛИЯ. Лучше прежнего.

СЕБАСТЬЯН. Никогда не ожидал от него такого подарка. Вы знаете о моих чувствах к вам. Наконец-то я смогу выполнять обязанности вашего супруга.

ЭМИЛИЯ. Себастьян, не надо. Это только игра. Очередная блажь Адриана.

СЕБАСТЬЯН. Но все равно я счастлив, и, вместе с тем, опечален.

ЭМИЛИЯ. Моим отказом?

СЕБАСТЬЯН. Что придется ворчать и покрикивать на вас.

ЭМИЛИЯ. Как бы ты ни старался, у тебя никогда не получится огорчить меня больше Адриана.

(СЕБАСТЬЯН расстегивает пиджак, разваливается в кресле. Входит БОРИНСОН в ливрее. Его походка и внешность сделались лакейскими, говорит подобострастно.)

БОРИНСОН. Адриан Стефанович, пожаловали ваш племянник Юлий.

СЕБАСТЬЯН. Пригласи, Себастьян. Что-то вид у тебя потрепанный. Не иначе, как вчера злоупотребил? Щеки так и горят.

БОРИНСОН. Это от простуды, Адриан Стефанович.

СЕБАСТЬЯН. Смотри, как бы краска от твоей простуды на нос не перекинулась.

(Входит ЮЛИЙ.)

СЕБАСТЬЯН *(поднимаясь с кресла)*. Юлий! Наконец-то! Как я рад тебя видеть!

ЮЛИЙ. Добрый день, дядюшка! Добрый день, тетушка!
(Целует руку Эмилиш.)

СЕБАСТЬЯН. Как перенес дорогу?

ЮЛИЙ. Ужас! Море так штормило, что капитана едва не смыло с палубы. Хорошо, что штурман поймал его за бороду.

СЕБАСТЬЯН *(Боринсону)*. Вот видишь, как подчиненный должен заботиться о начальстве!

БОРИНСОН. Да у вас бороденка-то почти не растет. Что мне, за уши вас ловить?

СЕБАСТЬЯН. Поговори мне еще. Лучше распорядись насчет обеда. Известное дело, как продукты усваиваются во время шторма.

(БОРИНСОН уходит.)

СЕБАСТЬЯН (*Юлию*). Ох, и вырос ты, Юлий! Никогда бы не узнал, повстречай на улице.

ЮЛИЙ. И вы, дядюшка, очень изменились – сами на себя не похожи. Я надеялся увидеть вас другим.

СЕБАСТЬЯН. Это каким другим?

ЮЛИЙ. Примерно, как ваш камердинер, толстеньким и ворчливым. А вы еще ого-го! Молодой и стройный.

СЕБАСТЬЯН. Моей заслуги в этом нет. Это все природа – досталось от предков. И Эмилия вон старается, держит меня в тонусе.

ЭМИЛИЯ. Приходится. Чтобы не превратился в Себастьяна.

ЮЛИЙ. Что вы! Какой Себастьян?! И ум у вас необыкновенно светлый.

СЕБАСТЬЯН. А все потому, что вовремя выгнали со школы. Прочись еще пару годиков – и совсем бы пропал. Я двадцать лет всю эту школьную дурь из головы выбивал. Насилу справился. Так что ты, Юлий, с наукой поосторожней. Надеюсь, Кембриджей не кончал?

ЮЛИЙ. Что вы, дядюшка? Бог миловал. У вас намерен учиться. Все в один голос твердят, вы финансовый гений.

СЕБАСТЬЯН. Да какой там финансовый! Обыкновенный, самый что ни на есть рядовой. Понапридумывают всякого.

(Входит БОРИНСОН.)

БОРИНСОН. Адриан Стефанович, в какую комнату прикажите поселить Юлия?

СЕБАСТЬЯН. Я ведь тебе сто раз говорил, что рядом с моей.

БОРИНСОН. Но там еще краска после ремонта не высохла.

СЕБАСТЬЯН. За неделю не высохла?! Краску без меня высушить не можете!

ЭМИЛИЯ. Я покажу ему комнату. *(Направляется к выходу.)*

СЕБАСТЬЯН. Я покажу. Без меня вы опять что-нибудь напутаете.

(СЕБАСТЬЯН и ЭМИЛИЯ уходят.)

ЮЛИЙ *(Боринсону)*. Ох, и бодрый у тебя хозяин!

БОРИНСОН. Все на нем... Все на нем... И как только поспевает.

ЮЛИЙ. Но и ты, дружок, смотрю, еще крепенький. Скажи-ка, почтенный, с чего это твой хозяин, с виду вроде еще не совсем выживший из ума, решил раздарить свое состояние? Хочет окончательно поссориться с родственниками?

БОРИНСОН. Наоборот. Он до этих вот пор переполнен радостью. *(Резко проводит ребром ладони по горлу.)* Так что решил поделиться с племянниками. Сам нахлебался – угости

других. Но вы правильно заметили, с виду он вроде как бы нормальный.

ЮЛИЙ. А на самом деле?

БОРИНСОН. На самом деле... Да при такой перегрузке деньгами у всякого вагоны в голове с рельсов соскочат. Стал вести себя хуже неотесанного мужика: ни воспитанности тебе, ни уважения к другим. Как будто вся мировая культура мимо него прошмыгнула.

ЮЛИЙ. Это простительно – все деньги делал. Некогда было. А что-то я слышал, будто бы твой хозяин пострадал на бирже?

БОРИНСОН. Да что ему эта биржа! Комариный укус. Почесал местечко, где раньше пару миллионов было – и дальше себе посвистывай.

ЮЛИЙ. А ты, Себастьян, смотрю, мужичок головастый. Вот скажи, не смог бы ты при случае, если что услышишь от хозяина, мне сообщать? Я в накладе не останусь.

БОРИНСОН. А почему бы и нет. Чего доброго, он все пораздарит, ни себе, ни нам не останется.

ЮЛИЙ. Э-э-э, да ты, я вижу, умнее своего хозяина будешь.

БОРИНСОН. А еще другие родственники понаедут... Не угадаешь, как и подступиться. Уж лучше с одним дело иметь.

ЮЛИЙ. Вот это умница! Я тебя, Себастьян, можешь не сомневаться, отблагодарю. Ты только не забывай меня дя-дюшке нахваливать. Мол, Юлий вас очень уважает, отзыва-

ется, как об родном папаше. А уж как любит вас – передать невозможно!

БОРИНСОН. Не сомневайтесь, о вашей любви он узнает первым.

ЮЛИЙ. Молодчина! А тетушка его как?

БОРИНСОН. В каком смысле?

ЮЛИЙ. Ну что ты, Себастьян, как малый ребенок?! Обыкновенных вещей не понимаешь. Как она молодых людей встречает?

БОРИНСОН. Молодых... Это каких?

ЮЛИЙ. Да хоть меня, например. Сравни меня и этого старикана. Женщины, они, как известно, внимания к себе требуют, о всяком таком мечтают. Чтобы ими восторгались, на колени перед ними падали. Что-то мне подсказывает, что она изменяет моему драгоценному дядюшке. (*Изображает рожки над головой.*) Нет, я, конечно, не осуждаю. Кому понравится целыми днями слушать, как у него скрипят колени. Тут всякая на стену полезет. Понятно, она тоже не первой свежести, но приударить за ней еще можно.

БОРИНСОН. К-х, к-х... Нет! Насчет этого хозяйка строгая. И не вздумай, только хуже сделаешь!

ЮЛИЙ. Ничего ты, Себастьян, в женщинах не понимаешь. Внутри они себя до старости двадцатилетними видят. Глупости, конечно. Но я ведь не жениться собираюсь. И дело вести буду осторожно, вежливо и с подходом. Тут меня учить не надо. А насчет благодарности не сомневайся. Если

с тетушкой выгорит, тебя вдвойне отблагодарю. Да не выпучивай так глаза – век меня вспоминать будешь!

(Входит ЖАННА.)

ЖАННА. Добрый день. Пожалуйста в столовую. Обед готов.

БОРИНСОН. А это наша Жанна – секретарь Адриана Стефановича. Вся деловая переписка не ней. Весь бизнес ведется с ее помощью. Не знаю, чтобы он без нее и делал?

ЖАННА. Предполагаю, что... нашел бы другого секретаря. *(Смеется.)* А вот камердинера непременно бы оставил.

БОРИНСОН. Нет. Он оставил бы только тебя. Где он отыщет такого красивого и исполнительного секретаря? *(Показывает Юлию часы.)* Вот, смотри, обед назначен ровно на два – минута в минуту. А без нее еще бы часа три голодали.

(Входит СЕБАСТЬЯН.)

СЕБАСТЬЯН. Приглашаю на обед, все уже стынет.

БОРИНСОН. Юлий, проходи, я сейчас догоню.

(СЕБАСТЬЯН и ЮЛИЙ уходят.)

ЖАННА. Адриан Стефанович, ох и забавно вас видеть в этой роли!

БОРИНСОН. Ласточка моя! Как я рад, что сумел разве-селить тебя хоть таким образом. Для тебя я готов в любую зверушку нарядиться!

ЖАННА. Адриан Стефанович, не шумите, нас могут услышать.

БОРИНСОН. Да пусть все слышат, как я люблю тебя!

ЖАННА. И ваша жена?

БОРИНСОН. А вот ее огорчать не стоит. Все-таки лучше, если она ничего не знает.

ЖАННА. И знать то нечего. Но все равно, если догадается, что вы влюбились...

БОРИНСОН. А сделать ничего не сможет – старший здесь я. Я хозяин своей судьбы! Если б ты знала, до какой степени я обожаю тебя! Не поверишь, на старости лет начал стихи писать. Вот послушай – они посвящены тебе. *(Подходит к секретеру, выдвигает один из ящичков, вынимает лист бумаги, читает.)*

Пусть все в моем доме меня заругают,

На бирже пускай заклюет воронье,

Я буду любить вас, моя дорогая,

До гроба, до смерти, и после нее!

ЖАННА. Бедный Адриан Стефанович! Я восхищена. *(Подходит, гладит Боринсона по голове, как ребенка.)*

БОРИНСОН *(радостно)*. Я напишу целую поэму. *(Трясет листом бумаги.)* Ты увидишь, на что способен Боринсон! *(Настороженно прислушивается.)* Там, кажется, кто-то

идет. *(Кладет стихи в ящик секретера, задвигает его.)* Мне сейчас лучше уйти.

(БОРИНСОН уходит. Входит ПАТРИК с чемоданом и плащом, перекинутым через руку.)

ПАТРИК. Добрый день. Извините, я оборвал звонок, но никто не отвечает.

ЖАННА. Я ничего не слышала.

ПАТРИК. Вероятно, в этом дом прибыло столько родственников, что звонок не выдержал нагрузки. Я Патрик – племянник Адриана Стефановича. Прибыл по его приглашению.

ЖАННА. Еще один племянник?

ПАТРИК. Что значит еще? Разве уже кто-то есть?

ЖАННА. Конечно. Юлий. Он приехал сегодня утром.

ПАТРИК. А мне звонил, что прибудет завтра.

ЖАННА. Странно.

ПАТРИК. Странно, что я племянник? Приношу свои извинения. Но все претензии, что я не брат и не дедушка Адриану Стефановичу, а всего лишь племянник, адресуйте моим родителям.

ЖАННА. Я вас не виню. И в свою очередь приношу извинения, что не принадлежу к славному роду Боринсонов. Я всего лишь секретарь Адриана Стефановича – Жанна.

ПАТРИК. Очень приятно. Похоже, дядюшка знает толь-

ко в кадровой политике, если нашел столь очаровательного сотрудника.

ЖАННА. А вы раньше когда-нибудь видели Адриана Стефановича?

ПАТРИК. Нет, не доводилось, не было повода.

ЖАННА *(в сторону)*. Слава богу, он его не узнает. *(Патрику.)* А теперь вот случай представился. Он решил поделить свое состояние между родственниками.

ПАТРИК. По-моему, он немного запоздал с таким решением.

(Входит СЕБАСТЬЯН.)

СЕБАСТЬЯН. Жанна, возьми себе за правило, встречаться с женихами за пределами этого дома.

ЖАННА. А это и не жених, а ваш племянник Патрик.

СЕБАСТЬЯН. Патрик! Господи! Извини, не узнал. Что же ты не сообщил?! Мы бы выслали машину. А вырос-то как! Жанна, посмотри, какой красавец вымахал! И сколько же я тебя не видел?

ПАТРИК. Мне двадцать восемь. Вот ровно столько лет и не виделись.

СЕБАСТЬЯН. Не говори... как быстро летит время! *(Жанне.)* Это мой самый толковый племянник. Говорят, за что ни возьмется, обязательно сделает.

ЖАННА. В этом он мне вас напоминает, Адриан Стефа-

нович. Вы в любой роли хорошо смотрите.

СЕБАСТЬЯН. А как же иначе. Но ты его оцени – вылитый я в молодости! (*Патрику.*) Как дорога? Море штормило? Только не говори, что штурман ловил капитана за бороду.

ПАТРИК. Я после того крушения предпочитаю летать самолетами – быстрее и безопасней. Однако на подлете, действительно, случилась серьезная болтанка. Штурману пришлось ловить стюардессу. Она теряла равновесие.

СЕБАСТЬЯН. Правильно и делал. Когда женщина теряет равновесие, настоящий мужчина не должен теряться.

ЖАННА. Адриан Стефанович, как вы можете говорить такие вещи племяннику!

СЕБАСТЬЯН. Вот! Даже в старости не позволяют человеку сказать, что он думает об устройстве мира. (*Берет колокольчик со стола и звонит.*)

(*Входит БОРИНСОН.*)

СЕБАСТЬЯН. Себастьян, познакомься, это умнейший из молодых людей на свете – мой племянник Патрик.

БОРИНСОН. Очень приятно. Себастьян. Рад видеть вас в нашем доме.

СЕБАСТЬЯН. А это Себастьян – мой камердинер. Начал служить, когда тебя еще на свете не было. И вот, верой и правдой – двадцать три года.

БОРИНСОН. Тридцать два.

СЕБАСТЬЯН. Правильно, долгие тридцать два. А я его, если честно, все это время не очень ценил и крепенько притеснял: то капризничал, то срывал на бедняге свое плохое настроение.

БОРИНСОН. Не выдумывайте, Адриан Стефанович. Такого никогда не было.

СЕБАСТЬЯН. Было! Еще и как было! Как начну, бывало, изводить претензиями, он, горемыка, не знает, куда спрятаться. Хоть в петлю лезь.

БОРИНСОН. Не преувеличивайте. Если что и случилось, то вы быстро отходили.

СЕБАСТЬЯН. По три дня бывало распекал. Рядом никого под рукой, так я давай его, Себастьяна, утюжить. А он ведь, если посмотреть, золотой человек. А какой исполнительный – целый день суетится без усталости. Несправедлив я был к нему, вот как на духу говорю – очень несправедлив.

БОРИНСОН. Да прекратите, в конце концов... меня нахваливать!

СЕБАСТЬЯН. Ишь, какой нервный! Прямо молнии мечет. Но это он только с виду. Внутри – спокойный и преданный своему хозяину. А я, чего уж там говорить, – свинья свиньей!

ПАТРИК. Дядюшка, не ожидал от вас такой самокритики. Я ведь, между нами, как и все прочие родственники, считал вас немного заносчивым и бессердечным.

СЕБАСТЬЯН. Да чего уж там, говори прямо, деспотом и самодуром.

ПАТРИК. Нет. Самодуром вас считает мой папа. А я, пока человека не увижу, судить не берусь.

СЕБАСТЬЯН. Вот это верная позиция.

ПАТРИК. И я оказался прав. Все считали вас грубияном, зазнайкой, бессердечным воротилой...

СЕБАСТЬЯН. Все это выдумали завистники.

ПАТРИК. А все оказалось наоборот. Вы отзывчивый и добрый.

БОРИНСОН. Этого у него не отнимешь. Шутка ли, состояние свое решил пустить по ветру. Кто на такую глупость решится?!

СЕБАСТЬЯН. Помолчи, Себастьян. Не тебе моими деньгами распоряжаться.

БОРИНСОН. Вот видите, как он начинает себя вести, когда дело касается денег. Так что я Адриана Стефановича за его невоздержанность не виню. Я его понимаю, как никто другой. Были миллионы, и вот тебе – отдавай!..

СЕБАСТЬЯН. Насчет моих миллионов мы еще поговорим. *(Подходит к стене с фотографией.)* Ты который здесь будешь?

ПАТРИК. Вот. Крайний слева.

СЕБАСТЬЯН. Да ты и тогда был выше всех.

ПАТРИК. А вот это Юлий. А Ореста так и не нашли.

СЕБАСТЬЯН. Наверное, утонул, бедняга.

ПАТРИК. Не знаю, дядюшка. Но плавал он хорошо.

СЕБАСТЬЯН. Не будем о грустном.

ЖАННА. И в самом деле. Лучше бы покормили молодого человека – все-таки с дороги.

СЕБАСТЬЯН. Да-да, Жанна. И покажи Патрику его комнату.

(ЖАННА и ПАТРИК уходят.)

БОРИНСОН. Что ты здесь нагородил?! В какое положение ты меня ставишь?

СЕБАСТЬЯН. Причем здесь ты? Я свою репутацию порчу. А тебя наоборот нахваливаю. Он к тебе большим уважением проникнется.

БОРИНСОН. К Себастьяну, а не ко мне.

СЕБАСТЬЯН. А ты пока и есть Себастьян. Так что от племянника за мои страдания даже чаевые получишь.

БОРИНСОН. ...В обмен на миллионы?..

СЕБАСТЬЯН. ...Которые ты не собираешься ему отдавать.

БОРИНСОН. Обойдутся. Но ведь поначалу я хотел отдать. Если бы не разорение...

СЕБАСТЬЯН. Опять ты про нефтяную вышку.

БОРИНСОН. Это я так, по привычке. На самом деле, как придумал тобою статью, впервые успокоился. И аппетит налавился. Мысли разные о бирже в голову не лезут.

СЕБАСТЬЯН. Это потому, что я сквозь пальцы смотрю на твои проделки. Посмотри, во что дом превратил! А кабинет?!

БОРИНСОН. Да это ты додумался притащить сюда краску!

СЕБАСТЬЯН. Так убери, если мешает.

БОРИНСОН. Себастьян, уж слишком ты рьяно взялся меня изображать.

СЕБАСТЬЯН. Хочешь расторгнуть договор?

БОРИНСОН. Нет! Что ты! В доме, действительно, не прибрано. Шеф, я все устраню.

СЕБАСТЬЯН. То-то же! Смотри мне! И передай Жанне, пусть попридержит свои ухмылки, когда разговаривает со мной. Иначе родственники догадаются о подмене.

БОРИНСОН. Все зависит от того, насколько ты достоверно будешь меня изображать.

СЕБАСТЬЯН. О-о-о! Насчет достоверности не сомневайся. Изображу в наилучшем виде. Буду капризным, наглым и привередливым. А еще занудой и бабником. Тут уж всякий поверит.

БОРИНСОН. Делай, как знаешь. А я в своей новой должности постараюсь поступать по-твоему: плевать на все твои распоряжения, трижды в день наведываться в винный погреб, спать не раздеваясь в одной из дальних комнат – якобы занимаясь там неотложными делами. И не откликаться вот на этот звонок. (*Указывает на звонок.*)

СЕБАСТЬЯН. Так что мы и дальше будем вести нашу спокойную и привычную жизнь.

БОРИНСОН. Ах, если бы не эти племянники! Ты уж их как-нибудь побыстрее отвадь.

(Раздается телефонный звонок. БОРИНСОН берет трубку.)

БОРИНСОН. Да. Боринсон... слушаю.

ГОЛОС ЖИЛЬБЕРТА *(Из динамика)*. Ты меня узнал?

БОРИНСОН. Жильберт?

ГОЛОС ЖИЛЬБЕРТА. Не называй меня по имени. Иначе сядем вдвоем.

БОРИНСОН. Жильберт, Ты о чем?

ГОЛОС ЖИЛЬБЕРТА. Еще раз назовешь меня, и я положу трубку.

БОРИНСОН. Хорошо... Неизвестный, я вас внимательно слушаю.

ГОЛОС ЖИЛЬБЕРТА. К тебе направили тайного агента!

БОРИНСОН. Из департамента по налогам?

ГОЛОС ЖИЛЬБЕРТА. У-у-у!..

БОРИНСОН. Я все понял. Вовсе не из вашего ведомства. Что ему надо?

ГОЛОС ЖИЛЬБЕРТА. А то ты не знаешь! Я не могу называть его, иначе потеряю должность и сяду рядом с тобой. Все! Берегись! И приведи в порядок документацию. *(Звонок)*

обрывается.)

БОРИНСОН. К нам... направили налогового инспектора...

СЕБАСТЬЯН. К нам или к тебе?

БОРИНСОН. Господи! Сначала разорили, а теперь решили добить инспектором. Скажи, это по-человечески?!

СЕБАСТЬЯН. Да-а-а... Это непорядок... когда камердинер хватается телефон и представляется хозяином.

БОРИНСОН. Но это Жильберт! Мой прикормленный налоговый.

СЕБАСТЬЯН. Наверное, ты прикармливал его, как собираешься угощать племянников?

БОРИНСОН. Да у него два дома, и оба купил за мои деньги.

СЕБАСТЬЯН. Вы грабили государство на пару?

БОРИНСОН. Он грабил меня, но в половину меньше, чем это делало государство. Это Юлий!

СЕБАСТЬЯН. Ты же сказал Жильберт?

БОРИНСОН. Инспектор! Инспектор – это Юлий. Я его сразу раскусил. Изображает из себя прохвоста и просит, чтобы я докладывал о тебе.

СЕБАСТЬЯН. Обо мне?

БОРИНСОН. Обо мне. То есть о Боринсоне. Я уверен, он подкатит и к тебе, а ты ничего не смыслишь в финансах. Мы погибли! Мы лишимся последнего!

СЕБАСТЬЯН. Этого еще не хватало! Я только начал вхо-

дить во вкус.

(Входит ЖАННА.)

ЖАННА. Наша сладкая парочка воркует.

БОРИНСОН. Жанна, оставь свои шутки. Выпроваживать родственников – нелегкое занятие.

СЕБАСТЬЯН. Жанна, и пожалуйста, перестань ухмыляться. Ты нам испортишь весь маскарад. На карту поставлена добропорядочность Боринсонов.

ЖАННА. Пустое место не ставят. Лучше подскажите, где разместить Патрика?

СЕБАСТЬЯН *(указывая на Боринсона)*. Пусть этим занимается мой камердинер. За что я ему жалованье плачу? Посмотри на его брюки. Их жевал пьяный бегемот. Поселите Патрика в розовой комнате.

ЖАННА *(Себастьяну с преувеличенным почтением)*. Многоуважаемый хозяин, а вас куда определить?

СЕБАСТЬЯН. Что за странный вопрос. Я, как и полагается, буду отдыхать в хозяйских покоях.

БОРИНСОН. Погоди...

СЕБАСТЬЯН. И годить нечего! Знай свое место! И чтобы в моей спальне был идеальный порядок!

ЖАННА *(Боринсону, с издевкой)*. Вот так-то!

СЕБАСТЬЯН. Взялся служить, так и мне дай пожить. Все! Нечего языками чесать. Занимаемся делом. *(Выпроважива-*

ет Боринсона и Жанну из комнаты и кричит вдогонку.) Себастьян, принеси бутылочку бренди! (В сторону.) О-хо-хо! И зачем я согласился на эту каторгу?

(Входит ПАТРИК с газетой в руках.)

ПАТРИК. Дядюшка. Я хотел бы поговорить с вами.

СЕБАСТЬЯН. Чего ж не поговорить. Присаживайся.
(Указывает на кресло.)

ПАТРИК *(садится)*. Я тут в газете прочел тревожное сообщение.

СЕБАСТЬЯН. Неужели опять дожди? Мои колени не выдержат. Или ветер?

ПАТРИК. Настоящий ураган, притом – на фондовой бирже.

СЕБАСТЬЯН. А-а-а! Опять о моей нефтяной компании пишут. Я знаю об этом. Ничего страшного – пустые разговоры.

ПАТРИК. Да если бы только нефтяная компания. Пишут, что вы потеряли все свое состояние. Вот тут совершенно четко сказано...

СЕБАСТЬЯН. Глупости все это! Не верь газетным пискам.

ПАТРИК. Дядюшка, как не верить?! В моих руках биржевые ведомости. Тут все котировки. Вы разорились! Разорились вчистую. Сначала потеряли нефтяную компанию, а

теперь – все остальное.

СЕБАСТЬЯН. Не может быть!

ПАТРИК. И, тем не менее, это так.

(Входит БОРИНСОН с бутылкой бренди на подносе.)

БОРИНСОН. Сэр, ваше лекарство.

СЕБАСТЬЯН. Поставь на стол и сегодня можешь быть свободен.

БОРИНСОН. Я хотел навести порядок...

СЕБАСТЬЯН. Завтра, завтра дорогой. Ступай отдохни.

БОРИНСОН. Но вы же сами...

СЕБАСТЬЯН. Что за привычка всегда перечить. Отдыхать! И не вздумай ослушаться! Сегодня у тебя ветхозаветная суббота. И вообще, следующую неделю работаешь по шестидневке – шесть дней отдыхаешь, один работаешь.

БОРИНСОН. Я не ослышался?

СЕБАСТЬЯН. Будешь возражать, вообще на месяц запрещу к чему-либо прикасаться. Иди, иди, погуляй в городе, сходи в кино.

БОРИНСОН. Не смею возражать. Шесть дней уж как-нибудь выдержу без работы. *(Уходит.)*

СЕБАСТЬЯН. Я не хотел, чтобы он узнал о моем разорении. Это может подкосить его психику.

ПАТРИК. А вашу? А вас?

СЕБАСТЬЯН. Меня это известие из колеи не выбьет.

Только придаст аппетиту. (*Подходит к столу, наливает две рюмки.*) А вот Себастьяну о моем разорении знать не положено.

ПАТРИК. Дядюшка, я потрясен вашей выдержкой.

СЕБАСТЬЯН. Пустяки! Я вообще не понимаю, как люди из-за денег сигают в окна. Так что Себастьяну ни-ни!

ПАТРИК. Я просто сражен вашей заботой о людях.

СЕБАСТЬЯН. А как же иначе. Себастьян уже тридцать два года воспринимает мои проблемы, как свои. А по душевному складу он человек очень и очень ранимый. Это известие может окончательно погубить его. Да и не только его, а и других домашних. Так что – молчим. Ни-ко-му!

ПАТРИК. И?...

СЕБАСТЬЯН. Ни в коем случае.

ПАТРИК. А Жанне?

СЕБАСТЬЯН. Да она еще ранимей Себастьяна. Не хватало нам женских истерик.

ПАТРИК. А как же Юлий?

СЕБАСТЬЯН. И Юлий пусть ничего не знает. Будем к нему милосердны. В курсе только мы.

ПАТРИК. Дядюшка, вы настоящий святой. Но все равно, как вы намерены жить дальше?

СЕБАСТЬЯН. Господь святых без присмотра не оставляет. Так что эту газетенку спрячь и никому не показывай.

ПАТРИК. Но завтра почтальон принесет другую, а там на первой странице огромными буквами – «Боринсон разо-

рен!»

СЕБАСТЬЯН. Да что для всевышнего сломать ногу какому-то почтальону?! А не сломает, так ты будешь перехватывать почту. А еще лучше, в местной типографии отпечатаем специальный номер, где сообщим, что Боринсону возвращены все его нефтяные промыслы. Пусть радуется.

ПАТРИК. Вы о Себастьяне?

СЕБАСТЬЯН. А то о ком же! Ты видел, на нем последнее время лица нет. Чего доброго, худые вести вообще сведут в могилу!

ПАТРИК. Дядюшка, у меня нет слов!

СЕБАСТЬЯН. И не надо. Оставим эти нежности. Пойдем лучше вздремнем после обеда. Ничто так не продлевает жизнь, как время потраченное на сон.

ПАТРИК. Нет, дядюшка, я уснуть не смогу. Как можно спать после таких известий?

СЕБАСТЬЯН. Ты о потере наследства?

ПАТРИК. Нет, я человек не бедный – мне и своих денег хватит. Я буду о вас думать. Мало того, что разорились, теперь вот перед нами, родственниками, неудобно. Как теперь Юлию объяснить, что он ничего не получит?

СЕБАСТЬЯН. Действительно... выходит некрасиво. Еще обидится, неправильно истолкует. Надо его как-то деликатно подготовить.

ПАТРИК. Как ни готовь, а в итоге все равно придется сказать, что ничего не получит.

СЕБАСТЬЯН. Огорчится.

ПАТРИК. Но он должен понимать! Ведь вы еще, слава богу, живы-здоровы, о наследстве говорить преждевременно.

СЕБАСТЬЯН. И то верно. Вот если бы я умер...

ПАТРИК. ...То и тогда бы он ничего не получил. Если ноль поделить на несколько долей – очень небольшая сумма получается.

СЕБАСТЬЯН. А что если мне заболеть?

ПАТРИК. Дядюшка, зачем вам болеть?

СЕБАСТЬЯН. Ну, вроде как заболеть... И по этой причине отложить раздел имущества до более радостных времен... до моей настоящей кончины.

ПАТРИК. Дядюшка, что вы такое говорите?! Какая кончина?! Как можно?! Откладывать все на потом... А это потом все равно не наступит.

СЕБАСТЬЯН. Ты о моей смерти? Не сомневайся, когда-нибудь умру.

ПАТРИК. Я о ваших активах, которых больше не существует.

СЕБАСТЬЯН. А вот это беда! Но, согласись, мысль была хорошая. А чем бы ты посоветовал мне захворать?

ПАТРИК. Дядюшка...

СЕБАСТЬЯН. Патрик, только понарошку.

ПАТРИК. Если понарошку, то чем угодно. Лучше всего старческим маразмом.

СЕБАСТЬЯН. Ох, не люблю я этих двух евреев!

ПАТРИК. Каких евреев?

СЕБАСТЬЯН. Паркинсона с Альцгеймером.

ПАТРИК. Если хотите результата, то лучше их все-таки полюбить. Тогда юристы и нотариусы не смогут оформить завещание. Эти крючкотворцы и рады бы, но побоятся потерять лицензии.

СЕБАСТЬЯН. А Юлий поверит?

ПАТРИК. Хоть верь, хоть не верь, а дело застопорится. Закон – есть закон.

СЕБАСТЬЯН. Громче говори! Что-то я плохо слышу.

ПАТРИК. Закон – есть закон!

(СЕБАСТЬЯН сгибается и мелкими старческими шажками семенит по комнате. Голова и руки его трясутся.)

СЕБАСТЬЯН. Совсем ничего не вижу... матушка... Селечка в три раза подорожала... А про осетринку и вовсе забудь.

ПАТРИК *(взволнованно)*. Дядюшка, что с вами?!

СЕБАСТЬЯН *(неожиданно выпрямляется, приобретая свой прежний вид)*. Так что ли заболеть?

ПАТРИК *(облегченно)*. Ух! Как вы меня напугали! *(Деловым тоном.)* Именно так. Лучше и не придумаешь. *(Кричит.)* Жанна, Жанна! Быстрее сюда! Дядюшке плохо! *(Себастьяну, тихо.)* Садитесь в кресло – так будет достоверней.

(СЕБАСТЬЯН садится в кресло. Вбегают ЖАННА.)

ЖАННА. Что случилось?

ПАТРИК. Дядюшке плохо.

СЕБАСТЬЯН (*бормочет, сидя в кресле*). Голуби... надо покормить... Ефросинья, дай им проса из мешочка.

ПАТРИК. Помутнение рассудка.

ЖАННА. Надо вызвать врача.

(*Входит ЮЛИЙ.*)

ЮЛИЙ. Дядюшка, что такое?!

ЖАННА. Доктора надо! Адриану Стефановичу плохо.

ПАТРИК. А я что, не доктор?! (*Становится перед Себастьяном на колени, меряет пульс.*) Пульс выравнивается. Значит, кризис миновал.

ЖАННА. Адриан Стефанович, как вы себя чувствуете?

СЕБАСТЬЯН. Я нем... я нем... немного лучше. Но плохо вижу.

ПАТРИК. Меня видите?

СЕБАСТЬЯН. Пятно... размытое пятно. И голос откуда-то издалека.

ЮЛИЙ. Чей голос? Что он говорит?

СЕБАСТЬЯН. Из облаков... Не торопись... говорит, раздавать... Успеется... Все будет хорошо...

ЮЛИЙ. Ничего себе хорошо!

ПАТРИК. Хорошо – не бывает плохо! Это не insult – на вопросы отвечает. А вот за свои поступки теперь отвечать не сможет.

ЮЛИЙ. И как долго это продлится?

ПАТРИК. Не пройдет и полгода, как полностью восстановится.

ЮЛИЙ. Полгода?!

ПАТРИК. Этот случай хорошо изучен. От силы месяцев восемь, не больше. Приедем через годик, а дядюшка бегает, как заводной. Но сейчас его надо уложить в постель. *(Себастьяну.)* Дядюшка, вы можете ходить.

СЕБАСТЬЯН. Могу. Е два на Е четыре.

ПАТРИК. В шахматы играет. Значит, ничего страшного... интеллект работает. *(Себастьяну.)* Поднимаемся, потихоньку поднимаемся и идем в люлю.

ЮЛИЙ. А, может быть, все-таки вызвать врача?

ПАТРИК. Это лишнее. Избегай докторов – и будешь здоров!

(ПАТРИК и ЖАННА помогают Себастьяну подняться, поддерживая по руки, уводят его.)

ЮЛИЙ. Вот так дела! *(Берет со стола звонок, звонит.)*

(Входит БОРИНСОН.)

БОРИНСОН. Что прикажите?

ЮЛИЙ. Любезный, ты в курсе?

БОРИНСОН. Только что сообщили.

ЮЛИЙ. И часто у него такая отключка?

БОРИНСОН. Нет, всего раза три была. Как только начинает волноваться – сделка там не удалась, или деньги может потерять, так его начинает корезить.

ЮЛИЙ. И что же нам с тобой теперь делать?

БОРИНСОН. Со мной?

ЮЛИЙ. А с кем же? Я ведь обещал тебе четверть наследства, если, конечно, поможешь все устроить. Ты что, не помнишь?

БОРИНСОН. На счет четверти что-то не упомяну. Помню, что разговор был о половине.

ЮЛИЙ. Да ты что?! И тебе в голову ударило?! Подумай, какие деньжищи! Тебе их до конца жизни не истратить! И за что тебе половину?!

БОРИНСОН. За результат... Но не хотите, как хотите. Я настрою хозяина в сторону Патрика. А тут уж не сомневайся. Он выполнит все, что ему в голову вложу. А уж в больную вложить – проще простого. *(Направляется к двери.)*

ЮЛИЙ. погоди, дорогой! Что ты такой суетливый? Если как следует помозговать, то нам с тобой и по половинке хватит. Что ты на это скажешь?

БОРИНСОН. Перво-наперво надо Патрика из дома выжить. Конкурента – под зад коленом! А то и по одной трети

не достанется!

ЮЛИЙ. Ах ты, старая лиса! Котелок у тебя варит. И как его выжить?

БОРИНСОН. Объяви жуликом. Скажи, мол, что он вовсе не доктор, а собирался дядюшку отравить. Винцо они вдвоем пили?

ЮЛИЙ. И правда, вдвоем.

БОРИНСОН. А я сейчас бокалы помою и никто опровергнуть не сможет.

ЮЛИЙ. Дай я тебя расцелую! Ты на особом блоке не сидел? Там, братва рассказывала, был один комбинатор. Мог такое замутить! Но ты похлеще его будешь!

БОРИНСОН. В молодости... сидел.

ЮЛИЙ. Так что ж ты молчал?! Я тебя сразу по повадке вычислил. А я, между нами, всего три месяца, как откинулся. Знаешь, после того крушения меня долго по свету бросало, прежде чем родню отыскал.

БОРИНСОН. Хорош племянничек...

ЮЛИЙ. Да я им племянник, а тебе – брат родной! Ух! Да мы с тобой здесь такого замутим!

БОРИНСОН. Только все пополам.

ЮЛИЙ. Теперь уж не сомневайся. А эту якобы отраву, и в самом деле убери. (Указывает на бокалы.) Ох, и закрутим!

БОРИНСОН (собирая бокалы). Еще и как закрутим!

(БОРИНСОН уходит. ЮЛИЙ осматривает комнату.)

Подходит к секретеру, выдвигает ящик, берет лист со стихами.)

ЮЛИЙ. Стихи. И, кажется, недурственные. *(Прячет лист в карман.)*

(Входит ЭМИЛИЯ.)

ЭМИЛИЯ. Вроде заснул. Так не вовремя все случилось.

ЮЛИЙ. Хорошо, что все позади.

ЭМИЛИЯ. Я так разволновалась.

ЮЛИЙ. А я до сих пор успокоиться не могу.

ЭМИЛИЯ. Патрик говорит, что ничего страшного.

ЮЛИЙ. А мне страшно от того, что это говорит Патрик. Я бы на его месте лучше помолчал. Ничего в медицине не смыслит.

ЭМИЛИЯ. Как не смыслит?! Он же доктор.

ЮЛИЙ. Кто вам сказал, что он доктор? Я его диплома не видел. Согласитесь, странно все это. Дядюшка был совершенно здоров, а тут хлебнул с Патриком винца – и сразу отключка.

ЭМИЛИЯ. Уж не хочешь ли ты сказать?..

ЮЛИЙ. Тут и говорить нечего. Все и так понятно. Патрик – вовсе не племянник. Откуда-то узнал о разделе наследства, примчался. А дядюшка его заподозрил. Что оставалось делать? Добавил беспмятного порошка в бокальчик, хорошо

что еще не чик (*проводит по шее ладонью*), и спокойно продолжай свое дело.

ЭМИЛИЯ. Да вы что, Юлий!

ЮЛИЙ. Я о вас беспокоюсь. Он может на этом не остановиться. Не посмотрит, что вы такая молодая и красивая. А мне каково видеть, что женщина моей мечты в опасности?!

ЭМИЛИЯ. Юлий, как ты можешь говорить такие слова родной тете?!

ЮЛИЙ. Сердцу не прикажешь. Сколько можно таиться? И почему вас, именно вас, ту, которая мне дороже всего, всевышний назначил моей тетей?! Молодой, обворожительной тетей. Ах, если бы я встретил вас раньше Адриана Стефановича!

ЭМИЛИЯ. Юлий, я потрясена!

ЮЛИЙ. А я не могу больше выносить эту муку. Вы думаете, я приехал за наследством? Как бы ни так! У меня нет сил находиться вдалеке от вас. Мое сердце разрывается от переполняющих его чувств. Вот, посмотрите, что я вам написал. (*Вынимает из кармана стихи Боринсона, читает.*)

Пусть все в моем доме меня заругают,

На бирже пускай заклюет воронье,

Я буду любить вас, моя дорогая,

До гроба, до смерти, и после нее!

ЭМИЛИЯ (*подходит к Юлию, слегка обнимает его*). Бедный мой мальчик! Мне еще никто не писал стихов. Даже голова кружится. (*Неожиданно трезво.*) Но окончательно те-

рять ее не следует.

ЮЛИЙ. Конечно. Зачем выставлять наши чувства напоказ? Хотя ничего постыдного в этом нет. В конце концов, какая вы мне тетя?! Адриан Стефанович, спору нет, родной дядя. А вы, к моему несчастью, доводитеесь ему женой. Но меня это не остановит! Здесь кровосмешения нет, есть только любовь. Конечно, со стороны обывателей это может выглядеть некрасиво, тем более, когда Адриан Стефанович захворал. Болезнь – дело нешуточное.

ЭМИЛИЯ. Ты о болезни... моего супруга? За него можешь не беспокоиться – у него все превосходно.

ЮЛИЙ. Конечно, превосходно... если ничего не слышит и не соображает.

ЭМИЛИЯ. Вот он-то как раз все слышит и все соображает. Поэтому следует быть осторожными. А вот потеря памяти у нынешнего Адриана Стефановича – это действительно странно.

ЮЛИЙ. Что значит, нынешнего?

ЭМИЛИЯ. Нынешний... будущий... Что здесь странно-го? Я покорена стихами! Но о своих чувствах никому, особенно – Себастьяну.

ЮЛИЙ. Да что ж это такое! Я вижу, Себастьян здесь самый уважаемый человек. Этот псевдоплемянник, Патрик, тоже просил меня быть внимательным с камердинером. Якобы Адриан Стефанович беспокоится о его здоровье больше, чем о своем.

ЭМИЛИЯ. Я тоже не хотела бы огорчать Себастьяна твоими стихами.

ЮЛИЙ. Да ему то какое дело?!

ЭМИЛИЯ. Оно, конечно, никакого. Но я уверена, что он воспримет их болезненно – вплоть до развода.

ЮЛИЙ. А разве он женат?!

ЭМИЛИЯ. Пока еще нет. Но эти мужчины только и ожидают повод, пусть и отвлеченный, чтобы разорвать даже несуществующие цепи. Так что, опасайтесь Себастьяна больше чем Адриана Стефановича.

ЮЛИЙ. Да как это возможно?!

ЭМИЛИЯ. Я уверена, что Адриан Стефанович, узнай о наших отношениях, отнесется к ним более-менее философски. А вот Себастьян обязательно придет в ярость. Даже боюсь предположить, что натворит!

ЮЛИЙ. Это ненормально. Но хорошо, что предупредили. Значит, Адриана Стефановича можно не стесняться?

ЭМИЛИЯ. Его тоже опасайся. Но теперь он плохо видит и почти ничего не слышит. Вряд ли его обеспокоит, что одно размытое пятно сливается со вторым. Бедный мой мальчик... *(Подходит к Юлию.)*

ЮЛИЙ. О-о-о! Мое божество! *(Хочет обнять Эмилию.)*
Кажется, кто-то идет. *(Отстраняется от Эмилии.)*

(Входит БОРИНСОН. Он неприветлив и раздражен. Проходит мимо Эмилии и Юлия, выдвигает ящики бюро, что-

то ищет.)

ЭМИЛИЯ. Себастьян, что ты ищешь?

БОРИНСОН. Ключи от зеленой спальни. Хочу переехать туда.

ЮЛИЙ. Это та, что рядом с моей?

БОРИНСОН. Да, но она и рядом с комнатой захворавшего хозяина. Хочу быть неподалеку.

ЭМИЛИЯ. Себастьян, я понимаю твою нелюбовь к пешему ходу, но лучше оставайся на прежнем месте.

БОРИНСОН *(вызывающе)*. Это почему же?! Что я, каждый раз должен бегать?!

ЮЛИЙ *(Боринсону)*. Как ты себя ведешь с хозяйкой?!

ЭМИЛИЯ *(Юлию)*. Извини, Юлий, но я сама поставлю его на место.

ЮЛИЙ. Я бы тоже мог его урезонить.

ЭМИЛИЯ. Нет-нет, я сама...

ЮЛИЙ. Но если вы так полагаете... *(Уходит.)*

БОРИНСОН *(удостоверившись, что Юлий ушел)*. Что он тебе здесь наплел?

ЭМИЛИЯ. Ничего. Побеседовали о погоде, о городских пробках.

БОРИНСОН. Ты этого прохвоста поменьше слушай. Если хочешь знать, он тебе вовсе никакой не племянник.

ЭМИЛИЯ. Я в ваших родословных не разбираюсь. Но этим известием ты меня так огорчил, что на душе стало ве-

селей.

БОРИНСОН. Ты думаешь, он с чистым сердцем приехал к своему дядюшке?

ЭМИЛИЯ. За дядюшку не знаю. Но к тетушке он сердечно привязан.

БОРИНСОН. Он у меня все выпытывал о тебе.

ЭМИЛИЯ *(в сторону)*. Значит, не притворялся – я ему интересна.

БОРИНСОН. Не будь я сейчас в этом дурацком положении – немедленно вышвырнул бы его. Тоже мне – племянник!

ЭМИЛИЯ. Вот именно. Он племянник только тебе.

БОРИНСОН. А тебе?

ЭМИЛИЯ. А для меня он твой дальний-придальный родственник.

БОРИНСОН. И настоящий разбойник.

ЭМИЛИЯ. Это у вас наследственное.

БОРИНСОН. Забрался в наш дом, чтобы отнять самое ценное.

ЭМИЛИЯ. Спасибо, дорогой. Наконец-то ты меня ревнуешь?

БОРИНСОН. Еще чего! Но я тебя предупредил. Остерегайся его, он вовсе не племянник.

ЭМИЛИЯ. И кем же он доводится нам?

БОРИНСОН. Налоговым инспектором.

ЭМИЛИЯ. О чем ты говоришь?

БОРИНСОН. Знаю о чем! Он прислан, чтобы окончательно потопить наш семейный корабль.

ЭМИЛИЯ. Нет. Во всяком случае, он не собирается топить всю корабельную команду.

БОРИНСОН. Я тебе точно говорю – он тайный агент налоговой полиции. Звонил Жильберт.

ЭМИЛИЯ. Жильберт? Звонил? Трудно поверить.

БОРИНСОН. Жильберт – единственный, кому можно верить.

ЭМИЛИЯ. Дожили. Верить налоговой службе.

БОРИНСОН. Ты уж постарайся его не дразни.

ЭМИЛИЯ. Жильберта?

БОРИНСОН. Причем здесь Жильберт?! Этого мерзавца Юлия. Прикинулся стачала племянником, затем – уголовником. И, надо сказать, умело. Так что ты с ним веди себя грамотно.

ЭМИЛИЯ. Уж не хочешь ли ты сказать...

БОРИНСОН. Нет. Как раз этого не хочу. Но за нос водить разрешаю. Что в этом зазорного?! Я эту налоговую публику дурачил всю жизнь. Если к этому подключиться моя жена – их не убудет.

ЭМИЛИЯ. А может ты меня уполномочишь и на большее?

БОРИНСОН. Нет! Трижды нет.

ЭМИЛИЯ. А как ты увивался за супругой Жильберта?!

БОРИНСОН. Кто тебе сказал такую глупость? Это была

обыкновенная вежливость. И вообще, оставим Жильберта. Все дело в Юлие. Хотя Жильберт тоже мерзавец.

ЭМИЛИЯ. А Патрик по-твоему лучше?

БОРИНСОН. Конечно лучше. Себастьян очень нахваливал его. И потом, у него серьезная профессия – все-таки врач.

ЭМИЛИЯ. Как нам с Патриком повезло. Хорошо, что он оказался рядом, когда Себастьяна хватил удар.

БОРИНСОН. Не знаю, с чего это ему ударило в голову, что он может болеть на моем месте. Я вон сколько прожил Боринсоном, и никогда серьезно не болел.

ЭМИЛИЯ. Да за тобой Себастьян ухаживал, как за нежным цветочком. Вот ты и не болел. Если бы мне кто-либо уделял столько внимания, я бы тоже чувствовала себя превосходно. Или взять Жанну. Одинокая девушка, постоянно загружена работой, и никто в доме не ценит и не обращает на нее внимания. Хорошо, что появился Патрик. Он осмотрел Жанну и сказал, что девушке требуется эмоциональная подпитка.

БОРИНСОН. Патрик осматривал ее?

ЭМИЛИЯ. Она жаловалась на сдавленность в груди. Но Патрик послушал и сказал, что ничего страшного. Пообещал сделать все возможное, чтобы девушка более радостно воспринимала жизнь.

БОРИНСОН. Я потрясен!

ЭМИЛИЯ. Врачебным опытом Патрика?

БОРИНСОН. Несчастье за несчастьем.

ЭМИЛИЯ. Болезнь Себастьяна и Жанны?

БОРИНСОН. Нашествием племянников. Надо срочно выпроваживать одного и второго.

ЭМИЛИЯ. Ни в коем случае. Никогда наш дом так не нуждался в молодых людях. Патрик плотно займется больными: Себастьяном и Жанной. Да-да! Не спорь! Жанне необходимо лечение! Впрочем, как и мне. А еще лучше – профилактика. Как там говорят: когда медицина никуда не годится, то вся надежда на профилактику.

БОРИНСОН. Тогда бездельника Юлия можно гнать в шею сегодня же!

ЭМИЛИЯ. Зачем? Ведь должен быть в доме хоть один здоровый человек! У тебя вон колени болят.

БОРИНСОН. Да меня скоро паралич разобьет от всего этого!

ЭМИЛИЯ. Тем более. Но винить некого – ты сам затеял этот спектакль.

БОРИНСОН. Сам... Но одно дело кое-как нацарапать сценарий, а другое – изобразить, чтобы все не принимали его за сказку.

ЭМИЛИЯ. Ты как всегда прав. Моя жизнь превращается в сказку.

БОРИНСОН. А моя – в трагедию!

ЭМИЛИЯ. Не волнуйся, мы потеряли одну нефтяную компанию, зато приобрели двух незаменимых молодых лю-

дей. Я представлю, как они разочаруются, когда ты им ничего не отпишешь.

БОРИНСОН. А разве ты не согласилась, что мы не можем отдавать последнее?

ЭМИЛИЯ. Но хоть что-то мы можем для них сделать?

БОРИНСОН. Я не могу! Если ты можешь, то делай. Я не возражаю, только скажи что.

ЭМИЛИЯ. Я еще не придумала. Но главное, мой котик, что ты в очередной раз сразил меня своим благородством.

(Входит СЕБАСТЬЯН, он трясется, кричит и опирается на тросточку.)

СЕБАСТЬЯН *(Эмили).* И после того, что он со мной сделал, ты говоришь о его благородстве? Посмотри, во что я превратился!

БОРИНСОН. Я не виноват, что ты заболел.

СЕБАСТЬЯН. Пока не сделался тобой, не болел. От тебя все эти хвори.

БОРИНСОН. Какие хвори?

СЕБАСТЬЯН. Я сейчас в таком состоянии, что не могу отдать племянникам свое состояние.

БОРИНСОН. Отлично! Теперь мы со спокойной совестью можем вежливо и дипломатично предложить им... выметаться вон.

СЕБАСТЬЯН. Можем, но лучше не торопиться.

БОРИНСОН. Ты о болезни Жанны?

СЕБАСТЬЯН. При чем здесь Жанна? Сначала поправьте меня...

БОРИНСОН. Да ты нормально выглядишь. Двигаешься энергично. *(Трясется, словно попал под напряжение.)*

СЕБАСТЬЯН. А заодно Патрик поставит твой бизнес на правильные рельсы. Он обещал реанимировать нефтяную компанию.

ЭМИЛИЯ. Вот что значит настоящий врач!

БОРИНСОН. Я не верю в нефтяное выздоровление. И зачем ему это нужно?

СЕБАСТЬЯН. Помогать родственникам – это долг каждого честного человека! И потом, он впечатлен моих благородным отношением к тебе. Но и ты не опозорься – будь ко мне повнимательней.

БОРИНСОН. Да куда уж внимательней. Все в доме бегают вокруг тебя. Я не позволял себе так привередничать! Даже газеты почитать некогда. Кстати, почему их не приносят?

СЕБАСТЬЯН. Я запретил.

БОРИНСОН. Как запретил?!

СЕБАСТЬЯН. Ты хочешь, чтобы меня окончательно хватил инсульт? Посмотри, что в этих газетах пишут! То убийства, то аварии! Когда мой дедушка убежал с каторги в Австралию, то почта туда приходила два раза в год. И поэтому все страшные новости воспринимались спокойно. Их читали, как учебник истории. Так что, получишь газеты через

полгода и будешь смеяться над тем, над чем бы рыдал сегодня.

БОРИНСОН. Я возражаю!

СЕБАСТЬЯН. Хорошо. Биржевые новости скоро принесут.

(Входят ПАТРИК и ЖАННА.)

ПАТРИК *(Увидев Себастьяна)*. Адриан Стефанович, я же запретил вам подниматься!

СЕБАСТЬЯН *(притворяется неразумным)*. Кто это?

БОРИНСОН. Это ваш врач.

ЭМИЛИЯ. И племянник.

СЕБАСТЬЯН. Два человека? А вижу только одного. *(Закрывает один глаз рукой.)* И так один. Совсем потерял зрение.

ПАТРИК *(Боринсону)*. Уложите его в постель. В горизонтальном положении зрение восстанавливается быстрее.

ЭМИЛИЯ. Я тоже так думаю. Эффективный постели ничего не придумали! Чем бы ни заболел – обязательно припишут кровать.

(БОРИНСОН и ЭМИЛИЯ уводят СЕБАСТЬЯНА.)

ЖАННА. Стоило мне появиться в этом доме, как на него обрушилась масса несчастий. Сначала Адриан Стефанович

потерял нефтяную компанию, а теперь – здоровую голову.

ПАТРИК. За него не беспокойтесь. Как только бизнес поправится, он поднимется на ноги.

ЖАННА. Не сомневаюсь.

ПАТРИК. Впервые вижу, чтобы такая красивая девушка оказалась столь проницательной. Вы о чем-то догадываетесь?

ЖАННА. Да я уверена, все это затеяно, чтобы не выполнять свои обязательства.

ПАТРИК. Вы просто ясновидящая. Тогда постарайтесь угадать мои, лежащие на поверхности, мысли.

ЖАННА. Вы очень привязались к хозяину.

ПАТРИК. И не только к нему.

ЖАННА. К его помощнику?

ПАТРИК. Да.

ЖАННА. К камердинеру?

ПАТРИК. Нет, к его секретарю. Я только увидел вас, и сразу понял, вы – необыкновенная девушка. И я все готов сделать не только для этого дома, но и для того, чтобы добиться вашего расположения. Представляю, как Адриан Стефанович обрадуется, когда узнает о моей привязанности к вам.

ЖАННА (*двусмысленно*). Представляю.

ПАТРИК. И мы вместе восстановим его бизнес. Вы отлично знаете все детали его бизнеса.

ЖАННА. Это моя работа.

ПАТРИК. Можете быть откровенны. Я знаю, что никакого наследства давно уже нет. Единственная ценность в доме – это вы. Ну, и конечно, камердинер – его здесь просто боготворят. Но мы вдвоем можем помочь Адриану Стефановичу.

ЖАННА. Вдвоем – я всегда согласна!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(Входят ЮЛИЙ и ЭМИЛИЯ.)

ЮЛИЙ. В таком состоянии он не может помешать нам быть вместе.

ЭМИЛИЯ. Ты заставляешь меня краснеть.

ЮЛИЙ. И от этого вы становитесь только краше.

ЭМИЛИЯ. Прекрати, у меня кружится голова. *(Трезво.)* Но в таком состоянии он не сможет передать тебе свое состояние.

ЮЛИЙ. Ерунда. Вы – его супруга, стало быть, будете его попечителем и наследницей. Все в ваших руках. Когда я влюбился в вас, то и не предполагал, что все так хорошо обернется.

ЭМИЛИЯ. Ах, если бы не этот камердинер! Мне кажется, он меня ревнует к вам.

ЮЛИЙ. На этот счет будьте спокойны – я его подкупил. Это такой прохиндей, что за хорошие деньги и маму родную продаст. А уж вас – и подавно.

ЭМИЛИЯ. Что ты говоришь!

ЮЛИЙ. Вы его еще не знаете!

ЭМИЛИЯ. Но я много лет была его...

ЮЛИЙ. Да будь вы хоть его женой, все равно не смогли бы узнать этого пройдоху. Кстати, жены хуже всех знают своих мужей. А вам и подавно это неведомо. Подлец и прохвост! Он только и мечтает, чтобы разорить этот дом. В то время как я хочу его сохранить и укрепить... со всех сторон. Вам понравились мои стихи?

ЭМИЛИЯ. Они восхитительны. Я даже намерена показать их кому-нибудь из домашних, например, Себастьяну или Жанне.

ЮЛИЙ. Ни в коем разе!

ЭМИЛИЯ. Но я не собираюсь говорить, кто их автор, и что они адресованы мне. Скажу, что встретила в одном из журналов...

ЮЛИЙ *(в сторону)*. ...Лежащих в секретере. *(Эмилиш.)* Все равно не надо. Вряд ли они разбираются в поэзии и по достоинству оценят эти строки. А мои чувства к вам они и подавно не поймут.

ЭМИЛИЯ. Но если ты настаиваешь... дорогой... *(Подходит к Юлию с намерением обнять.)*

ЮЛИЙ. Поэзия живет в сердцах! Ей нечего делать на стадионах! *(Услышав чьи-то шаги.)* Опять кого-то нелегкая несет!

(Входит БОРИНСОН.)

ЮЛИЙ. Чего тебе? Слоняешься без дела. Приготовь обед на две персоны и принеси в мою комнату. А я пойду в погреб, возьму бутылочку винца. *(Уходит.)*

БОРИНСОН. Этот бандит совсем обнаглел.

ЭМИЛИЯ. Ничего он не бандит, а очень интеллигентный человек. Только что по памяти читал стихи.

БОРИНСОН. Стихи? Какие стихи?

ЭМИЛИЯ. Хорошие. *(Читает.)*

Пусть все в моем доме меня заругают,

На бирже пускай заключет воронье,

Я буду любить вас, моя дорогая,

До гроба, до смерти, и после нее! *(Двусмысленно.)* Как они тебе? Что скажешь об этих строчках... дорогой?

БОРИНСОН *(Опасаясь разоблачения.)* Какая-то ерунда. Ни рифмы, ни чувства.

ЭМИЛИЯ. Юлий так и говорил, что ты не разбираешься в поэзии. Они гениальны. Ах, если бы ты мог написать такие стихи! Вот скажи, можешь?

БОРИНСОН. Что ты... Никогда...

ЭМИЛИЯ. Конечно. В тебе нет возвышенного, нет способностей. Я прочту их Жанне. Надеюсь, уж она их оценит.

БОРИНСОН. Не вздумай! А вдруг и она не поймет?

ЭМИЛИЯ. Ну и что?

БОРИНСОН. И тебя ожидает еще одно разочарование.

ЭМИЛИЯ. Нет, я уверена – она оценит. Я уверена в Жанне больше, чем в себе. Она никогда не подводила нас. Это лучший секретарь из всех, что были у нас. Согласись, она ведь лучшая? Ты ведь... дорогой, считаешь ее самой необыкновенной?! Не так ли?

БОРИНСОН *(в замешательстве)*. Обыкновенная, ничуть не лучше остальных.

ЭМИЛИЯ. А мне показалось, что она смотрит на тебя слишком пристально, прямо впивается взглядом.

БОРИНСОН *(с надеждой)*. Ты и вправду так думаешь?

ЭМИЛИЯ. Я уверена.

БОРИНСОН. Пусть смотрит. Девичьему сердцу не прикажешь. Главное... я совершенно равнодушен к ней.

(Входят Жанна и Юлий.)

ЮЛИЙ. Равнодушие – бич нашего общества. Я еще понимаю пресыщенную знать. Но даже рядовые люди живут так, будто несчастье близких их не трогает.

ЭМИЛИЯ. Вы о болезни моего супруга?

ЮЛИЙ. Нет, о Себастьяне. Еще когда попросил его приготовить обед, а он до сих пор околачивается тут.

ЭМИЛИЯ. Он увлек меня беседой о поэзии.

БОРИНСОН. Чур на меня... Сохрани господь! Не знаю я никакой поэзии. *(Торопливо уходит.)*

ЮЛИЙ *(вослед Боринсону)*. Приземленная личность.

Мужчины в этом доме абсолютно бездарны. К тому же, болеют. Женщинам не на кого опереться.

ЖАННА. Но Патрик вылечит Адриана Стефановича.

ЮЛИЙ. Не говорите мне о Патрике. Я пробил его фамилию в интернете. В списке врачебной гильдии его нет.

ЖАННА. Значит, он целитель от бога. Только прикоснувшись ко мне – и сразу стало легче.

ЮЛИЙ. Вы что, тоже заболели?

ЖАННА. Я раньше болела. Теперь, благодаря Патрику, я стала смотреть на этот мир и на этот дом совершенно иначе. И очень сочувствую захворавшему Адриану Стефановичу, а еще больше – бедному Себастьяну.

ЮЛИЙ. Черт бы побрал этого служку! Все прямо повернуты не его здоровье! Этого сумасшедшего надо уволить без выходного пособия. Что я и сделаю при первой возможности.

ЖАННА. Я раньше тоже думала, что его не мешало бы наказать.

ЭМИЛИЯ. Ну, это уже слишком.

ЖАННА. Но это было раньше. Теперь, благодаря Патрику...

ЮЛИЙ. Еще один преступник. Преступник вдвойне, ибо утверждает, что он – мой двоюродный братец. Там, где я провел почти всю свою жизнь, таких и близко не было. Может быть, он сидел в другом месте?..

ЭМИЛИЯ. Сидел?!

ЮЛИЙ (*спохватившись*). ...В другом городе... за другой партией... Но я это выясню. Так что, пожалуйста, при мне не поминайте Патрика и этого ужасного Себастьяна. Пойду посмотрю, как он выполняет мое поручение. (*Уходит.*)

ЖАННА. Как вам племянничек?

ЭМИЛИЯ. Неподражаем. Такой деятельный и при этом столь поэтичный! Несовместимые качества. Но уж больно он строг к нашему Себастьяну. (*Смеется.*) Ох, уж этот Себастьян! Сегодня ночью наш псевдосебастьян скребся в мою дверь. Но я не пустила. Не хватало еще, чтобы племянники догадались о подмене. Или хуже того, подумают, что я завела роман с прислугой.

(*Входит БОРИНСОН со свернутой газетой в руках. Осматривается по сторонам.*)

БОРИНСОН. Дорогих гостей нет? Все! Не могу! Они меня в гроб загонят!

ЭМИЛИЯ. Адриан, что тебя тревожит?

БОРИНСОН. Маразм Себастьяна. Я опасаясь, что он окончательно уверовал, что стал Боринсоном. Даже не знаю, как мы разубедим его.

ЭМИЛИЯ. Ничего страшного. Главное, что племянники не догадываются и нашему благосостоянию ничего не угрожает.

ЖАННА. К-х, к-х...

БОРИНСОН. Что с тобой?

ЖАННА. Извините, поперхнулась.

БОРИНСОН. Я принесу воды.

ЖАННА. Не надо, я сама. (*Уходит.*)

БОРИНСОН. А еще этот Юлий!..

ЭМИЛИЯ. Что на этот раз натворил твой горячо нелюбимый племянник?

БОРИНСОН. Он мне вовсе не племянник.

ЭМИЛИЯ. Ты уверен?

БОРИНСОН. Как то, что я Боринсон. Он задался целью меня извести. И знаешь почему?

ЭМИЛИЯ. Не знаю.

БОРИНСОН. Он меня ревнует.

ЭМИЛИЯ. Это уже интересно. И к кому же?

БОРИНСОН. К тебе.

ЭМИЛИЯ. Извини, как ты можешь предполагать такую нелепость?

БОРИНСОН. Он подслушал наш ночной разговор.

ЭМИЛИЯ. Какой разговор?

БОРИНСОН. Когда я умолял у твоей двери.

ЭМИЛИЯ. Хорошо, что я была непреклонна. Только этим и спасла свою репутацию.

БОРИНСОН. Но моя в его глазах окончательно рухнула. Он так и сказал: «Теперь я понимаю, почему женщины этого дома восхищаются тобой!»

ЭМИЛИЯ. Женщины? Какие женщины?

БОРИНСОН. Я не удивлюсь, если он начнет клеветать на меня в отношении Жанны.

ЭМИЛИЯ. Это она неравнодушна к тебе. Я в этом почти уверена. Так что Юлий в некотором смысле прав.

БОРИНСОН. Ты обвиняешь меня в грехах, которых я не совершал?

ЭМИЛИЯ. Если женщине нравится мужчина, она рано или поздно найдет способ его соблазнить.

БОРИНСОН (*с надеждой*). И спасения нет?

ЭМИЛИЯ. Ни единого шанса.

БОРИНСОН (*радостно*). Слава богу! (*Спохватившись*.) Слава богу, что моя юность осталась в прошлом. Теперь я в безопасности.

ЭМИЛИЯ. Да. Наверное, ты прав. Она с неменьшим восторгом смотрит и на Патрика.

БОРИНСОН (*возмущенно*). Да как она смеет!

ЭМИЛИЯ. ???

БОРИНСОН (*опомнившись*). В нашем добропорядочном доме... на рабочем месте. И это всего через месяц, как устроились!

ЭМИЛИЯ. Я с тобой согласна. Ее надо уволить.

БОРИНСОН. Ни в коем случае!

ЭМИЛИЯ. Но почему?

БОРИНСОН (*в замешательстве*). Видишь ли... мне кажется... (*Радостно*.) Да вот же почему! Она от обиды откроет племянникам наш безобидный розыгрыш. (*Облегченно*.)

Ух!

ЭМИЛИЯ. И они оскорбленные, поняв, что их дурачили, немедленно покинут дом. Ведь именно об этом ты и мечтаешь.

БОРИНСОН. И обязательно распишут в газетах, как я чистил им ботинки и прислуживал своему сумасшедшему камердинеру. А уж эти газеты, будь уверена, не поспеют на краски. Можешь не сомневаться, вот и в этой паршивой газетенке есть какая-то гадость обо мне! (*Разворачивает газету.*) Не может быть!

ЭМИЛИЯ. Что случилось?

БОРИНСОН. Смотри! «Недавняя продажа акций нефтяной компании Боринсона признана недействительной». Подзаголовок. «Компания вновь возвращена ее прежнему владельцу». Ура!!! Дай я тебя поцелую! (*Эмилия подставляет губы, но Боринсон целует газету.*) Волшебная газета!

ЭМИЛИЯ. Господи! Как все хорошо обернулось.

БОРИНСОН. Наконец-то он услышал меня!

ЭМИЛИЯ. И теперь мы можем поступить, как задумали.

БОРИНСОН. Как?

ЭМИЛИЯ. Основное состояние отдать племянникам. А себе оставить только нефть.

БОРИНСОН. Ну уж нет! Этому никогда не бывать!

ЭМИЛИЯ. Но почему? Ты ведь сам решил, что должен помогать родственникам, которым в жизни повезло меньше твоего.

БОРИНСОН. А я разве не помогал? Я разве не чистил им ботинки и сюртуки? Какая им еще нужна помощь?

ЭМИЛИЯ. Так ты хочешь сказать?..

БОРИНСОН. Вот именно! В шею! И чем раньше, тем лучше!

ЭМИЛИЯ. Но в газетах напишут, как с ними обошлись.

БОРИНСОН. Черт бы побрал эти газеты!

ЭМИЛИЯ (*подходит к Боринсону*). Милый, давай не будем торопиться. Ведь нельзя же так резко крушить надежды молодых людей. Потерпи хоть ради меня. Чтобы я в будущем не корила себя, что обошлась с ним очень немилосердно.

БОРИНСОН. С кем это, с ним?

ЭМИЛИЯ (*опомнившись*). С поколением... идущим нам на смену.

БОРИНСОН. Хорошо. Потерплю. Но только ради тебя.

ЭМИЛИЯ. Вот и договорились, дорогой.

(*Входит ЮЛИЙ.*)

ЮЛИЙ (*с порога Боринсону*). Вы посмотрите на этого ночного разбойника!

ЭМИЛИЯ. Юлий, ты о чем?

ЮЛИЙ. Он знает о чем! (*Боринсону.*) Там Адриан Стефанович спрашивает тебя.

БОРИНСОН (*язвительно*). Слушаюсь. (*Уходит.*)

ЮЛИЙ. Эмилия, я всегда готов защитить вас от наглых

притязаний этого мужлана. Будь Адриан Стефанович в здравом уме, я бы подсказал ему, кого он пригрел в своем доме. А так приходится быть с наглцем благовоспитанным.

ЭМИЛИЯ. Вы, скорее всего, вчера его неправильно поняли. Он хотел сообщить, что Адриану Стефановичу стало лучше. Я сама просила Себастьяна докладывать о здоровье супруга.

ЮЛИЙ. Но можете не сомневаться, он хотел воспользоваться вашей беззащитностью.

ЭМИЛИЯ. Нет, Себастьян на это не способен.

ЮЛИЙ (*в сторону*). Куда ему! Я лучше справлюсь с этой задачей. (*Эмилиш.*) Если не возражаете, о здоровье Адриана Стефановича теперь по вечерам буду докладывать я.

ЭМИЛИЯ. Но это следует делать осторожно.

ЮЛИЙ. Не волнуйтесь, больного мы не потревожим.

ЭМИЛИЯ. И не разбуди Себастьяна.

ЮЛИЙ. О, господи!

ЭМИЛИЯ. Иначе никак.

ЮЛИЙ. Хорошо. Я сегодня измотаю его так, что он будет спать крепче праведника.

(*Входит ПАТРИК.*)

ЮЛИЙ. Вот, только заговорили о праведниках и пожалуйста – собственной персоной наш целитель – Святой Патрик.

ПАТРИК (*Эмилиш*). Я хотел бы с вами поговорить.

ЭМИЛИЯ. Я слушаю, Патрик.

ПАТРИК. Наедине.

ЮЛИЙ. Я удаляюсь. Пойду помогу бедному Себастьяну, а то он совсем умаялся. (*Уходит.*)

ПАТРИК. Уважаемая тетушка...

ЭМИЛИЯ. Патрик, оставим церемонии, можешь называть меня по имени.

ПАТРИК. Эмилия, чем дольше я живу в этом доме, тем более восхищаюсь вашими достоинствами.

ЭМИЛИЯ. Прекрати, какие достоинства могут быть у престарелой тетушки?

ПАТРИК. Не говорите так. Самые необыкновенные. С каждым днем вы нравитесь мне больше и больше.

ЭМИЛИЯ (*в сторону*). Невероятно! Еще один обожатель.

ПАТРИК. Я потрясен вашей выдержкой.

ЭМИЛИЯ. Ты о болезни Адриана Стефановича?

ПАТРИК. И об этом, конечно. Но в первую очередь восхищает другое. Мне известно о расстроенных финансах этого дома. Крайне расстроенных. Вы, конечно, тоже знаете об этом. Но сохраняете невозмутимость духа. И, мало того, что поддержали Адриана Стефановича отдать последнее, всегда печетесь о его здоровье.

ЭМИЛИЯ. Чему тут удивляться – я хочу, чтобы он выздоровел.

ПАТРИК. Я вас успокою – он обязательно поправится. Есть одно очень действенное средство.

ЭМИЛИЯ. Тогда немедленно используйте его.

ПАТРИК. Но оно в руках Себастьяна. Это газета с радостным для Адриана Стефановича сообщением.

ЭМИЛИЯ. Так в чем дело? Сообщите ему.

ПАТРИК. Но Себастьян, как малый ребенок, не хочет расставаться с газетой.

ЭМИЛИЯ. Наверное, болезнь хозяина перекинулась на его камердинера.

ПАТРИК. Похоже, что так. Он ведет себя не лучше Адриана Стефановича. И тут уж и я не знаю, как быть. Вы не могли бы, как хозяйка, повлиять на него. Пусть он постарается вести себя в рамках своих обязанностей. Пусть отдаст газету Адриану Стефановичу.

(Вбегает ЮЛИЙ. Он помят, под глазом синяк.)

ЮЛИЙ. С дядюшкой творится что-то неладное.

ПАТРИК. Что случилось?

ЮЛИЙ. Он пробежал по лестнице, как угорелый!

ЭМИЛИЯ. Не может быть!

ЮЛИЙ. Я хотел догнать его. Но он столкнул меня с лестницы!

ЭМИЛИЯ. Ты, наверное, обознался.

ЮЛИЙ. Ничего я не обознался! В его руке была бутылка вина, и он бежал из винного погреба к себе в комнату.

ПАТРИК. Если это не приведение, то дело совсем плохо.

ЮЛИЙ. Плохо, что лежачий больной начал бегать?

ПАТРИК. Вот именно. Во время кризиса организм мобилизуется и в такие мгновения выплескивает последние остатки энергии.

ЭМИЛИЯ. Бедный Себастьян!

ЮЛИЙ. Причем здесь Себастьян?

ЭМИЛИЯ (*опомнившись*). ...Он не перенесет плохое известие о хозяине.

ПАТРИК. Не волнуйтесь. Я почти уверен, у Адриана Стефановича железное здоровье. И то, что скосило бы других, пойдет ему только на пользу.

ЮЛИЙ. Но бутылка вина?!.

ПАТРИК. А вот это моя вина. Я убедил его выпить микстуру. И он, наконец, внял моему совету, но, будучи в полубреду, перепутал емкости.

ЮЛИЙ. И он в таком состоянии способен выпить бутылку?!.

ЭМИЛИЯ. В нынешнем – не знаю. Но раньше он выпивал по две. И выполнял все обязанности, не моргнув глазом. Мы, конечно, журили его за это пристрастие...

ЮЛИЙ. Кто это мы?

ЭМИЛИЯ. Я... и... и Себастьян. Да не смотрите вы так! Себастьян был к моему супругу по-отечески строг. Иной раз неделями не позволял ему притрагиваться к бутылке.

ЮЛИЙ. Невероятно!

ПАТРИК. И в самом деле, удивительно. Но это хорошая

новость. Значит, какая-то единственная бутылочка винца не станет для организма больного потрясением.

ЮЛИЙ. Зато я потрясен. Посмотрите, что он со мной сделал! И это больной. А если выздоровеет?! У него энергии на троих.

ПАТРИК. Это и в самом деле опасно. Бывали случаи, что силы в таком состоянии удесятерялись.

ЭМИЛИЯ. Лучше временно закрыть погреб.

ПАТРИК. И всем нам надо быть осторожными, не шляться без дела по коридорам, особенно по вечерам и ночью. Обострение у таких больных чаще всего происходит именно ночью. А тебе, Юлий, я сделаю примочки, и синяки сойдут за какие-то две недели.

ЮЛИЙ. Две недели?!

ПАТРИК. Ничего не поделаешь. Я хоть и Патрик, но вовсе не святой.

(Входит СЕБАСТЬЯН. Он по-прежнему притворяется больным.)

ПАТРИК. Адриан Стефанович, я же запретил вам подниматься.

СЕБАСТЬЯН. Да-да, помню. Но мне после твоей микстуры стало немного легче. *(Удивленно смотрит на Юлия.)* А это кто?

ЮЛИЙ. Тот, кого вы столкнули с лестницы.

СЕБАСТЬЯН. У него под глазом синяк... Хулиган наверное. Куда смотрит полиция?

ПАТРИК. Мы и без полиции призовем его к порядку. Адриан Стефановича, если вам стало немного легче, то не лучше ли пойти к себе в комнату и почитать газеты?

СЕБАСТЬЯН. Не хочу засорять свою светлую голову всякими глупостями.

ПАТРИК. Но там пишут, что ваш бизнес полностью восстановился. Нефтяная компания снова ваша.

СЕБАСТЬЯН (*Патрику*). Это правда?

ПАТРИК. На сто процентов.

СЕБАСТЬЯН. Так я могу выздоравливать?

ПАТРИК. Конечно. Не вижу смысла в болезнях, когда тебя ожидают миллионы.

СЕБАСТЬЯН. Да мне не хватит и ста лет, чтобы потратить их самому!

ЮЛИЙ. Теперь и я вижу, что микстура помогает.

СЕБАСТЬЯН. Ой, что-то голову сдавило.

ПАТРИК (*Юлию*). Прекрати провоцировать кризис!

СЕБАСТЬЯН. Придумал!..

ЭМИЛИЯ. Что ты, дорогой, придумал?

СЕБАСТЬЯН. Как разом избавиться от всех своих денег!

ЮЛИЙ. Видите, ему опять стало лучше. Дядюшка, сейчас самое время это сделать. Давайте пойдем в ту комнату и там все официально оформим.

(ЮЛИЙ и ПАТРИК берут Себастьяна под руки, уводят его. Слышится дверной звонок. ЭМИЛИЯ открывает дверь. На пороге стоит ЖИЛЬБЕРТ.)

ЭМИЛИЯ. Жильберт?!

(ЖИЛЬБЕРТ входит, торопливо закрывает дверь.)

ЖИЛЬБЕРТ. Я пропал! Эмилия, я пропал.

ЭМИЛИЯ. Что случилось?

ЖИЛЬБЕРТ. Мы все пропали! За мною слежка.

ЭМИЛИЯ. Кэтрин узнала?

ЖИЛЬБЕРТ. Догадывается.

ЭМИЛИЯ. И ты, чтобы замести следы, прибежал в наш дом?

ЖИЛЬБЕРТ. Я хотел увидеть тебя перед смертью!

ЭМИЛИЯ. Ты пьян! За измену у нас, слава богу, еще не расстреливают.

ЖИЛЬБЕРТ. Зато сажают за решетку – я помогал твоему супругу.

ЭМИЛИЯ. Ты был незаменимым помощником.

ЖИЛЬБЕРТ. Я о другом. Помогал Адриану уходить от налогов. Меня вычислили. В вашем семействе работает агент.

ЭМИЛИЯ. У нас?! Агент?!

ЖИЛЬБЕРТ. Я застрелюсь! Я не хочу в тюрьму.

ЭМИЛИЯ. А меня убьет Адриан, если увидит нас вдвоем,

да еще в нашем доме! А вот, кажется, и он.

ЖИЛЬБЕРТ. Теперь все равно от чего умирать.

ЭМИЛИЯ. Спрячься вот сюда – это кабинет Адриана. Осторожно, там на пороге банки с краской.

(Эмилия заталкивает Жильберта в кабинет, закрывает дверь. Входит Боринсон.)

БОРИНСОН. С кем ты говорила?

ЭМИЛИЯ. Ты заразился от Себастьяна галлюцинациями?

БОРИНСОН. Я совершенно здоров. Если голова и болит, так это от краски.

ЭМИЛИЯ. А у меня болит от того, что ты здесь устроил.

(Слышится дверной звонок.)

БОРИНСОН. Ну хоть звонок слышишь?

ЭМИЛИЯ. Звонок слышу. Иди и открывай, ты у нас теперь дворецкий.

БОРИНСОН. Камердинер.

(Боринсон открывает дверь. Входит КОМИССАР.)

КОМИССАР *(представляется)*. Комиссар полиции. Хотел бы видеть хозяина этого дома.

БОРИНСОН. Его нет... он уехал.

КОМИССАР. Далеко.

БОРИНСОН. Он не докладывает.

КОМИССАР. А вы кто?

БОРИНСОН. Его камердинер... Себастьян.

КОМИССАР. Вот что, Себастьян, передай своему хозяину, что скоро его будут возить за казенный счет. А это, я полагаю, его супруга?

ЭМИЛИЯ. Да. Эмилия Боринсон.

КОМИССАР. Мадам, приношу свои извинения, но в вашем доме скрылся преступник, работающий в паре с вашим мужем. А, может быть, заодно и вместе с вами.

БОРИНСОН. С нею?

КОМИССАР. Да. Не исключено, что она может оказаться его любовницей.

БОРИНСОН. Я не знаю, о ком вы говорите, но он точно преступник.

КОМИССАР. Вы должны его знать. Это Жильберт – глава городской налоговой службы.

БОРИНСОН. Не может быть! Главный налоговый!

КОМИССАР. Теперь он не главный. Получен приказ о его аресте. Эту должность займет более честный человек.

БОРИНСОН. Вы о налогах... или...

КОМИССАР. О налогах. Личная жизнь вашего семейства меня не интересует.

ЭМИЛИЯ. Слава богу, хоть сюда полиция не лезет.

КОМИССАР. Я должен осмотреть дом.

ЭМИЛИЯ. А ордер имеется?

КОМИССАР. Дайте лист бумаги, я сейчас его выпишу.

ЭМИЛИЯ. Канцелярская лавка напротив.

БОРИНСОН. Эмилия... Адриан Стефанович будет недоволен, как в его доме встречали гостей.

ЭМИЛИЯ (*многозначительно*). Если Адриан Стефанович так считает, то можешь показать дом.

БОРИНСОН (*комиссару*). Пройдемте.

(БОРИНСОН и Комиссар уходят. ЭМИЛИЯ открывает дверь кабинета.)

ЭМИЛИЯ. Жильберт! Быстро уходи.

(ЖИЛЬБЕРТ в бессознательном состоянии вываливается из двери и расплывается на полу. Голова его испачкана красной краской. ЭМИЛИЯ бросается к нему.)

ЭМИЛИЯ. Жильберт!..

(Входит ЮЛИЙ. Застывает на пороге.)

ЮЛИЙ. Что это?

ЭМИЛИЯ. Он... он хотел... убить себя!..

ЮЛИЙ. Похоже, мальчик сдержал слово. Вы его знаете?

ЭМИЛИЯ. Думала, что знала. Юлий, его не должны здесь

видеть.

ЮЛИЙ. Похоже, запахло мокрухой. Надо же! А я только освободился!

(ЮЛИЙ Склоняется на Жильбертом, обыскивает «те-ло», находит пистолет.)

ЮЛИЙ. «Магнум» сорок пятого калибра. *(Засовывает пистолет обратно в карман Жильберту.)*

ЭМИЛИЯ. Его надо отправить домой.

ЮЛИЙ. Он, кажется, уже там. *(Поднимает голову вверх).*

ЭМИЛИЯ. Ну, хотя бы посади его!

ЮЛИЙ. Не произносите при мне этого слова. Лучше скажите – прислони к стене. *(Берет Жильберта под мышки, подтаскивает и прислоняет к стене. Жильберт сидит на полу, свесив голову.)* А что за тип бродит по дому с Себастьяном?

ЭМИЛИЯ. Комиссар полиции.

ЮЛИЙ *(в отчаянье садится рядом с Жильбертом, смотрит на соседа)*. Мне кранты! И зачем я прикасался к пистолету?! Хоть забинтуйте ему голову. На это невозможно смотреть.

(Эмилия снимает накидку с кресла, обматывает голову Жильберту. Получается нечто вроде чалмы.)

ЭМИЛИЯ. Жильберт... сейчас тебе станет лучше.

ЮЛИЙ. И мне...

ЭМИЛИЯ. Забинтовать голову?

ЮЛИЙ. Нашатыря.

(Входит СЕБАСТЬЯН.)

СЕБАСТЬЯН. Кто здесь еще заболел? *(Застывает на месте.)* Кто... это?

ЮЛИЙ. Еще один...

СЕБАСТЬЯН. Племянник?

ЮЛИЙ. Да. Застрелился, узнав, что вы заболели.

ЭМИЛИЯ. Ничего он не застрелился. Нанюхался краски.

СЕБАСТЬЯН. Токсикоман?

ЮЛИЙ. Так он живой?

ЭМИЛИЯ. Это не важно.

ЮЛИЙ. Для него и для меня как раз очень важно. Тогда мой нашатырь отдайте ему.

ЭМИЛИЯ. Это Жильберт! Комиссар не должен видеть его.

СЕБАСТЬЯН. Жильберт?! Я же говорил, не приводи своего любовника домой.

ЮЛИЙ. Так это любовник?! Дайте пистолет, я его пристрелю.

ЭМИЛИЯ. Мой супруг пошутил. Но в любом случае он не должен видеть его здесь.

ЮЛИЙ (*смотрит на Себастьяна*). Не понял?..

СЕБАСТЬЯН. Да я его и так почти не вижу. Размытое пятно.

ЭМИЛИЯ. Жильберта надо спрятать. Он скрывается от полиции.

ЮЛИЙ. Еще бы. Все наркоманы бегают от нее.

ЭМИЛИЯ. Спрячьте его куда-нибудь!

ЮЛИЙ. В кабинет.

ЭМИЛИЯ. Только не туда.

(*Входит БОРИНСОН.*)

БОРИНСОН. Юлий, что вы делаете на полу?

СЕБАСТЬЯН. Он... медитирует...

БОРИНСОН. А это кто? (*Указывает на Жильберта.*)

ЭМИЛИЯ. Это его наставник. Знаменитый гуру, только что прибыл из Индии.

БОРИНСОН. Но он не шевелится.

ЭМИЛИЯ. Медитирует...

СЕБАСТЬЯН. ...В глубоком трансе.

ЭМИЛИЯ. Растворился во Вселенной...

ЮЛИЙ. ...С помощью пистолета.

БОРИНСОН. Индус вооружен?!

СЕБАСТЬЯН. А что вы хотели – политика непротивления.

БОРИНСОН. Могли бы для медитации выбрать более

подходящее место.

ЭМИЛИЯ. И я ему говорила – напрасно явился сюда. Но он все делает по-своему.

БОРИНСОН (*Эмме*). Ты его знаешь?

СЕБАСТЬЯН. Откуда она может его знать. Вы ведь никогда не бывали в Индии.

ЭМИЛИЯ. А вот комиссар там бывал – он не переносит индусов. Если увидит – несчастному несдобровать.

БОРИНСОН. Комиссар расист?

СЕБАСТЬЯН. Он считает, что все индусы торгуют наркотиками... знаете... благовония... нанюхаешься и крыша начинает ехать.

БОРИНСОН. У меня так точно скоро поедет.

СЕБАСТЬЯН. Тогда хватит отдыхать. Мы должны помогать друг другу... даже если родились в разных полушариях.

(СЕБАСТЬЯН и ЭМИЛИЯ поднимают Жильберта и усаживают в компьютерное кресло. Себастьян катит его к двери на выход.)

ЮЛИЙ (*поднимаясь на ноги*). Дайте я его прокачу. (*Берется за спинку кресла.*)

ЭМИЛИЯ. Только осторожно. На улице горка.

ЮЛИЙ. С горки и прокачу.

ЭМИЛИЯ. Юлий, я тебя умоляю...

ЮЛИЙ. Не волнуйтесь... ему жарко не будет... я с ветер-

КОМ...

(Входит КОМИССАР)

КОМИССАР. Кто это? *(Указывает на Жильберта.)*

БОРИНСОН *(Комиссару)*. Проходу нет от этих попрошайек.

СЕБАСТЬЯН. Ездят... тут... побираются.

КОМИССАР. Уличные нищие?

БОРИНСОН. Да какие они уличные, если вламываются в дом?!

КОМИССАР. Я где-то его видел.

БОРИНСОН. Которого?

КОМИССАР. Который в коляске.

ЭМИЛИЯ. А я его вижу впервые. Но это не значит, что человека надо оставлять в беде. Наш дом всегда славился гостеприимством.

КОМИССАР. Вы собираетесь потакать попрошайкам?

БОРИНСОН. Последнее время мы только этим и занимаемся.

КОМИССАР. Благотворительность должна быть в разумных пределах.

БОРИНСОН. Вот и я ей говорю. *(Указывает на Эмилию.)* А она готова всю себя отдать... снять с себя последнюю рубашку!

КОМИССАР. Поступайте, как знаете. А мне покажите

другую часть дома. Я думаю, Боринсон почуял недоброе и где-то прячется.

БОРИНСОН. Юлий, помоги комиссару.

(ЮЛИЙ неохотно оставляет Жильберта.)

КОМИССАР. Вы же говорили – это нищий.

БОРИНСОН. Так и есть! Нищий племянник Боринсона.

КОМИССАР. Погодите, не пойму...

БОРИНСОН. А что непонятного...

ЭМИЛИЯ. Попрошайка позвонил, а Юлий открыл дверь.

БОРИНСОН. Нищий встретил нищего.

ЮЛИЙ. Себастьян, это переходит все границы!

БОРИНСОН. Я имел ввиду... нищие духом... которые обязательно наследуют царствие божье, если не поддадутся соблазну прочих наследств.

(КОМИССАР и ЮЛИЙ уходят.)

БОРИНСОН *(катя кресло в Жильбертом к двери)*. Поехали, дорогой, тебе нужен свежий воздух. А здесь так воняет краской. *(Останавливается, недоуменно смотрит на голову Жильберта.)* Погоди... у него на голове накидка с нашего кресла.

ЭМИЛИЯ. А я тебе говорила, когда покупали, что это очень модная расцветка... даже в Индии.

ЖИЛЬБЕРТ *(шевелится, слабым голосом)*. Эмма...

пить...

БОРИНСОН. Он знает твое имя. *(Поднимает опущенную голову Жильберта, внимательно изучает его.)*

ЭМИЛИЯ. Бредит.

БОРИНСОН. Он похож на Жильберта.

ЭМИЛИЯ. У каждого на земле есть точная копия.

БОРИНСОН. И голос его.

ЖИЛЬБЕРТ *(слабым голосом)*. Адриан... мы погибли... пристрели меня. Пистолет в кармане.

(БОРИНСОН вынимает из кармана Жильберта пистолет.)

БОРИНСОН. Застрелиться и не жить!.. Это Жильберт!.. *(В одной руке держит пистолет, другой разматывает голову Жильберту, при этом пачкает руку в краску.)* Ты не нашел лучшего места где спрятаться от полиции?!

(Входит Патрик, видит окровавленного Жильберта и вооруженного Боринсона.)

БОРИНСОН *(объясняя двусмысленную ситуацию)*. Вот... просит избавить его от бедности.

ПАТРИК. Кто это?

БОРИНСОН. Нищий. Он всегда у меня побирался. *(Вы-*

тирает свое лицо испачканной в краске рукой, окончательно приобретая злодейскую внешность.)

ЭМИЛИЯ (*Патрику*). Это Жильберт. Товарищ Адриана.

ПАТРИК. Я думал в этом доме с пистолетом встречаются только наследников.

ЭМИЛИЯ. Укатите его... сейчас вернется комиссар.

БОРИНСОН. Куда?

ПАТРИК (*пробуя пульс Жильберта*). На кладбище еще рано.

ЭМИЛИЯ. В то крыло! Там есть запасной выход.

(ПАТРИК и СЕБАСТЬЯН увозят Жильберта в боковую дверь. Входит КОМИССАР, видит «окровавленного» Боринсона с пистолетом в руках, выхватывает свой пистолет, направляет на «преступника».)

КОМИССАР. Ни с места! Брось оружие!

(Боринсон послушно кладет пистолет на пол, брезгливо делает шаг в сторону.)

ЭМИЛИЯ. Комиссар, большое спасибо! Он хотел застрелиться.

КОМИССАР. Из-за чего?

(Входит Юлий.)

ЮЛИЙ. Наверное, дал попрошайке два франка, и теперь не может простить себе неслыханную щедрость.

БОРИНСОН. Я таким образом собирался защитить честь этого дома. Моего хозяина подозревают в финансовых махинациях.

ЮЛИЙ. Я же говорил – он из-за денег.

КОМИССАР. А куда подевался нищий? Он похож на одного преступника.

БОРИНСОН. На Жильберта?

КОМИССАР. И вам так показалось? Вы знаете Жильберта?

БОРИНСОН. Никогда его не видел.

КОМИССАР. Но сказали, что похож.

БОРИНСОН. Все преступники на одно лицо.

ЭМИЛИЯ. ...Даже если проживают в Индии.

КОМИССАР *(поднимая пистолет с земли, Боринсону)*.

Откуда у вас пистолет?

БОРИНСОН. Это индейца.

ЭМИЛИЯ. Индийца.

БОРИНСОН. Да! Этого сикха.

КОМИССАР. Попрошайка с пистолетом?!

БОРИНСОН. Жильберт всегда был бандитом.

КОМИССАР. Жильберт?

БОРИНСОН. Я имею в виду попрошайку, похожего на Жильберта. Мне отлично известна эта назойливая публика.

Иные только намекают – поделись. А этот открыто угрожал – давай, иначе тебе крышка!

(Входит ПАТРИК. За спиной комиссара машет руками, словно птичка крыльышками, давая понять, что Жильберт успешно эвакуирован.)

КОМИССАР. И где теперь индус?

ПАТРИК. Отбыл на родину. Включил четвертую передачу и – поминай как звали.

БОРИНСОН. Ох, и легкие на подъем эти сикхи!

КОМИССАР *(Боринсону)*. Да у вас руки в крови! Похоже, вы его застрелили.

БОРИНСОН. Если стрелять всех неимущих, то наши улицы опустеют. Наоборот – это он меня ранил.

КОМИССАР. И вы его отпустили?

БОРИНСОН. Мой хозяин всегда призывал меня к великодушью.

(Вбегают КАТРИН.)

КАТРИН. Где Жильберт?!

БОРИНСОН. Какой Жильберт?

КАТРИН. Мой муж. Он оставил письмо, перед тем, как свести счеты с жизнью.

КОМИССАР *(Боринсону)*. Так это был Жильберт?

БОРИНСОН. Похоже что он – никогда не держал слово. По мне, если обещал застрелиться – так сделай! И не марай бумагу.

КОМИССАР (*Катрин*). Его письмо у вас?

КАТРИН. Вот оно.

(*КОМИССАР пробегает письмо глазами, поворачивается к Эмили*).

КОМИССАР. Да-а-с, мадам...

КАТРИН. Я давно ее подозревала... (*Указывает на Эмилию*.)

БОРИНСОН. В чем?

КОМИССАР (*прячет письмо*). Тайна следствия.

ЭМИЛИЯ. Я не знаю, что там нацарапал этот индус, но он клеветает.

КАТРИН. Ага! Значит, ты знала даже то, что он родился в колонии!

КОМИССАР. Потомственный преступник?

КАТРИН. В английской колонии... в Бомбее.

КОМИССАР. Так вот почему он в чалме!..

ПАТРИК (*Катрин*). Не волнуйтесь... ваш супруг уехал.

КАТРИН. На чем?

ПАТРИК. На личном транспорте.

КАТРИН. Да он не умеет управлять машиной. За рулем всегда я.

БОРИНСОН. Стреляться он тоже не умеет. Меня с собой перепутал. *(Показывает ладонь в краске.)*

КАТРИН. Так его посадят?!

КОМИССАР. Обязательно. Но за другую провинность. Если сажать за ту, что указана в письме, наши улицы опустеют.

КАТРИН. Я сама отыщу его и убью на месте.

КОМИССАР. Лучше передайте, пусть явится в полицию добровольно. И пусть приходят вдвоем.

КАТРИН *(указывая на Эмилию)*. С ней?

КОМИССАР. С Боринсоном. Этот махинатор тоже исчез. Где он может скрываться? *(Патрику.)* Как я понимаю, вы в этом доме отвечаете за эвакуацию преступников. Кто вы?

ЮЛИЙ. Он псевдоплемянник.

КОМИССАР *(Юлию)*. А вы?

ЮЛИЙ. А я настоящий племянник Адриана Стефановича – роднее не бывает.

КОМИССАР. Как и он – похож на бандита. Документы есть?

ЮЛИЙ. Какие документы... *(Подходит к стене с фотографией.)* Вот, я в детстве среди братьев.

КОМИССАР *(подходя к фотографии)*. Не может быть!!! Юлий! *(Обнимает Юлию.)* Юлий, ты меня узнаешь?! Ну?.. Вот же я! *(Указывает на снимок.)* Орест... крайний справа... твой брат Орест!

ЮЛИЙ. Орест?!

КОМИССАР. Наконец-то я нашел тебя! А где Патрик?

ПАТРИК. Орест, Патрик – это я! Мы тебя столько искали.

БОРИНСОН. Господи!.. Еще один!..

ЭМИЛИЯ (*Боринсону*). Себастьян, тебе трудно понять, с какой радостью Адриан Стефанович встретит известие, что Орест жив.

(*Вбегают ЖАННА.*)

ЖАННА (*Боринсону*). Адриан Стефанович! (*Осекается.*) Себастьян! Там пришел какой-то окровавленный!

БОРИНСОН. Преступник всегда возвращается на место преступления.

ЖАННА. Он взял в заложники... Адриана Стефановича!

(*В комнату входит ЖИЛЬБЕРТ, вталкивая вперед себя СЕБАСТЬЯНА.*)

ЖИЛЬБЕРТ. Мне терять нечего! Я всех вас выведу на чистую воду.

ЭМИЛИЯ (*Жильберту*). Жильберт, как ты мог так поступить?!

ЖИЛЬБЕРТ (*указывая на Боринсона*). Это он погубил меня, соблазняя деньгами.

БОРИНСОН. Виноват. Что было – то было. Дал ему два франка. Вот к чему приводит мотовство!

ЭМИЛИЯ (*Жильберту*). Но я тебя не соблазнила?

ЖИЛЬБЕРТ. Нет.

ЭМИЛИЯ. Денег не давала?

ЖИЛЬБЕРТ. Нет.

ЭМИЛИЯ (*Боринсону*). Вот видишь, Себастьян, я совершенно чиста перед тобой.

ЖИЛЬБЕРТ. Себастьян?! Ах, жулики! А это кто?! (*указывает на Себастьяна.*)

КАТРИН. Может, ты и меня не узнаешь?!

ЖИЛЬБЕРТ. Катрин, что ты здесь делаешь?

КАТРИН. Хотела удостовериться, как ты сдержал обещание. Но ты и здесь соврал!

ЭМИЛИЯ. Вот видите. Он все нафантазировал!

КОМИССАР. Оставьте ваши семейные споры. Жильберт, опустите пистолет. И давайте его сюда. (*Забирает пистолет у Жильберта.*) Мы должны разобраться в главном. (*Боринсону.*) Ваш хозяин и, как теперь выяснилось, мой родственник уходил от налогов с его помощью. (*Указывает на Жильберта.*)

БОРИНСОН. С его помощью?! Вы видите, какой из него помощник. Он не в своем уме. Клевещет на друзей.

ЭМИЛИЯ. И на жен своих друзей.

БОРИНСОН. Врет! И я сейчас это докажу.

КОМИССАР. По-пы-тай-тесь.

СЕБАСТЬЯН (*Боринсону*). Себастьян, я сейчас все объясню.

КОМИССАР. Кто это?

ПАТРИК. Боринсон. Хозяин этого дома.

КОМИССАР. Ага! Наконец-то вся банда в сборе.

СЕБАСТЬЯН. Преступник только он. *(Указывает на Жильберта.)* Он уверяет, что я ради этих грязных денег, этих никчемных мятых бумажек, этого средоточия зла...

ЮЛИЙ. Дядюшка...

СЕБАСТЬЯН. ... Что я шел на финансовые преступления ради всех этих пустяков?!

ЮЛИЙ. Ничего себе пустяки... несколько миллионов.

СЕБАСТЬЯН. А я говорю – пустяки! Мне плевать на эти миллионы! Они для меня ничто! Пустое место! И в доказательство моих слов, все эти миллионы я... вот при свидетелях, до последней копейки... *(поворачивается к Боринсону),* передаю своему камердинеру – тебе, Себастьян.

ЮЛИЙ. Что?!

СЕБАСТЬЯН. Он более чем кто-либо, заслужил их.

ЮЛИЙ. Вы видите – он сумасшедший. Не понимает, что говорит!

ПАТРИК. А по мне, так стремительно выздоравливает.

ЮЛИЙ. Дядюшка, не волнуйтесь. Сейчас вам нельзя принимать неразумных решений. *(Усаживает Себастьяна в кресло, обращается к Патрику.)* Патрик, ты же врач, дай ему какого-нибудь лекарства, пусть успокоится и заснет.

ПАТРИК. Исцелить его может только божественное слово. Больной, встань и иди!

(СЕБАСТЬЯН приобретает здоровый, энергичный вид.)

СЕБАСТЬЯН *(Боринсону)*. Ну, Себастьян, объясни, зачем ты прятал от меня газеты?!

БОРИНСОН. Я их читал.

СЕБАСТЬЯН. Среди бела дня?! Сколько можно?! Отберите у него ключи от погреба. Отныне они будут у меня.

ЖАННА. Но вы же были... не здоровы?

ЮЛИЙ. Они и сейчас больны, бог знает что говорят.

БОРИНСОН. Как это можно – отобрать ключи!

СЕБАСТЬЯН. Ты что, возмущаешься?!

БОРИНСОН. Ты!.. Вы!..

СЕБАСТЬЯН. Правильно – вы! Я выздоровел, полностью выздоровел!

БОРИНСОН. Выздоровел?.. *(Радостно бросается к Себастьяну.)* Ах, ты мой дорогой! Как ты меня напугал! Ну, молодчина! Ну, дружище! Это лучшее известие в моей жизни!

ЖАННА. Все благодаря нашему Патрику.

СЕБАСТЬЯН. И у меня для тебя есть хорошая новость. Наша нефтяная вышка на четырех ногах притопала назад, вернулась к своему законному владельцу.

БОРИНСОН. Так мы восстановили свое состояние?

СЕБАСТЬЯН. Кто-то физическое, кто-то финансовое. Было бы первое, второе приложится. *(Подходит к Боринсо-*

ну, кладет ему руку на плечо.) Дружище, ты меня извини, если я бывал невоздержанным. Вскоре и ты в полной мере поймешь, как оно давит бремя богатства. Сейчас самое время переложить его на тебя. Вот, все обвиняют Боринсона в скупости. Многие недоброжелатели дошли до того, что обвиняют меня даже в уходе от налогов. Большой нелепости трудно предположить. Жаль, что среди нас нет налогового инспектора (*поворачивается к Юлию*). Он бы, этот агентшишка, увидел, как я презираю грязные бумажки, из-за которых люди идут на страшные преступления. Но я, слава богу, не преступник. Каждый может доложить всем (*снова поворачивается к Юлию*), включая свое руководство, что Боринсон – человек честный. Именно сегодня, прямо сейчас, при свидетелях я заявляю (*поворачивается к Боринсону*), все, что есть у меня, все компании, нефтяные и прочие, все без остатка, движимое и недвижимое имущество, Себастьян, передаю тебе. Бери и владей!

ЮЛИЙ. Дядюшка, что вы говорите?!

СЕБАСТЬЯН (*Юлию*). Не перебивай!

ЮЛИЙ. Ваша супруга будет против.

СЕБАСТЬЯН (*возмущенно*). Что?! Эмилия против?! Да как она смеет?! В таком случае, Себастьян, забирай и супругу!

ПАТРИК. Дядюшка...

ЮЛИЙ. Это невозможно!

ЖАННА. При согласии всех заинтересованных сторон

ВОЗМОЖНО ВСЕ.

(Все поворачиваются в сторону Эмилиш, ожидая ее реакции.)

ЭМИЛИЯ. Видите ли... конечно... это очень неожиданно. Но мне ничего не остается, как согласиться. Наш камердинер в свое время столько настрадался, что было бы несправедливо оставлять его одного с такой кучей денег.

ЮЛИЙ. Да где это видано?! Какому-то камердинеру...

ПАТРИК. Но ведь тетушка – не имущество. Ее нельзя передать.

ЖАННА. Патрик, зачем нам вмешиваться в личную жизнь обитателей этого дома? Хватит того, что мы погружены в финансовую. В конце концов, мы, молодые, закоренели в своих моральных принципах и безнадежно отстали от предков. В истории именно так всегда и случалось. Старики всегда оказывались смелее своих потомков, ломали отжившие устои. Нам, молодым, остается только восхищаться их смелостью, заодно учиться у них, как распоряжаться финансами.

ЮЛИЙ. Вот именно. Давайте вернемся к делам финансовым.

ЖАННА. Можно и к финансовым. Поэтому я вынуждена открыться – я тайный инспектор налоговой службы.

БОРИНСОН. Ты?

ЭМИЛИЯ. Не может быть!

СЕБАСТЬЯН. С ума сойти!

ЖАННА. По долгу... моих служебных обязанностей я обнаружила в делах... некоторую неразбериху. Если быть точным – скромную неуплату... в определенные фонды. (*Боринсону.*) Что вы на это скажите, Себастьян? Ведь отныне вы владелец состояния.

БОРИНСОН. Не спорю. В прошлом... не исключались грешки. Возможна и задолженность... Но извините, все это наделал он. (*Указывает на Себастьяна.*)

СЕБАСТЬЯН. ...Будучи не в здравом уме.

ЮЛИЙ. Да вы и сейчас там находитесь.

ЖАННА. Но есть смягчающие обстоятельства...

ЮЛИЙ (*указывая на Себастьяна*). Его умственная отсталость?

ЖАННА. Вовсе нет. Мы с Патриком решили пожениться.

БОРИНСОН. Вы?! Пожениться?!

ЖАННА (*не обращая внимания на реплику Боринсона*). Поэтому я не собираюсь омрачать столь радостное событие. Все сомнительные документы я уничтожила.

БОРИНСОН. Наконец-то мы с Эммой будем спокойны!

ЮЛИЙ. (*Боринсону.*) Быстро же вы приобщили Эмилию к своей собственности. (*Себастьяну.*) Дядюшка, куда вы смотрите?!

СЕБАСТЬЯН. В будущее. В счастливое будущее моей прежней супруги! Я понимаю, как ей наскучил, до чертиков

надоел больной на голову муж! (*Поворачивается к Патрику и Жанне.*) А вас, мои дорогие, поздравляю с решением связать свои судьбы.

ПАТРИК. Дядюшка, вы одобряете наше решение?

СЕБАСТЬЯН. Ваше да, а свое – нет.

ЮЛИЙ. Правильно. Еще не поздно передумать.

СЕБАСТЬЯН. Я сожалею, что отдал Себастьяну все свое состояние, ибо не знал, что вы собираетесь вступить в брак. А то бы я и для вас заготовил достойный подарок.

ЖАННА. Это лишнее, Патрик – человек не бедный. Это он последние два года скупал акции компаний Адриана Стефановича.

БОРИНСОН. Патрик?! Зачем?!

ПАТРИК. Подстраховать семейный бизнес, чтобы его не пустили по ветру. (*Поворачивается к Себастьяну.*) Знаете, у стариков иногда случаются завихрения в голове.

СЕБАСТЬЯН. Но теперь-то я абсолютно здоров.

ПАТРИК. И необыкновенно честен.

ЖАННА. Патрик настолько тронут дядюшкиным вниманием к близким...

ЮЛИЙ. Еще бы – подарить жену!..

ЖАННА. ...Что возвращает все ранее купленные акции их законному владельцу.

БОРИНСОН. Мой ты благодетель! (*Направляется к Патрику.*) Дай я тебя поцелую.

ПАТРИК. Что вы? Мои поступки меркнут перед его бла-

городством. (*Указывает на Себастьяна.*)

БОРИНСОН. Все равно, дай я тебя поцелую. (*Целует Патрика.*)

ЭМИЛИЯ. Юлиан тоже достоин похвалы. Он очень поэтичная натура и даже пишет стихи.

БОРИНСОН. Он?! Стихи?!

ЮЛИЙ. Тетушка, прекратите. Что в этом удивительного?

ЭМИЛИЯ. Вот один из его шедевров. (*Читает две первые строчки из четверостишья.*)

Пусть все в моем доме меня заругают,

На бирже пускай заклюет воронье...

БОРИНСОН (*останавливая Эмилию*). Да это обычное рифмоплетство, примитивнее некуда. Я без труда могу продолжить.

ЭМИЛИЯ. Попробуй.

БОРИНСОН (*читает*).

...Я буду любить вас, моя дорогая,

До гроба, до смерти, и после нее!

ПАТРИК. Себастьян, да вы гениальны и в поэзии!

ЭМИЛИЯ (*Боринсону*). Себастьян! Я потрясена! Как я могла не ценить тебя раньше?! Дай я за тобой поухаживаю. (*Платочком вытирает краску с лица Боринсона.*)

БОРИНСОН. А я ценил тебя все эти годы.

СЕБАСТЬЯН. Кто бы меня оценил...

БОРИНСОН. Хозяин, согласен. Более щедрого и честного человека я никогда не встречал. Но, зная ваше великодушие,

и беспримерную жертвенность, осмелюсь попросить еще об одной услуге.

СЕБАСТЬЯН. О какой?

БОРИНСОН. Поменяться именами.

ПАТРИК. Как это?!

ЖАННА (*одергивает Патрика*). Да в наше время это нормально. Теперь не только имена, но и пол меняют.

СЕБАСТЬЯН (*Боринсону*). Себастьян, и ты согласен отдать мне свое благородное имя?

БОРИНСОН. Для вас – все что угодно! И на минуту не задумаюсь!

СЕБАСТЬЯН. В таком случае и я отдаю тебе мое имя, а в нагрузку – и отчество.

БОРИНСОН (*Эмме*). Соглашаться?

ЭМИЛИЯ. Конечно.

БОРИНСОН. На Адриана Стефановича?

ЭМИЛИЯ. А почему бы и нет. Звучит, конечно, не столь благозвучно, как Себастьян, но терпимо.

БОРИНСОН. Но если всеми нами любимая прежняя супруга недавнего Боринсона, а ныне моя, не возражает, то я согласен. Себастьян, сбегай в погреб за бутылочкой!

СЕБАСТЬЯН. Э-э-э, нет, еще рано. Мы не все решили. Тут и наша сделка, и их помолвка... (*Кивает в сторону Патрика и Жанны.*)

БОРИНСОН. Ах, да! Чуть не забыл. (*Себастьяну.*) Вы собирались часть своего состояния отдать племянникам.

СЕБАСТЬЯН. Собирался. Но теперь, Адриан Стефанович, решать вам. А я, если не возражаете, стану вашим камердинером.

ЮЛИЙ. Никогда не видел таких щедрых камердинеров.

БОРИНСОН. Это верно. Но и я постараюсь не ударить в грязь лицом. Все свое состояние я делю на четыре равные части. Одну часть оставляю себе и моей новой супруге – поймите правильно, у нас впереди медовый месяц. А остальные части отдаю племянникам.

ЮЛИЙ. Кому именно?

БОРИНСОН. Одну – Патрику, вторую... как и договаривались – тебе, Юлий, а третью – Орест, вам.

КОМИССАР. Но я при исполнении служебных обязанностей...

БОРИНСОН. ...При исполнении которых инспектором Жанной нарушений не выявлено. Себастьян, сбегай за бутылочкой винца.

СЕБАСТЬЯН. Э-э-э, нет!

БОРИНСОН. Ты что, против?

СЕБАСТЬЯН. Нет, здесь одной бутылочкой не отделаешься.

БОРИНСОН. Ты, как всегда, прав! Тащи, сколько сможешь! Гулять, так гулять!

(Занавес)

МЕЦЕНАТ И НЕМНОГО ПОЛЯРНИК

(Комедия в двух действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ – миллионер.

ЖАННА – жена миллионера.

РОМАН – водитель миллионера.

ВЕРА – жена водителя.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА – хозяйка неврологического пансионата.

АНЯ – дочь хозяйки пансионата.

ИГНАТУШКА – муж хозяйки пансионата.

ГОВАРД – кредитор, бельгиец.

СЕНЯ – санитар.

ВЕНЯ – санитар, без слов.

Действие происходит в гостиной пансионата. В глубине комнаты дверь и окно, между ними трельяж с флакончиками духов. Вторая дверь уходит в боковую комнату. Стоит стол, рядом кресло и стул. Отдельно от них расположен диван.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ и РОМАН входят в гостиную. В руках у Романа чемодан, у Терентия Яновича – портфель.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Тишина... Хотя бы один дармоед встретил. Спят еще, работнички. *(Роман ставит на пол чемодан, который в этот момент раскрывается.)* Господи! Чемодан спокойно поставить не можешь! Дал же бог помощника.

РОМАН. Я водителем к тебе нанимался, а не носильщиком!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Да ты и водишь не лучше. По дороге едва не убил!

РОМАН. Так ты чемоданами решил отомстить? Руку вон из-за тебя потянул. *(Сгибает кисть, симулируя боль.)* А в багажнике еще два.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Что ты хочешь сказать?..

РОМАН. То, что жилы из меня в прямом смысле тянешь.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Так увольняйся, каналья, если такой тонкошкурый! Почему взял только один чемодан?! Руки то две!

РОМАН. Я не ленивый лишний раз сбегать.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Вон как заговорил! А ты не подумал – за что я тебе бабки плачу? Чтобы, насвистывая, по лестницам разгуливал!? Вернемся домой, вылетишь без выходного пособия. Еще и такую рекомендацию намалюю – на мусоровозку не примут.

РОМАН. Узнают, что тебя возил – примут.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Еще и хамишь?! Все! Уволен к чертовой бабушке. Тащи чемоданы и катись на биржу труда!

РОМАН. Хорош я буду на бирже с твоими чемоданами.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ах, так! Отказываешься?! Хорошо. *(Кричит.)* Есть тут кто живой! *(Роману.)* Ну погоди. Я сам принесу, но тебе и этим бездельникам не поздоровится. *(Убегает за чемоданами.)*

РОМАН *(собирая вещи в чемодан)*. Вот наградил господь хозяином. Хуже гаишника. Говорили же хорошие люди: не хо-

ди к Терентию – он из тебя кровушки не одну канистру вытянет. На «Бентли» его позарился. Год работаю, а показалось, будто все пять. Но погоди, подвернется случай, я тебя воспитаю. Не то что чемоданы таскать, на луну выть научишься. Тоже мне – финансовый гений. Знаю я вашу бизнес-арифметику: где бы товару за рубль урвать, а за три какому-нибудь дураку впарить. Много ли ума надо? Особенно когда дураков, как на небе звездочек. *(В сторону Терентия Яновича.)* Да, видать, на одного прибавилось – сам в их число угодил. По глупости ухлопал денежки в пустые акции. Вот теперь и свирепствует у разбитого корыта.

Входит АМАЛИЯ ЛЬВОВНА, всплескивая руками.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Терентий Янович! Добрый день! Что же вы не предупредили! Мы бы вас встретили, зачем самому-то чемоданы таскать?

РОМАН *(удивленно)*. Чемоданы? Ах, вы об этом... Ничего страшного. У меня для такого случая один живоглот припасен. Пусть побегает напоследок.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. *(Роману)* Я слышала, как он кричал. Безобразие, что позволяют себе эти водители.

РОМАН. Водители? Вам тоже не нравятся водители?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Мне не нравится, когда неуравновешенные садятся за руль. Я думаю, вы без этих криков справились бы с машиной не хуже его.

РОМАН. Это уж точно. *(С мужской заинтересованностью рассматривает Амалию Львовну.)*

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Ах, я забыла представиться. Мы ведь знакомы только заочно. Амалия Львовна – главврач и хозяйка пансионата, который вы любезно содержите.

РОМАН. Очень приятно. *(Целует ей руку несколько дольше, чем следует в таких случаях.)*

Вбегает АНЯ.

АНЯ. Мама, посмотри, посмотри, какая машина!.. Ой... Здравствуйте.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА *(смущенная галантным отношением Романа, за которым угадывается больше, чем обыкновенная вежливость.)* Анечка, это господин Терентий Янович, благодаря щедрости которого существует наше скромное заведение.

РОМАН. Щедрости? Ну вы и скажите. В таких безобразиях мы не замечены.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Не скромничайте, Терентий Янович. Я еще не встречала более великодушного человека.

АНЯ (*выглядывая в окно*). Ах, как я хотела бы покататься на этой машине.

РОМАН. Нет проблем, обязательно покатаем.

В дверях появляется Терентий Янович с двумя чемоданами.

АНЯ (*обращаясь к Терентию Яновичу*). Добрый день. Вы меня прокатите хоть немного на вашем лимузине?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*удивленно*). Я? (*Ставит чемоданы на пол.*)

РОМАН (*Ане*). Анечка, конечно, он вас прокатит. Он за рулем, как рыба в воде... когда она кипит... в смысле – на перекатах. Его хлебом не корми – дай порулить...

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Я категорически возражаю! В таком состоянии нельзя садиться за руль.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. В каком таком?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. На грани нервного срыва...

РОМАН (*в сторону*). От жадности.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Вам следует обратиться к врачу.

РОМАН (*в сторону*). Верно подмечено.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Попрошу не давать мне советов!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Вот видите, как вы болезненно реагируете.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Как хочу, так и реагирую.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Это возмутительно. (*Роману.*) Я удивляюсь, как вы переносите его общество.

РОМАН. Уже не переношу. Мы с ним расстаемся.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Вот именно. Даже более – уже расстались.

АНЯ. Не ссорьтесь. Давайте я лучше проведу вас в приготовленные для вас комнаты.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*язвительно*). Да уж будьте так любезны. Соблаговолите сделать милость.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Да-да, Анечка, проведи гостей.

Терентий Янович берет один чемодан, ожидает того же от своего водителя. Но тот демонстративно отворачивается. Терентий Янович хватается второй. Оглянувшись на пороге и видя, что водитель по-прежнему не собирается таскать тяжести, умудряется схватить третий чемодан. В негодовании уходит вместе с Аней.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Да-а! Просто удивительно, как вы добрались без аварии.

РОМАН. Все нервы истрепал. (*Берет хозяйку пансионата за локоть.*) Видите ли, Амалия Львовна... Как бы вам объяснить ситуацию...

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Не надо ничего объяснять. Я вас отлично понимаю. У меня есть знакомый водитель, и он всегда к вашим услугам. Хотя он тоже не подарок.

РОМАН. Ох, чувствую, эта шоферская банда везде одинакова. Но этот – нервный – любого переплюнет. Вот если бы можно было, так сказать... немного подремонтировать его здоровье... Текущий ремонтец ему организовать...

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Терентий Янович, не вижу никаких препятствий. Он и в самом деле нуждается в медицинском внимании.

РОМАН. Значит, это возможно?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Конечно. Мы и не таких на ноги ставили.

РОМАН. Отлично. Прямо гора с плеч. А то уж я начал беспокоиться. Знаете, у него в последнее время завихрения появились под фуражкой.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Что появилось?

РОМАН. Вот здесь авария. (Стучит себя по лбу.) Останавливается, где бы вы думали? Прямо на маршруте. В аккурат перед зеленым светофором. А на красный начинает движение. Мне, говорит, как покорителю полюса, эти лампочки не указ.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Полюса?

РОМАН. Вот именно! А позавчера вообще четвертую передачу врубил. Отныне, говорит, я миллионер, а ты будешь моим водителем. И сразу же – немедленно замени колесо! Представляете, заблокировал левый ряд, аварийку не включил. Еле уговорил его освободить проезжую часть.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Так это же реактивный психоз!

РОМАН. Точно! Он. Реактивнее некуда. Это просто удивительно – как вы быстро находите поломку. Но знаете, он хоть и с придурью, а к вам ехать не хотел, противился изо всех сил.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Они это интуитивно чувствуют.

РОМАН. А потом его вдруг понесло по ухабам. Поедем, завопил, проверим, как они проматывают мои денежки.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Да что вы говорите?!

РОМАН. Окончательно на ревизии вашего пансионата свихнулся. Я, говорит, закрою эту богадельню!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Богадельню?

РОМАН. Вот именно. Говорит, эти бездельники мигом на биржу труда с чемоданами поскачут!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Господи! С чемоданами?!

РОМАН. А что вы хотите – ДТП в голове. Мне даже как-то неловко за него.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Да что же тут неловкого. Маня величия, усугубленная комплексом неполноценности. На реабилитацию уйдет не менее двух недель.

РОМАН. Э-э, нет! Тут надо без штурмовщины. Если уж ремонт – то капитальный. Месячишко-другой в самый раз было бы. Это ведь не наружная покраска какая-нибудь. Шутка ли – у человека, можно сказать, электропроводка внутри коротнула.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Хорошо. Будем лечить, пока не добьемся устойчивых результатов...

РОМАН. Чудесно. Я и сам бы не против недельку-другую от этой рулежки отдохнуть. (Изображает управление рулем.)

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. От чего?

РОМАН (*спохватившись*). От этого... от управления бизнесом.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Так живите у нас, мы будем только рады. Я вам приготовила уютную комнату. Кстати, неподалеку от моей. В любое время можете обращаться без стеснений. Пойдемте, я вас проведу.

РОМАН. Вот и отлично. Но знаете, Амалия Львовна, я по природе своей полуночник. А вы поздно отходите ко сну?.. (*Уходят.*)

Входит ИГНАТУШКА.

ИГНАТУШКА. Аня. Где Аня? (*Кричит.*) Аня!

Входит Аня

АНЯ. Папа, что случилось?

ИГНАТУШКА. Боюсь заходить к этим людоедам.

АНЯ. Я же говорила маме, что все именно так и получится.

ИГНАТУШКА. Они готовы растерзать меня!

АНЯ. Хорошо, я сама все сделаю.

ИГНАТУШКА. Спасибо, доченька, хоть дух переведу.

Входит Амалия Львовна.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Что за крик? Не дали и гостя поселить как следует. А дух ты обязательно переведешь. Я распорядилась почтальону больше не приносить газет.

ИГНАТУШКА. Амальюшка, это жестоко с твоей стороны.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Зато справедливо. Хватит бездельничать. К тому же у тебя появилось ответственное задание.

ИГНАТУШКА. Какое еще задание?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Как раз по тебе – сидеть и ничего не делать.

АНЯ. Хорошо еще, что его не видел господин Терентий Янович.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Тебе предстоит пожить в четвертой комнате.

ИГНАТУШКА. Как это понимать?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. А кого мы покажем Терентию Яновичу?

ИГНАТУШКА. Дорогая, но я не гожусь на роль сумасшедшего.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Не скромничай. Очень даже годишься. Кроме тебя, здесь некому.

ИГНАТУШКА. А может, кого-нибудь другого пригласим?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. А может и объявление в газете дать: требуется умный человек на роль дурака? Ты хоть бы головой подумал, на что мы станем жить, чем будем кормить наших беззащитных собачек, если он нас ликвидирует? Затем, находясь в четвертой, ты сможешь читать свои газеты.

ИГНАТУШКА. Но ты же сказала...

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Я велю приносить их снова. И за-

рубите себе на носу: мы только сотрудники. (Мужу.) Запомни – я тебе не жена. (Показывает на Аню). А она тебе не дочь. Не хватало, чтобы он обвинил нас в семейственности. А Веня и Сеня, только санитары, а не твои племянники. Еще скажет, что грабим его родоплеменным методом. Он так когда-то о детском приюте высказался. Об этом еще газеты писали. Тебе, Игнатий, надо особенно остерегаться, в палате ты будешь не один.

ИГНАТУШКА. Да?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Не радуйся, женщин не будет. Туда поселили водителя Терентия Яновича.

АНЯ. Кстати, очень приятной внешности.

ИГНАТУШКА. Водитель-сумасшедший?

АНЯ. Никакой он не сумасшедший. Просто издерган своим начальником. Знаешь, папа, когда человеком ежедневно помыкать, кто угодно может с ума сойти.

ИГНАТУШКА. Еще бы мне этого не знать, доченька.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Кстати, выведаешь у него побольше о хозяине. Какой ни больной, но о Терентии Яновиче,

наверное, знает достаточно. Выспросишь, какие у него отношения с женой? Поговаривают, что не очень они ладят. Кто знает, может, ему наша Анечка приглянется.

АНЯ. Мама, как ты можешь?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. А что здесь такого! Люди женятся, разводятся. Это дело природное. Опять же, мы не можем безучастно наблюдать, как капризная жена терзает нашего благодетеля. Хороши мы будем, если не поможем человеку!

ИГНАТУШКА. И то правильно. Сто двадцать бездомных собак за его счет кормим, а самого оставить без внимания?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. И запомните – никаких собак у нас нет. У нас не приют для бездомных животных, а неврологический пансионат. На собак и копейки не даст – он их на дух не переносит.

ИГНАТУШКА. Как я его понимаю.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Замолчи! У тебя каменное сердце. Ты бы посмотрел в их жалобные глаза.

ИГНАТУШКА. Я смотрел. Но они в это время хапают меня за ноги.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Не преувеличивай. И не притворяйся. Из каждой царапины делаешь трагедию. И запомни – она тебе не доченька.

ИГНАТУШКА. Понял-понял – и ты мне не жена.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Игнатий, чтобы тебе проще было запомнить, скажем лучше так: ты мне не муж.

Входит Терентий Янович.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Разлюбезная Амалия Львовна, я ожидал встретить здесь что угодно. Но не предполагал, что меня поселят в дровяной склад!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Не хотите ли вы сказать, что деньги, выделенные на мебель, расхищены не по назначению?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Скорее всего, именно так все и случилось.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. И вы непременно докажете это?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Как пить дать! И никакая двойная бухгалтерия не спасет.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*дочери*). Вот тебе и приятный человек. (*Терентию Яновичу.*) Конечно! Мы миллионеры... Мы не можем заснуть на обыкновенной кровати. Нам подавай из золота.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Не возражал бы. Но вначале убедите вторую, совершенно не нужную – из прессованных опилок. На ней, наверно, околело с десятков ваших пациентов. И тюфяки – на помойку!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Непременно. И тюфяки на помойку, и кровать вышвырнем. (*Показывает на диван.*) Прикажете, мы и этот диван отправим по тому же адресу. Ваше миллионерское слово для нас закон. Но согласится ли он спать в коридоре. (*Показывает на Игнатушку.*)

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Это еще кто такой?

ИГНАТУШКА (*кривляется, пытаясь изобразить нервобольного*). Не хочу в коридоре. Хочу у окошка.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Вот видите. Как вам не стыдно?! Из-за своих прихотей готовы вышвырнуть больного человека на улицу. (*Гладит Игнатушку по голове.*) Не плачь, Игнатушка, мы не дадим тебя в обиду!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Черт побери! Что все это означает?!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Не дрожи, Игнатушка. Дядя только с виду грозный. Он тебя не укусит.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Все! С меня довольно! Тут абсолютная ясность. Мы уезжаем. Где Роман? (*Кричит.*) Роман!

Вальяжно входит Роман в длинном ярком домашнем халате. Во время разговора неторопливо обрабатывает пилочкой свои ногти.

РОМАН. Амалия Львовна, я хочу вас поблагодарить за чудесный вид из окна. Вот где я наконец-то отдохну и душой и телом.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Роман, собирайся, мы уезжаем.

РОМАН. Уезжаем? Ай-яй-яй! Какая жалость. Я так буду тосковать за тобой.

ИГНАТУШКА (*кривляясь*). И я тоже.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Роман, подумались и хватит. Тут и проверять нечего. Закрываем это заведение.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Вы хотели сказать бо-га-дель-ню?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Вам виднее.

РОМАН (*Амалии Львовне.*) Вот такие у нас пироги. Зашел в комнату, вышел, и хлоп – пансионат закрыт! У нас это быстро. Смотришь, сидит человек за рулем, а через минуту – он уже на полюсе. (*Терентию Яновичу.*) А насчет романов – ни-ни-ни! Никаких романов! (*Назидательно грозит пальцем у носа Терентия Яновича.*) Знаю я тебя – только подпусти к женскому полу.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Да ты с ума сошел! Тебе надо лечиться!

РОМАН. Вот давай и полечимся на пару.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Но только не здесь. (*Амалии Львовне.*) У вас в штатном расписании значится водитель. Срочно его сюда!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Да-да, конечно, сию минуту... А вы, значит, сами уже разучились управлять машиной? (*Изоб-*

ражает руление.)

ИГНАТУШКА. Я его отвезу.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Уберите этого... несчастного.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Игнатушка, видишь, ты и в водители не годишься. Сходи, пригласи шофера... Двух....

Игнатушка уходит.

АНЯ (*Амалии Львовне*). Прекратите, этого еще не хватало. Роман Иванович, вы не волнуйтесь...

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Да что здесь происходит?! Какой я вам Роман Иванович?!

РОМАН. Действительно, никакой. Красный светофор от зеленого отличить не можешь. Вот скажи, какой зазор на впускных клапанах? Видите, видите! Глаза выпучил – не знает. Тоже мне специалист. И этому человеку я доверял свою жизнь!

АНЯ. Роман Иванович, вы побледнели. Вам плохо? Хотите водички?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Я хочу уехать отсюда!

Вбегают два санитар, за ними входит Игнатушка. Один санитар с большим сачком в руках для ловли собак. Оббегают комнату в поисках жертвы.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. А вот и водители.

РОМАН. Два.

СЕНЯ. Где он? *(Заглядывает под стол.)*

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Сеня, отвезите этого товарища по четвертому маршруту.

СЕНЯ *(удивленно)*. Этого?!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Да оставь ты свой сачок! Он не кушается!

РОМАН. Я бы не гарантировал.

Один из санитаров заходит за спину Терентия Яновича, второй – осторожно приближается к нему спереди. Терентий Янович опасливо отступает. Вынимает из кармана мобильный телефон.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Не подходите! Я вызову такси.

Санитар выхватывает телефон из рук Терентия Яновича.

АНЯ. Прекратите! *(Становится между санитаром и Терентием Яновичем. В это время Роман забирает телефон у санитаря.)*

РОМАН. Вот тебе и Роман! Это же моя говорилка! Когда он ее потянул?!

Раздается телефонный звонок.

РОМАН *(в трубку)*. Да, слушаю. Да-да, восемь фьючерсов. Форекс три сорок пять. Баррель номиналом по шестьдесят восемь. Все. До связи.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Что за ахинею ты несешь?! Кто звонил? Отдай телефон.

РОМАН. Как ты меня достал! С токийской биржи звякнули. Тебе то что?! *(Санитарам.)* Товарищи, угомоните пациента.

АНЯ. Нет-нет! Не надо. Я сама все устрою. *(Выталкивает санитаров из комнаты. Возвращается. Увлекает за собой Терентия Яновича в другую дверь).*

РОМАН. Да-а! Вовремя мы приехали. Это ж надо. *(Изображая недоумение, крутит в руках телефон.)*

ИГНАТУШКА. Так он еще и клептоман?

РОМАН. Да какой там клептоман. Мелкий воришка. Ты-рит что ни попадя. *(Игнатушке.)* А вы кто будете?

ИГНАТУШКА *(вспомнив, что обязан исполнять роль больного, начинает кривляться).* Я... Я...

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. А это Игнатушка – сосед вашего водителя по комнате.

РОМАН. Тоже миллионер? Или полярник?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Нет. Он газетоман.

РОМАН. Что, газеты ворует?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Нет, он их читает.

РОМАН. А, тогда понятно. От этого запросто свихнуться можно.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Но только тогда, когда мы это ему позволим. А сейчас ему время проходить лечебный сеанс. *(Уводит Игнатушку.)*

РОМАН. Набирает номер телефона. Вера, привет. Тут такое закрутилось... срочно приезжай в пансионат. Терентий уволил меня из-за какого-то то дурацкого чемодана? Приезжай, помоги проучить его как следует... Ты же всегда хотела стать актрисой и женой миллионера? Вот и попробуй себя в этой роли. Что? Роль жены водителя играешь десять лет, и она тебе осточертела? Но он-то миллионер на самом деле... Нет... без этого нельзя... Здесь уже начали сомневаться. Вот когда он не признает собственную супругу, тут и диагноза не надо. Все... Решили... Жду тебя. Давай, а то уже твой сценический муж топает.

Входит Терентий Янович

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Кто звонил? И отдай телефон!

РОМАН *(радостно)*. Родной ты мой! А я тут заскучал. *(Прячет телефон в карман, достает оттуда карты.)* Как насчет партейки? Куда нам торопиться. Отдыхать, так отды-

хать.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Погоди, будет тебе отдых. И я тебе уже говорил, что с тобой не играю – ты еще не рассчитался за прошлый проигрыш.

РОМАН. Какой проигрыш? Тот раз была бы ничья, да ты вальта сбросил в отбой.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А что же ты не остановил меня?

РОМАН. За всеми шулерами не уследишь. Не увидел.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ага. Значит, увидишь сейчас. И вальта, и звездочки на его погонах. Прямо из глаз твоих так и выскочат. Семь раз.

РОМАН. Какие семь?!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Те самые – болезненные до ужаса. Последний раз спрашиваю: отдашь телефон?

РОМАН. Собрался звонить на полюс?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Нет, в колонию строгого режима. Пусть приедут, поучатся наказывать преступников. Вот ска-

жи вслух: я жулик – тогда три удара прощаю.

РОМАН. Ты жулик.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Не ты жулик, а я жулик!

РОМАН. Да что ты все заладил: я жулик, я жулик... Тебя не поймешь, то ты жулик, то миллионер. Ты уж как-нибудь определись. Может, ты жуликоватый миллионер? Или, по-твоему, только жулик и может стать миллионером?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Как жаль, что за язык придется расплачиваться твоему бедному носу. Еще раз хорошенько подумай, все-таки – три удара. А ты знаешь, как я бью.

РОМАН. Так и быть, сделаю тебе приятное. *(Вполголоса.)*
Я жулик.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Что ты шепчешь. Громче кричи, чтобы все слышали. *(Показывает в сторону зала.)*

РОМАН. О громкости уговора не было. Осталось четыре удара.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Прохвост! Кто мне звонил?

РОМАН. Скажу, но считаем что была ничья, и удары списываем.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Какая ничья?! Сначала научись играть.

РОМАН. Как хочешь. *(С опасливой гримасой косится на Терентия Яновича. Тот с наслаждением примеряется для удара по носу, замахиваясь колодой карт.)*

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ *(останавливаясь)*. Черт с тобой!
Кто звонил?

РОМАН *(забирает колоду, начинает весело тасовать ее)*. А, какой-то дурак ошибся номером.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Не ври.

РОМАН. Да Генрих твой – кредитор.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Дурак, сколько раз говорить – не Генрих, а Говард?

РОМАН. Точно, Говард. По-русски ни черта не смыслит.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Он хотел меня видеть?

Входит Игнатушка, читая на ходу газету, садится на диван.

РОМАН. Он хотел видеть свои денежки. Требовал вернуть кредиты.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А ты?

РОМАН. А я сказал: иди ты. И попросил, чтоб больше не надоедал. Объяснил этому Генриху, что его кредиты поют сюиты. На них теперь и газету не купишь (*показывает на читающего Игнатушку*).

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Говарду?! Господи, что ты наделал! Что ты наделал! А Жанна звонила?

РОМАН (*Игнатушке*). Вот! Посмотри на него. А говорит – здоровый. Она, может быть, лезгинку шпарит от того, что тебя дома нет. Может, тебя еще и навестить? Вон спроси Игнатушку: часто ли к нему жена приезжает? Игнат, у тебя есть жена?

ИГНАТУШКА. Что?

РОМАН. Говорю, жена у тебя есть?

ИГНАТУШКА. Есть.

РОМАН. Красивая?

ИГНАТУШКА. Красивая.

РОМАН. Красивей Амалии Львовны?

ИГНАТУШКА. Мне как-то сложно их сравнивать.

РОМАН. Что же тут сложного. Толще или тоньше?

ИГНАТУШКА. Я полагаю, такая же.

РОМАН. Пилила, небось так, что пришлось на дурке спрятаться.

ИГНАТУШКА. Не без этого.

РОМАН. Карманы после полочки, наверное, выворачивала?

ИГНАТУШКА. Да как вам сказать...

РОМАН. А по ночам, видимо, храпит, вместо того, что-

бы стонать. То-то понятно, что ты жену позабыл и от одного Аниного вида млеешь? Думаешь, я не вижу!

ИГНАТУШКА. Да что вы себе позволяете! Она мне дочь... вернее, мне в дочери годится.

РОМАН. Дочь-то она дочь, а запрыгнуть, видать, тоже не прочь. Как вы тут еще не поцапались. *(В сторону Терентия Яновича.)* Этот «полярник» тоже на нее глаз положил.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Не говори глупостей. И в мыслях такого не было. И запомни: я совершенно здоров. А тебе это с рук не сойдет. *(За сценой раздается вой собаки.)* Слышите, слышите?..

РОМАН *(повторив все интонации воя)*. Ничего не слышу.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ну как же... *(К Игнатушке.)* Игнатий... как вас по отчеству, вы то не глухой. Уже два раза выла.

РОМАН. Видимо, зараза, не хочет в твоей упряжке мчаться на Северный полюс. *(За сценой раздается лай и какие-то крики.)*

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Слышали?

ИГНАТУШКА (*отворачивается и опускает глаза в газету*). Я вас не понимаю.

РОМАН. А тут и понимать нечего – пришло время глотать пилюли.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Кретин!

РОМАН. Будешь хамить, настучу санитарам, что таблетки не пьешь, а в унитаз сплавляешь. Игнатушка подтвердит.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. У-у, прохвост! У-у, негодяй! (*Отвернувшись от собеседников, продолжает укать, постепенно переходя к имитации собачьего воя.*) У-у-у. Слышали?

РОМАН. Да. Где-то скворец чирикает. Ты смотри, как складно, шельмец, выводит! Игнатушка, что скажешь?

ИГНАТУШКА. Я думаю, вам тоже лекарство не помешало бы...

РОМАН. О-хо-хо, друзья мои гипсовые! (*Поднимается, собираясь уходить.*) И зачем я трачу на вас драгоценное бизнес-время. Ведь любой знает: помешательство – болячка заразная. Как бы мне эту бациллу от вас не подхватить. Неча-

янно еще и Генриха награжу. Мало того, что обобрали бельгийца, еще и придурью нашей отблагодарим.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Какого Генриха? Ты будешь встречаться с Говардом?

РОМАН. А с кем же еще. Отыскал, подлец. Представляешь, из Бельгии специально летит, чтобы испортить мне отдых. А еще, говорят, культурная нация.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Вот так новость! (*Беспокойно бежит по комнате.*) Что же делать, что же делать?

В дверь заглядывает Аня.

АНЯ (*Роману*). Терентий Янович, к вам какой-то иностранец приехал.

РОМАН. Ну так зови его сюда.

Аня закрывает дверь.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Сюда?

РОМАН. Конечно, пусть поближе познакомится с тем, кому подарил свои денежки.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Роман, я бы не хотел его сейчас видеть...

РОМАН. Погоди, у меня что-то заложило в ушах.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ладно тебе... Роман Иванович, крайне нежелательно, чтобы был зафиксирован факт предъявления финансовых претензий... Это в дальнейшем в суде может осложнить наше положение.

РОМАН. Черт побери! Опять какие-то помехи в ушах.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Хорошо, хорошо... Терентий Янович, будьте добры, скажите Говарду, что ваш водитель и рад бы с ним встретиться, но физически не имеет такой возможности.

РОМАН. И что же с ним приключилось?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Скажите, мол, тяжело захворал. Монтировал колесо и заработал себе грыжу.

ИГНАТУШКА. Причем здесь водитель, он хочет видеть Терентия Яновича?

РОМАН. Игнатий, не отвлекайся, читай газеты. Они специально для таких, как ты, издаются. *(К Терентию Яновичу.)* Так, говоришь, заболел грыжей?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ну не грыжей, так ангиной. От нее и лечится.

РОМАН. В психдиспансере? Бельгиец что, тоже идиот?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Хорошо-хорошо. Можешь, если тебе это нравится, для пользы дела и дальше выставлять меня круглым дураком.

РОМАН. Так уж и круглым? По-моему, ты прямо на глазах начал выздоравливать.

Входит Говард.

ГОВАРД *(говорит с акцентом, коверкая слова)*. Драсвуте. Извинит, кто из вас гаспадин Теренти?

РОМАН *(широко разводя руки)*. А, Генрих, как я рад тебя видеть! *(Обнимает вошедшего.)*

ГОВАРД. Я есть Говард. А ви господин Теренти?

РОМАН. С самого рождения! Прямо Терентием на этот свет и появился.

ГОВАРД. А мне сказали, ви белый. Ваш голова должен бить белый. *(Терентий Янович трусливо натягивает на голову больничный чепчик.)*

РОМАН. Голова? Белая? Раньше была белая, теперь почернела с горя. Заболели мои друзья. *(Показывает на Терентия и Игнатушку.)* Мой водитель Рома и Игнатушка – оба совсем плохие.

ГОВАРД. Что значит – плохие?

РОМАН. Вавки у них в голове. Надо лечиться.

ГОВАРД. Лечиться?

РОМАН. Ну да! Зеленку пить! Иначе не пройдет. Ты же лечишься, когда у тебя что-то болит?

ГЕНРИХ. У меня нога болит. Укусил ваш собак, ваш пес. Я выходил из машин, он схватил зубам. *(Показывает на рваную штанину.)*

ИГНАТУШКА. Черный?

ГОВАРД. Да черный, маленький.

ИГНАТУШКА. Это Ричи. Пролазит бестия сквозь прутья, точно уж.

ГОВАРД. Да-да, белый уш. *(Пальцами изображает собачьи уши у своей головы.)* Но зачем пес? Тут больниц.

РОМАН. Известное дело зачем – лечится собачка.

ГОВАРД. Но больниц для нервов?

РОМАН. Вот ими и страдает песик. Был бы здоровый, за ноги бы людей не хватал.

ГОВАРД. Так он больной?

РОМАН. Ес, ес. Здоровому-то что в больнице делать? Диспансер, уход, всякие там микстуры, примочки...

ГОВАРД *(взволновано)*. Мне быстро нужен укол. Я могу заболеть.

РОМАН. Сорок уколов нужно. *(Показывает Говарду четыре пальца.)* Десять раз по четыре. *(Кивает в сторону Те-*

рентия и Игнатушки.) Они девять – и вот, видишь, не помогло. Игнатий, покажи ногу.

ИГНАТУШКА (*поднимает штанину, а затем и вторую, демонстрируя царапины*). Это Ричи на прошлой неделе, черт бы его побрал. А это Альбина когда оценилась.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*язвительно*). Игнатий Павлович, но вы же утверждали, что здесь и в помине нет никаких собак.

ИГНАТУШКА. Я и сейчас утверждаю. Это не собаки, а бразильские крокодилы. Сил моих больше нет. От голода воют, а начнешь кормить – хватают за ноги.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Значит, эти скворцы все-таки воют? И клювиком вас за лодыжечку пощипывают.

ГОВАРД. Скворцы? Маленький птичка? Воит?

РОМАН (*Говарду*). Не обращай внимания. Он пропустил укол.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*неожиданно гневно*). Мерзавцы! На мои деньги развели здесь псарню. Два года водили за нос. А теперь натравили их на бельгийского банкира.

РОМАН (*Говарду*). Не обращайтесь внимания. Он хоть и буйный, но не опасный. Разволновался за вашу ногу. Говорит, что собирается компенсировать вам моральный ущерб.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Я? С какой это стати?

РОМАН. Вот и я думаю, с какой это стати моего водителя так колбасит? Того и гляди, шапочка с головы слетит. (*Присмиривший Терентий Янович глубже натягивает чепчик.*)

ГОВАРД. Мне надо быстро ехать. Смотрите, вот договор, процент, неустойка. Ви мне должны еще три месяц назад. Так бизнес не делает.

РОМАН (*берет бумаги, обращается к Говарду*). Что это с вами? Губы посинели. Редчайший случай. Пять минут назад укусил, а уже началось. (*Терентию Яновичу.*) Рома, посмотри на его губы. Как они тебе?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*не глядя на Говарда, недовольно*). Как у утопленника.

ИГНАТУШКА. Нормальные у него губы.

РОМАН. Игнатий, у тебя слабое зрение. Ты даже собак

здесь не замечал...

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Когда они грызли тебя за ноги.

ГОВАРД. Грызли? Дайте мне договор. Я приеду потом.
(Ударение делает на первом «о», протягивает руку к бумагам.)

РОМАН. Бледность лицом пошла, ему плохо. (Отводит руку с бумагами в сторону. Спасаясь от руки Говарда, машет листами у носа бельгийца, как веером.) Вам срочно надо в город. Здесь занесут инфекцию нашей отечественной дури. Быстро, быстро гони к машине. (Выталкивает Говарда в дверь. Захлопывает ее.) Впрочем, у тебя ее и своей хватает, если с Терентием связался.

ИГНАТУШКА (недовольно). Безобразие. Почитать не дают. (Уходит)

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (радостно). Ай да жулик! Ай да специалист! Дай-ка я тебя поцелую.

РОМАН. Игнатушку поцелуй, когда он вернется. Он тебе собрат по разуму. И не хапай бумаги. (Находясь спиной к зрителям, прячет договор сзади за пояс брюк.)

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ай да ловкач! Надо же – выудил договор у Говарда. И собирается отдать их своему водителю. *(Наступает на Романа, прижимая того к тумбочке, на которой тоже лежат листы бумаги).*

РОМАН *(нашарив листы за спиной, поднимает их вверх).* Отдам, как только выздоровеешь. *(За сценой слышится собачий лай, крики Говарда: Ай-ай! Хлопнула дверь машины. Звук отъезжающего автомобиля.)* А впрочем, если Генрих поехал помирать, зачем нам эта макулатура! *(Рвет листы, взятые на тумбочке, и бросает их на пол. Поправляя пояс брюк, незаметно от Терентия полностью заталкивает бумаги бельгийца в свои штаны. Садится на стул.)*

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Зачем порвал договор, неук? Это же документ!

РОМАН. Все тебе не так. Нормальный ты после этого? Вот чем тебе, к примеру, не понравилась мебель в комнате? Взять хотя бы этот стул. В жизни не сидел с такими удобствами. *(Ерзает на бумагах, лежащих в штанах.)* Как в королевском кресле. Такую основательность под собой почувствовал.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Мерзавец! *(Бросается к нему. Убегают друг за другом.)*

Входят Амалия Львовна и Аня

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*выговаривая дочь*). Анечка, девушке не пристало вешаться на мужчин, как игрушке на новогоднюю елку. (*Подходит к зеркалу, начинает накладывать макияж*).

АНЯ. Мама, но я ничего не могу с собой поделатъ. У меня сердце выпрыгивает, как только вижу его.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Нашла кем восхищаться. Я бы еще поняла, если бы ты увлеклась Терентием Яновичем.

АНЯ. Господи, мама! Как ты могла такое подуматъ?! Если хочешь знать, он мне неприятен. Ведет себя слишком развязно.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Ты хотела сказать уверенно?

АНЯ. Бесцеремонно.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Нет, решительно.

АНЯ. Нагло.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Да, смелости ему не занимать.

АНЯ. И потом – он толстый.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Рослый и сильный. Не то что твой папа. А главное – внимательный к женщинам и умеет ценить их красоту. *(Вертится перед зеркалом, прихоращиваясь.)*

АНЯ. А зачем он издевается над бедным Романом?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Как зачем? Как и положено, держит водителя в строгости. Не хватало еще, чтобы больной на голову сел нам всем на голову еще и ножки свесил.

АНЯ. Мама, не смей так говорить. Роман абсолютно здоров. У него сознание ясное, как стеклышко.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Может быть, и стеклышко, только матовое. Но я и сквозь такое все разглядела. Несчастный шофериска! Ни кожи, ни рожи, а вообразил, что ты ему пара. Такого ли человека мы с папой хотели видеть рядом с тобой? Еще и мозги набекрень.

АНЯ. Да он умнее Терентия Яновича в десять раз. Я сама слышала, как тот консультировался у него по каким-то котировкам.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Тут спорить не стану. В четвертой палате миллионеры всегда высоко котировались. Еще полярники. А вот Наполеоны как-то не пользовались успехом.

АНЯ. Не смешно, мамочка. Я расспрашивала его о прибавочной стоимости. Так он наизусть главы из учебника по экономике зачитывал.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Лучше б он устройство машины выучил. Водитель называется! Полчаса искал, куда вставлять ключ зажигания, а потом толкал его вверх зубчиками. Благо Терентий Янович подошел, подсказал. Начал бедняге утраченные навыки восстанавливать.

АНЯ. Вот и отлично. Значит он меня покатает, как только все вспомнит!

Входит Роман.

РОМАН. Обязательно вспомнит, Анечка! А не вспомнит, так заново научится. Как ни как, появился стимул – хочет завоевать твое сердце виртуозным вождением.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Этому никогда не бывать!

РОМАН. Конечно, Амалия Львовна. Но в целях, как у вас говорят, реабилитации, не мешало бы больного поддерживать в его стремлении. А тебе, Анечка, не стоит потакать его экономической мании. Наоборот, возвращай этого шоферюгу к реальности. Твердо стой на своем. Захочет в любви признаться, а ты ему – извини. Только после того как освоишь плавное троганье с места. Поцеловать руку? – Ану продемонстрируй переключение скоростей со второй на третью! Да чтоб с перегазовкой в обратную сторону. И за ручником пусть следит. Иначе загубит технику. Да чтоб выдраил машину как следует. *(Подходит к окну.)* Он стал уже грязнее военной полуторки. Что такое?!. Не иначе, как к нам гости пожаловали?

Женщины подходят к окну.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Кто такая? Смотрите, у нее модная бандана на голове.

АНЯ. А как раскрепощено движется.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Погодите, да у нее ноги заплетаются. Не иначе пьяная?

РОМАН. И бампер помят.

АНЯ. У женщины? Бампер?

РОМАН. У машины, на которой она приехала. А у нее забинтована голова. Кажется, и нашим головам скоро понадобится лекарство.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Кто это?

РОМАН. Жена умалишенного.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Да, действительно, надо лишиться разума, чтобы выбрать себе такого Щорса.

Входит Вера с косынкой, перехватившей голову, словно бинт.

ВЕРА. Приветствую всех. (*Обращается к мужу.*) Ну и как я вам в этой роли?

РОМАН. А, Вера, Вера... Что с тобой, Вера?

ВЕРА. Попала в аварию. Столкнулась с машиной какого-то полоумного иностранца.

РОМАН. Какое несчастье! Какое несчастье! Неужели он погиб?

ВЕРА. С чего это иностранец должен погибнуть?

РОМАН. Остался в живых? Какое несчастье! Какое несчастье!

Входит Терентий Янович.

РОМАН. Роман, полюбуйся, что наш общий знакомый Генрих сделал с вашей женой.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Как вы сказали? С общей женой?

РОМАН. Роман, ты что, не узнаешь свою Веру?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ *(долго и иронично рассматривая Веру, обходя ее вокруг)*. Почему же. Как не узнать. Наконец-то! Верочка! *(Заключает жену Романа в объятия и долго целует ее.)*

РОМАН *(пытаясь прервать затянувшийся процесс, трогает за плечо Терентия Яновича)*. Роман, веди себя прилично, вы же здесь не одни.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Так оставьте нас одних. *(Вновь впивается в губы Веры.)*

РОМАН. Да что же это такое! Человек не понимает, что он делает. Где санитары?!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Не надо никаких санитаров. Я справлюсь самостоятельно.

РОМАН. Вера, а ты-то, ты-то?

БЕРА. У меня закружилась голова...

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Еще бы. Перенесла такое столкновение.

БЕРА. Да-да... И эта неожиданная встреча... Земля уходит из-под ног.

РОМАН. Вера, тебе срочно нужно в травматологию.

БЕРА. Нет-нет. Мне уже лучше, можно сказать – совсем хорошо.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ей нужно отдохнуть. Верочка, пойдём полежишь в моей комнате. *(Увлекает Веру за руку к двери.)*

РОМАН. Роман! Прекрати, ты забываешься!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Вот те на! Как я могу забыть собственную жену? У полярников, чтоб ты знал, идеальная память. Натренированная. Им на зимовках только и остается вспоминать да мечтать.

РОМАН. Оно, конечно так. Вам, зимовщикам, видней. Но нет ли у тебя сомнений, как бы это сказать... что это не совсем твоя жена. С одной стороны и должна быть женой, а с другой – что-то в ней тебя настораживает.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Настораживает? Ничего не настораживает. Волновать – волнует, тут скрывать не стану.

РОМАН. Не говори глупостей. Ты присмотришься внимательно. Похожа она на твою жену?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Абсолютно. Как Ленин на Владимира Ульянова.

РОМАН. А вот и врешь, это не она.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Как так не она? И на ощупь такая же.

РОМАН. Тогда скажи, на какой груди у нее родинка?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. На левой.

РОМАН. Эге-е. Промашечка вышла, дорогой ты наш се-
верянин. На правой, ниже соска!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А я утверждаю – на левой. Давайте
проверим.

ВЕРА. Еще чего не хватало.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА *(язвительно)*. Терентий Янович, я
потрясена вашей эрудицией. Глубочайшие, скрытые от лю-
дей познания.

РОМАН. Вы меня не правильно поняли. Я тестировал его
на способность отличать левое от правого. Для водителя это
одно из главных условий. Вот скажешь ему: поворачивай на-
лево, а он попрется в другую сторону. А потом происходят
вот такие аварии. *(Указывает на Веру.)*

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Шеф, вы с этим левым и правым
*(держит раскрытые кверху ладони у своей груди, подразу-
мевая женские прелести)* действительно зародили во мне со-
мнения. Обязательно надо проверить. Может, и в самом деле

на правой. Но когда смотреть с моей стороны, то получается слева. Когда обниму сзади – почему-то выходит справа.

РОМАН. Вот видите, видите! Он путается на ровном месте.

ВЕРА. Это у меня ровное место?!

РОМАН. Я не так высказался. Заплутал в трех соснах.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*уставляется на грудь Веры*). В трех? Он меня окончательно заинтриговал.

РОМАН. Видите, он заговаривается. Его рано выписывать, а тем более – оставлять наедине с женщиной.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А с мужчиной, значит, можно! Зачем вы подселили ко мне Игнатушку? Впрочем, пусть остается. Мы с Верочкой без комплексов. Почему бы в четвертой не устроить этакое камерное трио? (*Обращается к Вере.*) Зайка, ты не против творческого содружества?

ВЕРА (*подыгрывая Терентию Яновичу*). А твой сосед хороший исполнитель?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Никудышный, хуже некуда. Всю

КОМПОЗИЦИЮ ВАМ ИСПОРТИТ.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Bravo! Вот как надо диагностировать пациентов! Всегда доходить до их сути, можно сказать, до самого корня. А еще говорят, что у нас не осталось настоящих медиков.

РОМАН. Да-а, Амалия Львовна. (*С укором повторяет ее интонацию.*) У вас глубинные, скрытые от людей познания.

ВЕРА (*Роману*). Да ты никак ревнуешь?!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Врача к пациенту.

РОМАН. Вера!.. Как ты могла такое подумать?!

ВЕРА (*Роману*). Ревнуешь, подлец! По глазам вижу, что ревнуешь! И в дурдоме ни одной юбки не пропустил!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*в сторону*). Она тоже больная, или наставила своему шоферюге рога.

Входит Игнатушка

ИГНАТУШКА. Извините, там внизу...

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*Вере*). Милочка, как вы могли такое предположить?! Вот пациент, о котором мы только что говорили. Посмотрите, что между нами может быть общего?

ИГНАТУШКА (*в сторону*). Кроме детей.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Глядя на него, скажите, могла ли я позволить себе что-нибудь такое?

ИГНАТУШКА (*в сторону*). О-хо-хо... Еще и не такое.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. И по поводу Терентия Яновича это вы напрасно. Он не в моем вкусе.

ВЕРА. Что, слишком решительный?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Нет, скорее бесцеремонный.

ВЕРА. А может, он просто смелый?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Милочка, не путайте смелость с наглостью.

ИГНАТУШКА. Извините, там внизу...

ВЕРА. Конечно, он слегка упитанный?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Можно сказать, даже толстый. И не умеет ценить женскую красоту.

РОМАН (*Амалии Львовне*). Вот оно как! Значить, я толстый? Тогда пусть вашу красоту ценит Игнатушка. У него, кстати, жена такая же, как и вы. Он сам рассказывал.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Что значит, такая же?

РОМАН. Карманы чистит не хуже пылесоса.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Господи! Да что же их чистить? Там отродясь ничего не водилось.

РОМАН. И храпит по ночам, вместо того, чтобы стонать.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*Игнатушке*). Я!? Храплю?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Причем здесь вы? Его жена храпит.

РОМАН. Только сама этого никогда не слышит.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А Игнатушке приходится скрываться в четвертой палате.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Но это ему не поможет. Безобразия! Так отзываться о женщине, с которой прожил восемнадцать лет.

ИГНАТУШКА. Двадцать шесть с половиной.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. И каждый из них можно считать за два. Итого – пятьдесят три годика счастливого стажа.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Это на зимовках считают год за два. Вы что-то перепутали, любезный. Ау-у! На льдине! *(Водит перед глазами Терентия Яновича поднятым кверху указательным пальцем, словно пытаясь вернуть его к действительности.)*

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ *(щелкает зубами, якобы намереваясь укусить палец)*. Ав!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Да он и в самом деле ненормальный.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А вы сомневались? Так знайте, всех тут перекусаю. Игнатушка, покажи ногу, как я ее обработал. Сквозь сапог тяпнул! Всякого изувечу. *(Игриво, с ноткой мечтательности.)* Только Верочку буду любить.

(Обнимает Веру за талию.)

АНЯ. Роман Иванович, не смешите. Я ведь знаю, что вы не такой, и совершенно здоровый. И нет у вас никакой жены. Зачем вы нас разыгрываете?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. У меня? Нет жены? Спросите Игнатушку.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА *(язвительно)*. Я вижу, вы друг от друга секретов не имеете.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А вы подселайтесь к нам, приобщайтесь к коллективу. Такое о его супружнице услышите. Игнатушка, скажи, есть у меня жена? Единственная и неповторимая!

ИГНАТУШКА *(переминаясь с ноги на ногу)*. Даже и не знаю, как сказать...

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А ты говори, не стесняйся! Режь правду-матку прямо в глаза.

ИГНАТУШКА. В глаза не в глаза, но там... внизу... *(Показывает рукой.)* Еще одна приехала.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Кто приехал?

ИГНАТУШКА. Еще одна ваша жена.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Это становится интересным.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*Ане*). Вот, Анечка, а вы говорили, что я не такой! Зовите ее сюда! Приплюсуем новоприбывшую к этой (показывает на Веру), которую назовем номер один.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Вам сейчас год за два и покажется.

ВЕРА (*с укором Роману*). Как это понимать?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А это надо понимать таким образом. Стоит мужчине немного свихнуться, как женщины начинают ворохом сыпаться на него: блондинки, брюнетки, шатенки. Пока ты нормальный, точнее, дурак, ишачишь с утра до вечера, они тебя в упор не замечают. Подумаешь – придумал какую-то теорему! Или покорил Эверест или Северный полюс!

АНЯ. Роман Иванович, не надо о полюсе.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Хуже всего, когда изобрел вечный

двигатель. Фи, какой он занудный. Тоска зеленая – слушать все его дурацкие формулы. Ни черта не понятно, во время обеда ножом пользоваться не умеет, а самое главное – совершенно лысый. Но стоит мужику залить в черепушку (*стучит себя по голове*) стаканчик другой сорокаградусной – красавицы тут как тут. Обступают с флангов слева и справа.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Но вы-то не пьющий, а вот умудрились...

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А непьющему еще проще, вернее – дешевле. Не надо зубрить физику или римское право, в надежде сразить интеллектом? Повернул фуражку козырьком на затылок – и они, потрясенные, у твоих ног. Или отдал двенадцать копеек за шнурки – один белый, второй черный. Вдел их в малиновые ботинки – все! Нобелевские лауреаты тебе не конкуренты. Дамы падают ниц: ах, оригинал, ах, как интересно!

За дверями слышится голос Жанны: «Пустите, кретинь!» *Входит растерянный санитар Сеня.*

СЕНЯ. Амалия Львовна, там какая-то истеричка рвется.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. В дурдоме день открытых дверей.

СЕНЯ. Говорит, жена нашего пациента.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Гони ее в шею – это самозванка!

СЕНЯ. Вот и я говорю ей – уже есть одна. По две супруги сразу не бывает. Только у Ричи может быть две, и то они...

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Сеня, прекрати свою философию!..

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Тем более что ты все перепутал. Это у Альбы два мужа. Тот, который поплоче, сидит взаперти. *(Смотрит в сторону Игнатушки.)* А который понаглее, трудится за двоих. *(Поворачивает голову в сторону Романа.)*

РОМАН. Говорил же я тебе: если бросать таблетки в унитаз, они действуют на организм слабее, чем если принимать их вовнутрь.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Так вот оно что! Теперь понятно, почему не заметно улучшения. Но мы это делоотрегулируем. Сегодня же. А теперь, Сеня, пригласи эту... новую... из его гарема. Посмотрим, что запоет наш полярник.

Сеня открывает дверь. В нее врывается, отбившись от второго санитара, Жанна – настоящая жена миллионера.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*санитару*). Сеня, далеко не уходи, можешь понадобиться.

Сеня скрывается за дверью.

ЖАННА (*Терентию Яновичу*). Что все это значит?! Я ведь звонила и предупредила, что приеду. И почему ты не хочешь говорить со мной, даже трубку отдал ему? (*Кивает в сторону Романа.*)

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*обращается к собравшимся, слов-но не слыша Жанну*). Берите пример с этой участливой, но, к сожалению, незнакомой мне женщины. Не прошло и двух месяцев, как она решила все выяснить.

ЖАННА. Не юродствуй. Ты не знаешь всех обстоятельств.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Почему же не знаю? Очень даже знаю! Эти самые обстоятельства (*шевелит пальцами – характерное движение, изображающее деньги*) закончились, и ты объявилась за новыми. Эти обстоятельства, черт бы их побрал, выпрыгивают из твоих рук точно блохи!

ЖАННА. Как ты можешь?! Какие блохи?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Он говорит о размерах средств, которые вам выделяет.

РОМАН (*Жанне*). Я не знаю, кто вы, но не обращайтесь внимания. Ваш знакомый страдает помутнением рассудка.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. И, видимо, жадностью.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Страдал в прошлом. И не один год. Но теперь, слава богу, выздоровел и прозрел. Знать не знаю эту проходимку!

ЖАННА. Ах, не знаешь! (*Поворачивается к Роману.*) И ты тоже меня не знаешь?! Позабыл, как облизывался, глядя в мою сторону?! Так я напомним! (*Показывает на Веру.*) Пусть и она послушает, что ты за птица!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Да-да, расскажите нам, на какой груди у него родинка. Заодно – и как вам с таким характером удавалось вместе с этой дамочкой (*показывает на Веру*) делить одного полярника?

РОМАН. Стоп-стоп-стоп! Ну зачем же набрасываться на женщину? Разве так встречают гостей? (*Жанне.*) Я же предупреждал вас – сначала надо было встретиться со мной.

Пройдемте в другую комнату. Я все объясню. (*Увлекает ее в дверь.*)

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*Вере*). А мы пойдем в мою комнату. Я объяснять ничего не стану, но и бездельничать не собираюсь. (*Увлекает Веру к другой двери.*)

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*грозно, глядя на мужа*). А мы, разлюбезный Игнатушка, останемся здесь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Терентий Янович сидит в кресле. Входит Аня.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А, это ты, Анечка. Жены мои уехали?

АНЯ. Нет, сидят, совещаются.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Прически и внешности (*пальцем обводит вокруг своего лица*) не пострадали?

АНЯ. Что вы? Они то и повздорили не сильно. А теперь и вовсе, кажется, помирились. Роман Иванович, извините, я хочу вам сказать...

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Говори, Анечка, добивай окончательно.

АНЯ. Роман Иванович... Я хочу, чтобы вы знали – эти две женщины не любят вас. Поверьте мне, это сразу видно со стороны.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Анечка, да разве это новость. Если бы ты сообщила, кто меня любит... И если бы она оказалась той, которую люблю я...

АНЯ. За вашу любовь не знаю. А вот я... я... не могу жить без вас.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*вскакивая со стула*). Анечка, родная... Да я-то и нахожусь здесь и выношу эти издевательства только затем, чтобы видеть тебя... (*Обнимает ее.*) Не плачь, не плачь, хорошая моя. Я тебе все объясню.

АНЯ. Не надо ничего объяснять. Мне все равно, сколько у вас было жен. (*Всхлипывает.*) И сколько осталось. Главное, что вы их не любите. (*С надеждой.*) Ведь так?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Я люблю только тебя. И у меня волосы шевелятся, когда представляю, что мог разминуться с тобой. Какой я был дурак, какой дурак!.. Меня действитель-

но надо лечить.

АНЯ. Не надо. Оставайся таким, как сейчас.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Больным водителем?

АНЯ. Да хоть слесарем.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Но слесарь никогда не сможет прокатить тебя на роскошной машине?

АНЯ. Ну и бог с ней, с машиной. Будем кататься на трамвае... вдвоем. Он дребезжит, звенит... а мы с тобой рядом. Ты заслоняешь меня, чтобы пассажиры не толкали.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Пусть только посмеют! (*Обнимает Аню.*)

Входит Роман.

РОМАН (*застывая на пороге*). Поздравляю. Трио превращается в квартет. (*Паясничая, кричит, словно находится в лесу.*) Ау-у! В этом доме остались женщины, не окученные моим водителем?! Три запаски на одну машину! Это перебор.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Сами как-нибудь разберемся...
Зажигание, магнето и баллонный ключ.

РОМАН. Что ты сказал?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Восемь фьючерсов и баррель номиналом по шестьдесят восемь.

РОМАН. Анечка, у него очередной кризис. Оставьте нас вдвоем.

АНЯ. Никакого кризиса у него нет и никогда не было.

РОМАН. К сожалению, есть – финансовый.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Вот теперь и решай его сам. И не забывай выделять Жанне по пять тысяч баксов на карманные расходы.

РОМАН (*Ане*). Анечка, будьте добры... На минутку... Он хочет распорядиться, сколько следует выделять вам.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Девочка моя, этот Сорос рожден извергать глупости, но сейчас, видимо, хочет сообщить самую важную из них.

АНЯ. А вы не станете ссориться?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Из-за чего же?!

РОМАН. Действительно? Все объекты, из-за которых обычно у мужчин происходят ссоры, давно уже им приватизированы.

АНЯ (*уходя*). Смотрите, вы дали мне слово.

Аня уходит.

РОМАН (*падая на стул*). Все! С меня довольно. Этот Генрих достал меня своими звонками конкретно.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*с невозмутимым видом прохаживается перед Романом, руки в карманах брюк*). Да что ты говоришь?

РОМАН. И главный бухгалтер звонит каждый час. Срочно требует, чтоб ты приехал. Говорит, налоговая грозитя окончательно заблокировать счета.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Так в чем дело. Поезжай и разрули ситуацию. (*Изображает управление рулем.*)

РОМАН (*язвительно*). А может Игнатушку послать?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Правильно! Именно так и поступи. Равноценная тебе замена.

РОМАН. Пошуту, пошуту, в твоём положении это помогает. А сейчас и вовсе со смеху упадёшь. Держи перрон – багаж уехал... В общем так: не удивляйся, но твоя Жанночка хочет установить попечительство над тяжело больным родственником.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*взволнованно*). Что случилось? Кто захворал?

РОМАН. Догадайся сам.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Вероника Андреевна? Её мама?

РОМАН. Её папа – Дундук Стрекопытович! Сидит в четвёртой палате и окончательно вошёл в свой образ!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Погоди... Ты хочешь сказать?..

РОМАН. Вот именно.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Прекрати меня разыгрывать. Я

этому не верю. Да этого просто не может быть!

РОМАН. Может, не может. Ты еще на ромашке погадай. Главное, что медицинское заключение написано и оно у Жанны в кармане.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Что?! Эта старая собачница?! Которая доила меня со своей псарней два года?!

РОМАН. Ладно тебе – старая...

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А эта стерва, которая делала то же самое десять лет?!

РОМАН. Что ты так нервничаешь, будто за это время не втянулся.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ну погодите! Я им покажу! Зови их сюда, сейчас я им устрою ревизию!

РОМАН. Да не кричи ты. Чего глотку дерешь. Тут сначала надо все обмозговать.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Нечего тут мозговать! Срочно их сюда!

РОМАН. О-хо-хо! Не желает человек учиться. Что поделаешь – придется пригласить. Только здесь, Терентий, как и положено в порядочных домах, ввели новое правило. А поскольку ты у нас человек воспитанный, тебе и карты в руки. Вызывай дворецкого с помощью этого колокольчика (достает из кармана колокольчик на ручке).

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Новое правило?! *(Хватает колокольчик и трясет им.)* Я им устрою и правило, и исключение, и последний звонок! Выпускной вечер пинком под зад!

Вбегают два санитар. Сходу бросаются к Терентию Яновичу, ловко заламывают ему руки.

РОМАН. Тише, тише вы! Сеня, отставить! Учебная тревога. Сеня, прости нас, негодников. Мы с товарищем испробовали аварийку и синхронное срабатывание тормозов.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Пустите, бандиты!

СЕНЯ *(Роману)*. Так он же оскорбляет, сами видите?

РОМАН. Что ты, что ты, Сеня! Это он проверяет исправность звукового сигнала. Правда подает его в неподобающем месте. Отпустите нарушителя, я сам присмотрю за ним.

Роман выпроваживает санитаров. Терентий Янович падает в кресло, обхватывает голову руками. Роман, подходя к нему, дружески толкает рукой в плечо.

РОМАН. Ладно тебе... Закручинилась красна девица. Успокойся, пошутили и хватит... Сам виноват... Из-за какого-то чемодана затеял всю эту бодягу. Сейчас пригласим этих матрон, в смысле матрен, и все объясним. На этом спектакль и завершим. *(Мечтательно потягивается.)* Эх, давно я не сидел за баранкой своего мустанга.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Не хочу...

РОМАН. Чего не хочешь?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Не хочу возвращаться к прежней жизни.

РОМАН. Опа-на! Как это не хочешь? Желаете остаться в четвертой палате вместе с Игнатушкой?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Не хочу быть миллионером, хочу стать водителем. А Жанну, этот собачий приют и Говарда оставляю тебе.

РОМАН. Э-э-э, по-го-ди! Спасибо за царскую щедрость.

Но с меня вот так (проводит ладонью по горлу) хватается и моей Верочки. А уж насчет Генриха и вовсе извини. Я не по этой части. И, честно скажу, может быть, для вас, нынешних бизнесменов, это звучит забавно. Но у меня еще осталась нелепая привычка отдавать долги. А ты Генриху немножечко того... продул партеечку.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ничего я не продул, если бы он играл честно. Он, подлец, во время заключения контракта сбросил вальта в отбой.

РОМАН. Вот те на! Папа-мама по-русски сказать не может, а играет по нашим правилам. Талантливый вы народ – бизнесмены! Живете в разных странах, а эсперанто у всех один – как бы ободрать коллегу до последней нитки.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Я не шучу. Забирай все мое состояние, мою фирму, все активы... С Генрихом, черт побери, с Говардом, как-нибудь разберешься. Способности у тебя есть.

РОМАН. Я что, похож на проходимца?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Похож, похож, не скромничай. Ты и договор у него выудил так, что тот и сообразить ничего не успел.

РОМАН. Выудить то выудил, но дальше с бумагой нескладуха пошла – исчез твой договор. Я ведь тогда порвал другие бумаги.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Вот! А говоришь, не похож...

РОМАН. Да клянусь тебе! И в мыслях ничего такого нет. Было дело – хотел проучить тебя за чемодан, чтоб ты сильно не заедался. А сегодня заглянул в ящик стола – нет. Всю комнату перерыл.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Кто к тебе заходил?

РОМАН. Все заходили. Амалия Львовна...

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ну это понятно.

РОМАН. Ничего тебе не понятно. Игнатушка был, Жанна твоя, Ричи забегал...

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*с издевкой*). Точно! Это он! Чертова псина! Хлебом не корми, дай только перед сном какие-нибудь договоры почитать.

РОМАН (*парируя выпад*). Особенно – подписанные то-

бой. То-то он воет по вечерам. Но я серьезно. Тут что-то нечисто.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Да-а-с! Получается в этом дурдоме только два настоящих дурака: миллионер и его уволенный водитель.

РОМАН. Ну уволен, так уволен. Подумаешь...

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Я говорю о себе. Ты что, не понял? Не хочу я возвращаться к прежней жизни. Зачем было пахать днями и ночами?! Не знать и минуты покоя. Чтобы пригреть у сердца змею?

РОМАН. Так уж и у сердца? Нечего было кошелек в нагрудном кармане держать. Но теперь беспокоиться нечего, все наладилось – кошелечек с баксами тью-тью... (*машет руками, изображая, как улетел кошелек*) полетел на историческую родину.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*неожиданно с гневом*). А вот черта-с два им! Ни копейки не получат!

РОМАН. Это уж точно. С миноискателем искать будут и гривенника не найдут.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ни Жанна, ни Говард, ни твоя Амалия!

РОМАН. А вот Амалию в это дело не путай. Во-первых, она не моя, а Игнатушки. Во-вторых, женщина не от хорошей жизни на хитрость пустилась – собак ей бездомных жалко.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А черепах с бегемотами не жалко?! А голубей с котятами и ягнятами?! Загоняй их сюда табунами – всех прокормлю!

РОМАН. Все?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*успокоившись*). Все.

РОМАН. Лучше скажи, что делать-то будем?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Что-что! Продолжать спектакль. Тем более что кто-то идет.

Входит Вера.

ВЕРА. Что? Сидите, голубки. Ну сидите-сидите! Самое для вас подходящее место. Желаю вам тут окопаться до пенсии. Один на нее уже оформлен. (*Показывает на Терентия*

Яновича, затем обращается к своему мужу.) А тебя ждет другое оформление – я подаю на развод.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. И правильно, Вера. Меня развели на приличную сумму, разведи и его. Чем он лучше?

РОМАН (*супруге*). Вера, хоть ты не заморачивай мне голову. Что, еще не вышла из роли Жанны?

ВЕРА. А тебе больше нравится, когда Жанна в моей роли?!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Да-а-а, тут неразбериха получилась знатная.

ВЕРА. Вот и разбирайтесь. (*Мужу.*) А теперь отвези меня домой. И приготовь деньги на ремонт разбитой машины!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Рома, я тебе авторитетно заверяю, когда речь заходит о деньгах, она гениально изображает Жанну. Тут и я мог бы ошибся.

ВЕРА. Размечтался, Амундсен!

РОМАН. Вера, не груби человеку, который собирается оставить тебе состояние.

ВЕРА. Он его уже оставил Жанне. Вернее, она оставила его без состояния.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ничего! Будем посмотреть, чей козырь старше.

РОМАН. Вера, нет, он и в самом деле хочет, чтобы мы с ним поменялись.

ВЕРА. Поменялись?! Как интересно. Чем именно?

РОМАН. Он садится за штурвал «Бентли», а я руковожу его фирмой, а также им самим, как водителем.

ВЕРА. Зачем тебе умалишенный водитель?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Умные идут к умным, а у твоего супруга буду я.

ВЕРА (*мужу*). Вот видишь – он действительно ненормальный. И правильно, что Жанна решила оставить его здесь.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Как оставить?!

ВЕРА. Обыкновенно. Тем более что здесь, как выяснилось, по совместительству еще и приют.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Какой приют?!

РОМАН. Терентий, хоть ты не ломай комедию! Будто не знаешь какой. Для бездомных и беззащитных существ...

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. ...С хвостами. Ха-ха-ха!

ВЕРА. С рогами.

Входят Амалия Львовна и Говард.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Что здесь за шум?!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ха-ха-ха!

ГОВАРД. Это он, это он...

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Кто он?

ГОВАРД. Женщин, который я сбил на дорог. (*Показывает на Веру, подходит к ней.*) Я виноват. И вы напрасно не поехал со мной в больниц. У вас может быть кружений. (*Показывает на свою голову и кружит ею.*)

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. ... От успехов на актерском поприще.

ГОВАРД. Так ви артист? Такой красивый артист!

РОМАН. Не понял?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*Говарду*). Это первая жена нашего пациента (*показывает на Терентия Яновича*). А может быть, и вторая, их тут не разберешь.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Знать не хочу ни первую, ни вторую! А вдруг появится третья – и третью! (*Говарду.*) Всех женщин дарю тебе оптом!

ГОВАРД (*Амалии Львовне*). Что он говорит?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Он говорит, что преподносит вам в подарок жену.

ГОВАРД (*удивленно*). Мне?! Жену? Это ваш обычай?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Да. Если откажешься – обижусь.

РОМАН. А если согласишься – обижусь я.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*Говарду*). Видишь, и он говорит – соглашайся, а то обидится не на шутку.

ГОВАРД. Так это не шутка? Это серьезно? Вэри спасибо, я согласен. (*Показывает на Веру.*) Мне он сразу понравился. Такой красивый женщин. Я в этом стране потерял много доллар, но встретил золотой друг.

РОМАН (*Терентию Яновичу*). Слушай, Рома. А не засадить ли нам этого ганса годика на три за решетку?

ГОВАРД. Я не есть ганс, я гражданин Бельгия.

РОМАН. Ну и что из того?! Мне пополам, откуда ты! Может, это у вас в Бельгии так принято – носиться по дорогам и автомобилями сшибать людей, точно кегли. А у нас здесь по-другому: сделал аварию – будь добр, отвечай!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Или женись.

РОМАН. Сидел за рулем – теперь посиди за решеткой!

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Да еще вместе с собаками.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Что за фантазии?! О каких собаках

вы говорите? И почему вы так не любите этих безобидных существ?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. За единственный их маленький, но существенный недостаток.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. И какой же именно?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Поблизости с собачками всегда появляются собаководы. А иной раз – и горе-психиатры.

РОМАН (с иронией). Бывает, что психиатры появляются парами. И с горя заламывают руки.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Вот именно – за моей спиной!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. А вам привычней за спиной жены заводить еще одну женщину? Не удивительно, что после этого происходит раздвоение личности.

РОМАН. За которым неизбежно следует раздвоение капитала. На алименты.

ВЕРА (*мужу*). Я рада, что ты правильно угадал свое будущее.

ГОВАРД (*показывая на Веру*). Мне денег за него не надо. Как это у вас коворят: при... приданное.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Напрасно, мы бы еще и приплатили.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*Терентию Яновичу*). И чем же вы собирались отблагодарить своего избавителя? (*Достает из кармана халата блокнот и ручку.*) Мне интересен ход ваших мыслей.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Борзыми щенками – вашими милыми собачками.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Хорошо. Так и запишем: больной после барбитала отказался от идеи достичь Северного полюса с помощью собачьей упряжки. И на чем же вы теперь намерены путешествовать?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. На «Бентли». Он умчит нас отсюда со скоростью двести км в час.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Записываем: для маршрута по льдам и торосам больной выбрал «Бентли». Пишется через «е» или «э»?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Через мягкий знак.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Слава богу, не через твердый. А в кабине вы разместитесь слева или справа?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. На месте водителя

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Значит, справа?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Нет, слева.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Отлично! Наметилась тенденция к выздоровлению. Пожалуй, месяца через три можно будет и выписать.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. У вас денег не хватит кормить меня три месяца.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. О деньгах можете не беспокоиться. Друзья не оставят нас в беде. Верно я говорю, Терентий Янович? (Роман неопределенно покашливает.) И кто сказал, что вас здесь собираются кормить? Кормят в бо-го-дель-нях. А мы лечим.

Входят Игнатушка и Жанна с листом бумаги в руках.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*кивая в сторону Игнатушки*). Еще и как лечим. Расспросите о последней терапии, которую прошел ваш сосед по палате.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. И спрашивать нечего. Ваше лечение заметно без слов – с каждым днем он становится все глупей и затравленной.

ЖАННА. Извините, что вмешиваюсь в ваш консилиум, но время не терпит. Я только что созвонилась с адвокатом, и он сообщил, что одной подписи главврача о диагнозе моего мужа (*показывает в сторону Терентия Яновича*) недостаточно. Как минимум нужны еще две. Только тогда я, как опекун, смогу распоряжаться его имуществом.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Давай я распишусь еще два раза.

ЖАННА. Твои подписи уже не действительны.

ИГНАТУШКА. Обычно в газетах в таких случаях пишут – не имеют юридической силы.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Вот. А вы говорите глупый. Начитанный пациент, только в разговор вмешивается, когда его не просят!

ГОВАРД. Если я смогу, буду рад вам помочь.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. А почему бы и нет! Вы подтверждаете, что этот человек имеет психические отклонения?

ГОВАРД. Ес-с. Его укусила собака, он принял тридцать укол и не помогло. Это знает мой бивш компаньон по бизнес. *(Кивает в сторону Романа.)*

РОМАН. Ничего такого не знаю.

ГОВАРД. Как не знаю?! Ви сам говорил.

ЖАННА. Сейчас это к делу не относится. Ставьте свою подпись здесь. *(Говард в нерешительности не знает, что ему делать.)*

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Пишите-пишите. Не важно, какая его муха укусила, главное – это имело последствия.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ *(удовлетворенно потирает руки)*. Эти двуногие мухи еще не одного мужика загрызут. *(Говард расписывается в бумаге.)*

РОМАН *(Терентию Яновичу)*. А ты-то чего радуешься?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Предвкушаю, кто станет третьим. Третьим будешь?

РОМАН. Что-то мне эта компания нравится все меньше. Нет, я не согласен.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А напрасно. Ты же всю эту комедию затеял.

РОМАН. Я как затеял, так и растею. Могу прямо сейчас.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Не вздумай – испортишь нам представление.

ВЕРА (*показывая на мужа*). По-моему, он тоже нуждается в лечении. И симптомы у них одинаковы – оба несут какой-то бред.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. И у обоих жены стервы.

РОМАН. Ты бы полегче. Моей еще далеко до твоей.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А об этом поговорим через годик. Не зря же она так вдохновенно изображала миллионершу. Впрочем, у тебя тоже неплохо получалось. Настоящий толстосум.

ГОВАРД. Ноу, ноу. (*Показывает на Романа.*) Он не толстый сум. Он бедный, как церковный миш. Его деньги мой. Я владелец его фирма.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Что вы говорите! (*Роману.*) Объясните, пожалуйста, как это понимать?

РОМАН (*угрожающе*). Сначала я объясню этому немцу за мышь...

ИГНАТУШКА. А тут и объяснять нечего. Он гол как сокол. Обанкротился. Денег то уже три месяца от него не видать. Ест, пьет, развлекается... (*Смотрит в сторону жены.*) Прячется от уважаемого и законного владельца фирмы. (*Показывает на Говарда.*)

ГОВАРД. Да-да. Я владелец его актив.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Так вот оно что. То-то я смотрю Терентий Янович последнее время ведет себя странно. Говоришь, прячется. Придется помочь ему в этом.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Так сказать, ответить добром за добро.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*Говарду*). Вы как новый владелец нашей больницы не станете возражать, если прибавится еще один пациент, и мы немного полечим вашего должника?

ГОВАРД. Что значит полечим?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Наверное, лечить – это ставить клизмы.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Хорошее предложение. Но для приобретения оборудования (*пальцами выдавливает воображаемую клизму*) потребуются дополнительные средства.

ГОВАРД. Ноу проблем! Я финансируй больниц сколько надо. Только клизма обязателен. Этот джулик прятался три месяц и не хотел отдавать мои доллар.

РОМАН (*хватает колокольчик и вскакивает с кресла*). Сейчас как двину по твоей башке сначала за мышь, а потом – за жулика.

Вбегают два санитар

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*в сторону*). Похоже, это уже не учебная. (*Незаметно для остальных уходит в двери*).

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Господа, соблюдаем спокойствие! Никто не нервничает. (*Санитарам, показывая на Романа.*) Сенья, определите еще одного пациента в четвертую палату – на место Игнатушки. Пусть немного посидит, может, поумнеет. Да-да, Сенечка, временно, до выяснения всех обстоятельств.

СЕНЯ. Сделаем. Нам все равно кого определять. А с этим как быть? (*Кивает в сторону Говарда.*)

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. А уважаемого господина Говарда прошу любить и жаловать. Это наш новый владелец клиники. Посели его в освобожденную Терентием Яновичем комнату. И, кажется, он будет там жить не один, а с женщиной.

СЕНЯ. С какой именно?

Входят Вера и Аня.

ЖАННА (*Вере*). Извини, но я от тебя такого не ожидала.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*Сене*). Одна из них. (*Показывая на Романа*). Впрочем, этого пока оставь здесь, пусть тоже определится. (*Берет Говарда под руку. Уходят*)

СЕНЯ (*грозит Роману пальцем.*) Смотри, мы будем непо-

далеку.

Санитары уходят. Игнатушка, подражая Сене, тоже грозит пальцем и уходит. Роман осторожно, словно гранату, кладет колокольчик на стол, опасаясь, что он зазвенит.

РОМАН (*поворачиваясь к женщинам*). Вера?! А ты почему еще здесь? Ты же собиралась уезжать.

БЕРА. Я передумала.

РОМАН. Ну и правильно! Вчера был сумасшедший день. Я рад, что все разговоры о разводе остались в прошлом.

ЖАННА. Вот именно. Настало время от разговоров переходить к действиям.

БЕРА. Твои действия мы видели.

ЖАННА. А твои, к сожалению, видел только Говард.

РОМАН. О каком Говарде ты говоришь?

ЖАННА. Можно подумать, что здесь их несколько. Он здесь в единственном числе. Остальные – собаки и умалишенные.

ВЕРА. Действительно, из нормальных мужчин в этом доме лишь Говард.

РОМАН. Как это понимать?

ВЕРА. Как хочешь, так и понимай. (Подкрашивает губы у зеркала.) Мне бельгиец сделал предложение.

РОМАН. Какое предложение?!

ЖАННА. Ну не в карты же сыграть. Забыл, как иногда поступают мужчины?

РОМАН. Вот так чудеса. Сделал предложение?! А ты?!

ЖАННА. А она тебе сделала рога.

РОМАН. Вера, что за глупости она несет?

ВЕРА. То, что я говорила и раньше: мы разводимся, и каждый живет отдельной жизнью. Так, как хочется.

РОМАН. Вера, прекрати меня разыгрывать. Пошутили и хватит. Мы ведь хотели его проучить. Это была только игра и не больше.

ВЕРА. Ты исполнял роль миллионера, но провалил ее, а я миллионерши...

ЖАННА. И, надо сказать, тоже играла никудышно. Это не твое амплуа. Думаю, у тебя лучше будут получаться служанки, нищенки и женщины легкого поведения.

ВЕРА. С моим талантом можно сыграть кого угодно. Но, конечно, чтоб изображать последних, придется понаблюдать за тобой.

Входит Говард.

ЖАННА. Вот и наблюдай. (*Бросается к Говарду.*) Вы так чудесно сегодня выглядите!

ГОВАРД. Спасибо, спасибо... А ви свежи, как роз. (*Поворачивается к Вере.*) А ви, как благоуханный фиалка.

ЖАННА (*в сторону*). Ночная.

ГОВАРД. А я старый-престарый сухой бамбук. Я имей много проблем. Один из них благодаря он. (*Показывает на Романа.*) Этот господин отнял мой договор и не хочет его отдавать.

РОМАН. Заколебал ты меня своим договором. Сколько раз говорить – украли его, украли! Кто отыщет эту бумагу, тот и станет миллионером.

ЖАННА. Безобразие! Так обходиться с документами. *(Прижимается к Говарду)*. Мы обязательно найдем этот договор.

ГОВАРД. Ви? Найдете?

ЖАННА *(берет Говарда под руку)*. Не сомневайтесь в этом. Я знаю всех и все. Помимо того, изучала делопроизводство и в лицо помню каждую бумажку «ЛСД-Холдинг-Инвест». Опытней секретаря, чем я, вам не отыскать. Можете на меня положиться и днем и ночью.

ГОВАРД. Мне надо подумайт.

РОМАН. Тут и думать нечего. Сказано ведь: и днем и ночью.

ГОВАРД. Корошо. Я согласен. Будем искать договор вдвоем – я и мой секретарь, красивый, как роз.

ВЕРА. В таком случае, успехов вам. Не стану препятство-

вать скрещиванию розы с бамбуком (*уходит*).

ГОВАРД. Вера, куда же вы? (*Устремляется за ней, но Жанна удерживает его.*)

ЖАННА. Она заболела. Вы недавно так шандарахнули ее машиной, что у нее до сих пор кружится голова.

ГОВАРД. Ноу. Он здоровый, я знаю.

РОМАН. Нет-нет, этот немчуря Генрих голову все-таки вскружил.

ГОВАРД. Не называй меня немчуром. И я не Генрих, а Говард!

ЖАННА. Действительно, что за детская привычка коверкать имена. Лучше бы подсказал, кто мог утащить договор? Кто-то из женщин?

РОМАН (*пожимает плечами*). Может и женщина, но, скорее, мужчина.

ЖАННА (*деловито*). Так. Перебираем и анализируем. Этих кретинов-санитаров выбраковываем сразу.

РОМАН. Не знаю... не знаю... Чем черт не шутит. Сеня тоже заходил в мою комнату.

ЖАННА. Сеня? Действительно, чего это я так категорично. Очень даже смысленный паренек. И потом, если его прилично одеть – может составить пару любой порядочной женщине.

РОМАН. Опять же... Твой малохолный Терентий бродит по клинике, словно расконвоированный.

ЖАННА. Как?! Ты думаешь, это он?

РОМАН. Ничего исключать нельзя.

ЖАННА. Да что ж это такое! Силком упрятали человека в психушку, и никто не осмелится вступить за него!

РОМАН. Хотя, твой муженек – вряд ли. Ему этот договор вот где (ребром ладони проводит по шее).

ЖАННА. Так кто же, кто?!

РОМАН. Откуда я знаю. Может просто утерялся, валяется где-то в моих бумагах?!

ЖАННА. Что ты говоришь? (*Отпускает Говарда, берет под руку Романа.*) Ромочка-Ромочка, рассеянный мой мальчик. Ну что с твоей памятью?.. Неужели позабыл, с каким восхищением провожал меня взглядами?

РОМАН. Погоди-погоди. (*Под предлогом, что перебирает варианты воровства документа, отстраняется от Жанны.*) А не этот ли немец (*кивает на Говарда*) сам их и выкрал? А теперь изображает пострадавшего.

ЖАННА. Ему то зачем притворяться?

РОМАН. Кстати, а виза у него в порядке? А границу пересекал легально? Может, его разыскивает Интерпол как опасного террориста?

ЖАННА. Рома, это несерьезно.

РОМАН. А с чего бы его укусил Ричи, который до этого служил на границе. Он диверсантов за версту чувствует. (*К Говарду резко.*) Ваш паспорт!

ГОВАРД (*Жанне*). Что он говорит?

РОМАН. Гражданин, ваши документы.

ГОВАРД. Какой документ? Ты украл мой документ.

РОМАН. Немедленно предъяви аусвайс! И не вздумай бежать – стреляю по ногам без предупреждения. *(Наступает на Говарда, пытается схватить его за ворот, но тот уклоняется и выбегает в двери.)*

Входит Амалия Львовна.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Что здесь за крик?

РОМАН. Ох и верткий нелегал! Ушмыгнул, зараза.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Да не шумите вы, а лучше расскажите, что случилось, иначе я позову Сеню.

РОМАН. Тут и без Сени скоро всем жарко станет. Тебе первой не поздоровится.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Мне? Жарко? Ты угрожаешь?

РОМАН. Нагрянут спецслужбы. А ты укрываешь диверсанта. Господи, спаси и помилуй изменников родины *(хватается за голову)*. Жанна, ты не помнишь, по этой статье смертную казнь отменили?

ЖАННА. Я... Я не юрист...

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Кто диверсант? Какой диверсант?

РОМАН (*не отвечая на вопрос*). Финансовые махинации – еще куда ни шло. Кто у нас не жульничает. Запустить лапу в чужой карман – это считается не преступлением, а доблестью. Собаки бросаются на людей – эка невидаль. У нас у каждого подъезда кто угодно может на тебя напасть. А вот измена родине... Тут уж никто не отвертится.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*взволновано*). Да объясни же в чем дело.

РОМАН. Агентура, резидент. Разветвленная сеть, окопавшаяся под видом приюта. И все это за иностранные деньги.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Какие деньги?! Уже полгода и копейки никто не дает.

РОМАН (*Жанне, указывая на Амалию Львовну*). Вот вам, Жанна, картина полного нравственного распада. Доллары пачками из рук в руки передают. И при этом, думают, концы в воду. Но мы-то сюда зачем присланы?! Или нас плохо учили в спецшколе?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. В какой спецшколе?

РОМАН. Может, вам еще ее координаты продиктовать? А завтра по Би-би-си послушать – правильно ли вы их отстучали?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*растеряно*). Да что же это делается?

РОМАН. Не увиливать! Разрешите представиться – майор Романовский. А это агент Жанна. Работает под прикрытием супруги миллионера.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Какого миллионера, ты меня окончательно запутал?

РОМАН. Не важно какого. Миллионеры могут меняться, а женой у них должна оставаться Жанна. Это незыблемое условие. Я правильно говорю, Жанна?

ЖАННА. В общем то, если посмотреть...

РОМАН. Видите, правильно. А теперь отвечай быстро! Кто выкрал договор?! (Берет ее за плечи, привлекает голову Амалии Львовны вплотную к своему лицу.) Смотреть в

глаза!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Я ничего не брала.

РОМАН. Не мигать, и не замечать следы.

Входит Игнатушка.

ИГНАТУШКА. Я не помешаю вам?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Игнатушка, хоть ты скажи ему, что нет у нас никаких шпионов. Мы люди законопослушные и ничего не нарушали.

ИГНАТУШКА. Так уж и ничего?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Ни одного закона.

ИГНАТУШКА. По-твоему, я слепой. А супружескую верность? Думаешь, я ничего не вижу! Хотя бы ее постеснялась! *(Показывает на Жанну.)*

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Игнатушка, не время сейчас выяснять отношения. Скажи ему – могла ли я украсть документы? Да не молчи! Муж ты мне в конце концов или нет?

РОМАН. Он? Твой муж? Ничего себе! Вот так конспирация! Выходит, ты ее супруг?

ИГНАТУШКА. Нет, с чего ты взял?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Как так нет?

ИГНАТУШКА. А вот так. Сама же недавно утверждала, что теперь ты мне не жена. Выходит, и я тебе больше не муж.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Ты посмотри, как заговорил!
(Грозно ставит руки на бедра.)

РОМАН. Действительно, что-то я Игнатушку не узнаю.

ИГНАТУШКА. погоди, скоро узнаешь. И все дармоеды этого дома тоже узнают.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Что?!

ИГНАТУШКА. Разгоню этот собачий питомник. Всех! В шею! А собак – на живодерню. Развелось их тут, из комнаты не выйдешь!

РОМАН. погоди-погоди... Кого-то ты мне сейчас напоминаешь. Точно! Терентия в первый день его приезда! Но

извини – он-то глава корпорации...

ИГНАТУШКА. БЫВШИЙ. (*Невозмутимо смотрит в потолок. Многозначительно барабанит пальцами по своему бедру.*)

РОМАН. Уж не хочешь ли ты сказать?..

ИГНАТУШКА. Тут и говорить нечего. Его закладная у меня. И теперь этим домом и всем, чем владел Терентий, командую я.

ЖАННА. И правильно. Где это видано, чтобы умный и начитанный мужчина находился в тени, а точнее – под каблуком у собачьей предводительницы. (*Берет Игнатушку под руку.*) Я только что им говорила – вы самый достойный мужчина в этом доме.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Ой, сердце. Мне плохо.

РОМАН (*бросается к Амалии Львовне*). Что с тобой, Амалия?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Рома, это ужасно. Это настоящая беда!

РОМАН. Да какая там беда! Пусть он подавится этой бумагой и всеми нулями, которые в ней нарисованы.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Это трагедия, Рома. Он выгонит всех собак на улицу.

ИГНАТУШКА. Большой дубиной. Первого Ричи. А вас всех – следом за ним.

ЖАННА. И правильно сделаете. Любое новое дело надо начинать с ротации кадров.

ИГНАТУШКА. А вот ее, пожалуй, оставлю. *(Показывает на Жанну.)*

ЖАННА. И никогда не пожалеете об этом. Я опытный менеджер, и пусть вас не смущает моя молодость.

ИГНАТУШКА. Да разве молодость в женщине когда-то смущала мужчин?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Ромочка, что он говорит?

РОМАН. Амалюшка! Как всегда глупости, которые почерпнул из газет. Где ему было набраться ума? И потом – он не разбирается в женщинах, если меняет тебя на эту, на

эту...

ЖАННА. Ну-ну. Скажи что-нибудь, глаза выцарапаю.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Но она ведь моложе меня?

РОМАН. А у тебя сердце добрее.

ИГНАТУШКА. Насмотрелся я на эту доброту.

РОМАН. Молчи! Я бы вообще на ее месте давно тебя прикончил. Временами она, конечно, строгая. Но как здесь без строгости?! Попробуй, удержи в руках все это хозяйство! Конечно, хитрила, не без того. Но средства-то добывала не из личной корысти. Так иной раз любящая мать ловчит, выкраивая копейку, чтобы дети не остались без хлеба. Кто ее за это осудит?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Ромочка, дорогой мой, ты один меня понимаешь.

ГОВАРД. И я все понял. Этот дом кишит много жулик. Буду обращаться в суд. Пусть этот господин *(показывает на Игнатушку)* вернет бумаг. Я еду к адвокат. *(Жанне.)* Ви ехать со мной или с этим господин?

ЖАННА (*в нерешительности мечется между Игнатушкой и Говардом, хватает под руку Игнатушку, а затем и бельгийца*). Что же вы так? Воспитанный человек, а рубите с плеча по-чапаевски! Давайте спокойненько все обсудим. Мы цивилизованные люди, и законы у нас в стране вполне сносные, если к ним правильно подходить. Опять же, в моем лице вы встретили опытного помощника. (*Уводит их со сцены.*)

РОМАН. Не помощник, а настоящий академик. Поможет облегчить им карманы.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. А ты, Ромочка, облегчил мое сердце. И, пожалуйста, не обижайся на то, что я когда-то стгоряча сказала, будто ты упитанный. Зачем ты говорил, что я храплю?

РОМАН. Это Игнатушка говорил, что ты храпишь. А со мной ты стонешь.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА (*льнет к Роману*). Это ты сейчас говоришь, пока нет твоей Веры.

РОМАН. Она уже не моя, она – будущая супруга миллионера.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Ромочка, я уж совсем запуталась в

этих миллионерах. Какого именно?

РОМАН. А это уж пусть они с Жанной на пару разбираются. Нам-то с тобой какое до них дело?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Как какое? А с собачками-то, с собачками что будет?

РОМАН. Что-нибудь придумаем. *(Целует ее.)*

Вбегают Аня, за ней входит Терентий Янович.

АНЯ *(радостно)*. Мама, мама, меня Терентий покатал на «Бентли!» *(Увидев целующихся, останавливается в нерешительности.)*

РОМАН *(разряжая обстановку, говорит, как ни в чем ни бывало)*. Небось гнал как сумасшедший.

АНЯ. Нет-нет, что вы!

РОМАН *(великодушно)*. Ладно тебе, знаю, что гнал. Он человек азартный, ни в чем меры не знает. Но нашего мустанга скоростью не удивишь.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Доченька, я хочу тебе сообщить...

(Поворачивается к Роману.) Рома, ты не против...

РОМАН. Конечно, чего резину тянуть.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Анечка, в общем, знай... твой папа... Он так поступил со всеми нами... Твой папа...

АНЯ. Что папа?..

РОМАН (*выступая вперед*). Анечка, одним словом... К-х... В общем, теперь я твой папа... (*Амалии Львовне.*) Если ты не против?

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Конечно, мой милый, конечно.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (*откашливается*). К-х, к-х... В таком случае: папа и мама, вы не станете возражать, если я возьму в жены вашу дочь, которую полюбил сразу же, как только увидел.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Если вы действительно любите Анечку, я не возражаю.

РОМАН. Я тоже не против, если, конечно, даешь слово не оставлять своих родителей в бедности.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. И всех, кто находятся рядом с нами.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Прошу поконкретнее.

РОМАН. Ну это о тех, кто *(рукой изображает шнырянье)* бегают, иногда гавкает, случается что и воет – не без того.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Иной раз и штанишки рвет...

РОМАН. И правильно делает. Кстати, ты заметил, насколько этот Ричи лучше разбирается в людях, чем мы?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ты о чем?

РОМАН. Кусает-то он выборочно. Квадратно-гнездовым методом. Игнатушку отметил, Генриха, Жанну. *(За кулисами слышится крик и собачий визг)*. Вот опять какого-то мерзавца тяпнул.

В комнату с палкой в руках вбегают разъяренный Игнатушка.

ИГНАТУШКА. Где эта псина? Убью!

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Что случилось?

ИГНАТУШКА. Где Ричи?! Он вырвал из рук договор! Разодрал его в клочья! Два миллиона баксов! Где он?! Убью!
(Убегает из комнаты.)

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Надо спасти Ричи. (Амалия Львовна и Аня убегают следом за Игнатушкой.)

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ (крестится). Господи, благодарю за милость твою.

РОМАН (крестится, вторя ему). И убереги нашего четвероногого благодетеля в сражениях этого дома.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Да, Рома, это настоящие сражения. И не только в этом доме. Они повсюду. Настоящие бои без правил. Без чести и совести. Стоит человеку немного оступиться, и никто его не подхватит. А наоборот – норвят столкнуть на обочину. А затем списывают, как негодную вещь. Если хочешь знать – я даже благодарен тебе за все, что ты здесь замутил. Помог мне прозреть.

РОМАН. Ну спасибо. Наконец-то дождался благодарности. И главное, как изыскано сказано – «замутил».

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А что ты хочешь от водителя, да

еще начинающего? Но я серьезно. Представь, а ведь могло случиться, что истинное лицо Жанны открылось бы мне перед самой моей смертью. Каково бы мне тогда было – старому и немощному – с таким вот багажом забираться в гроб?

РОМАН. Ничего, забрался бы. Жаннушка подсобила бы.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Нет, и в самом деле, спасибо тебе.

РОМАН. Ладно тебе сироп разводить, проехали. Лучше подумай, как нам окончательно из лап Говарда вырваться.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Теперь вырвемся как-нибудь. Напрасно он, бестия, карты передергивал. Не знаю даже как и благодарить тебя. Хочешь, чемоданы буду таскать?

РОМАН. Спасибо, не надо. И сами не переломимся. И это... Насчет твоей фирмы, чтоб я руководил ею... Пошутили и хватит. Я не согласен на такую метаморфозу.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Как так не согласен? Соглашался, соглашался, а теперь в обратную сторону?

РОМАН. Не в обратную сторону, а заднюю передачу. То же мне водитель.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Так что, по-твоему, компанию Генриху... черт побери, этому Говарду отдавать?

РОМАН. Твоя компания, кому хочешь, тому и отдавай.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Слушай! А давай по очереди.

РОМАН. Что по очереди? Чемоданы таскать?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. И чемоданы таскать, и фирмой руководить. Неделю «ЛСД-Холдинг-Инвест» командуешь ты, неделю – я.

РОМАН. А как насчет остального, в смысле окружающих?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. А вот это уж дудки! Перебьешься. Женщины у каждого свои.

РОМАН. Единоличник, значит. Вот она и вылезла наружу вся твоя сущность мелкого собственника.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. С чего это ты взял, что моя Аня мелкая? Как и положено, все при ней. Конечно, с Амалией не сравнится. А если еще всех остальных твоих приплюсовать...

РОМАН. Вот же язва. Забудь про остальных. Осталась только Амалия, и больше никто не планируется.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Хорошо, хорошо, эту тему проехали. Возвращаемся к нашей фирме. Ну что? Принимаешь предложение управлять ею по очереди?

РОМАН. Да ты ведь опять что-нибудь (выразительно) заму-тишь, а мне потом разруливай после тебя.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Ничего страшного – разрулишь, ты еще не знаешь своих способностей. Согласен?

РОМАН (*чесет затылок*). Эх! Где наше не пропадало! Чует душа, что снова вляпаюсь с тобой в историю. А заднего хода не будет?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Клянусь, что буду советоваться с тобой. Пусть застучит распредвал у нашего «Бентли»!

РОМАН. И чтобы приют не разорять! И ни одну четвероногую душу не сокращать.

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Слово даю. Все останутся, до единой. А Ричи куплю золотой ошейник. Могу это в договоре

указать.

РОМАН. Не надо никаких договоров...

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. И то правда. Ты их, если потребу-
ется, все равно выманишь. Ну что? По рукам?

РОМАН. По рукам.

*За сценой слышится звук автомобильного сигнала. В
комнату вбегают Аня и Амалия Львовна.*

АНЯ. Терентий Янович, Ричи запрыгнул в «Бентли» и за-
хлопнулся.

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. А теперь вон сигналит.

РОМАН. Если уж Ричи сигналит, то действительно по-
ра ехать. *(Терентию Яновичу.)* Кстати, чья сегодня очередь
старшим быть?

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Пусть будет твоя.

АНЯ. Вы о чем?

РОМАН. Он знает. А коли я главный, то хватай чемодан и

на четвертой мчим к нашему главбуху. Надо сообща покуме-
кать как разбомбить этого Генриха. *(Направляется к двери.*
Терентий Янович берет чемоданы, один из которых в это
время открывается, и его содержимое вываливается нару-
жу.) Господи, чемодан спокойно пронести не можешь! *(Аня*
с Терентием Яновичем заталкивают вещи в чемодан.)

ТЕРЕНТИЙ ЯНОВИЧ. Я не носильщиком к тебе нани-
мался.

РОМАН. Что?! Поговори мне. *(Аня и Терентий Янович*
уходят со сцены с чемоданом. Роман грозит им вослед.)
И вздумай еще хоть раз тронуться на ручнике! *(Амалии*
Львовне.) Ничего доверить нельзя. Ох уж эта молодежь! Все
на нас с тобой, Амалюшка. Все на нас. Но мы это дело отре-
гулируем. Отрегулируем? *(Обнимает ее, целует. За сценой*
раздается автомобильный сигнал.)

АМАЛИЯ ЛЬВОВНА. Ричи?

РОМАН. Если бы Ричи. Это уже наш личный Шумахер.
Никакого почтения к родителям. Придется идти, иначе ак-
кумулятор посадит. *(Уходят)*

(Занавес)